

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

2013

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2013

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), Н.Л. Галеева, д.ф.н., проф. (Тверь), Л.М. Геллер, проф. (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Л.И. Журова, д.ф.н., доц. (Новосибирск), Г.С. Зайцева, д.ф.н., проф. (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, проф. (Канада, Галифакс), П.А. Лекант, д.ф.н., проф. (Москва), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), В.П. Никишаева, к.ф.н., проф. (Бийск), В.А. Пищальникова, д.ф.н., проф. (Москва), О.Г. Ревзина, д.ф.н., проф. (Москва), В.К. Сигов, д.ф.н., проф. (Москва), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), Ф.М. Хисамова, д.ф.н., проф. (Казань)

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Т.Н. Василенко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Страница журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philology_journal/

Страница журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Г.В. Кукуева. Жанрово-стилевая матрица рассказа-сценки (на материале текстов малой прозы В.М. Шукшина).....	7
Л.В. Роббек. К вопросу о лексико-семантической диффузности (лингвофольклористический аспект).....	15
Р.В. Белотин. Концептуальная оппозиция «Свой – Чужой» в немецком спортивном дискурсе (на примере субдискурса футбольных фанатов).....	24
Н.В. Трубавина. Бессоюзное сложноподчиненное предложение в синтаксисе островных немецких говоров Алтая.....	33
Г.А. Сосунова. Классификация таможенной терминологии на французском языке и ее использование в профессиональной коммуникации	43

Научные сообщения

Н.С. Тишевская. «Сибирские рассказы и очерки» В.Г. Короленко : контрапункт национальной и региональной идентичностей	53
О.А. Ковалев, А.Д. Негреева. Сюжет и ритм в лирике И. Бродского : к вопросу о соотношении семантики и ритмической структуры лирического текста	60
Е.А. Куликова. «Вервольфы» В. Пелевина : генезис образа человека-волка	66
П.Ф. Иванов. Система идиоконцептов в автобиографической прозе Гюнтера Грасса	74
В.А. Цыбикова. К вопросу о субъектно-объектных отношениях у глаголов с семантикой распоряжения (на материале забайкальской деловой письменности XVIII века)	80
Е.И. Клиник. Методика коммуникативного моделирования жанра имиджевой статьи	89

Выпускники АлтГУ – Университету

Н.В. Бугорская. Научный «подтекст» в литературном тексте : философия науки и жанр детектива	98
В.В. Десятов. «Гомерический бой» : Николай Гумилев и Осип Мандельштам.....	108

Н.В. Мельник. Деривационное функционирование русского текста в персонологическом пространстве	115
Н.В. Панченко. «Энциклопедическая компетенция» читателя как фактор управления композиционным построением текста.....	129
Л.А. Петрова. Смысловая диффузность идиоглоссы в концептуальном пространстве художественного текста.....	140
О.П. Сологуб. Официальное и деловое как организующие начала текста	148
Т.В. Чернышова. Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью.....	161
М.Г. Шкуропацкая. Экспериментальное исследование именной акцентуации в современном русском языке	175
С.И. Якимова. Поэтический диалог как форма философско-эстетических и духовно-нравственных исканий литературы русского зарубежья Дальнего Востока	193

Проблемы филологического образования

А.А. Чувакин. Теория коммуникации. Примерная программа учебной дисциплины (для профиля «прикладная филология»)	210
---	-----

Филология : люди, факты, события

Иде Александровне Воробьевой – учителю, коллеге, наставнику (из воспоминаний)	215
М.А. Кормилицына. Юбилей Ученого, Учителя и уникального Человека	222
С.Б. Сарбашева. Юбилей ученого.....	223

Критика и библиография

А.Е. Иванова. Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Сибири и Дальнего Востока: библиографический справочник / Т.А. Острикова, С.Н. Карамышева, Н.С. Болотнова, В.Я. Булохов, Л.В. Черепанова, А.А. Чувакин и др.; сост. и ред. Т.А. Острикова; зав. каф. Т.В. Викторина. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2013. 200 с.....	226
Резюме.....	229
Наши авторы.....	236

CONTENTS

Articles

G.V. Kukuyeva. Genre and stylistic matrix of story-sketch (on input of V.M. Shukshin's minor prose).....	7
L.V. Robbek. On the lexico-semantic diffusion (lingvofolkloristical aspect).....	15
R.V. Belyutin. Conceptual Opposition "Us – Them" in the German Sports Discourse (by the example of football fans' subdiscourse)	24
N.V. Trubavina. Asyndetic complex sentence in the syntax of the upper and low insular Altai german dialects.....	33
G.A. Sosunova. Classification of terminology in French and its use in professional communication customs	43

Scientific reports

N.S. Tishevskaya. "Siberian Tales and Sketches" by V.G. Korolenko : the Collision of Regional and National Identities	53
O.A. Kovalev, A.D. Negreyeva. Subject and rhythm in J. Brodsky's lyric poetry : on the correlation between semantics and the rhythmical structure of the lyric text.....	60
E.A. Kulikova "Werewolves" of V. Pelevin : the genesis of wolf man's image.....	66
P.F. Ivanov. System of ideconcepts in autobiographical prose by Gunter Grass.....	74
V.A. Tsybikova. About the subject vs object's relations of the order semantics verbs (based on the transbaikalean documentation of the 18-th century).....	80
E.I. Klink. Methods of communicative modeling of image article.....	89

Graduates – for the University

N.V. Bugorskaya. Research "implication" in literary texts: philosophy of science and detective genre.....	98
V.V. Desyatov. "Homeric Fight" : Nikolai Gumilyov and Osip Mandelshtam	108
N.V. Melnik. Derivational functioning of the Russian discourse in the personological area.....	115

N.V. Panchenko. Reader's "encyclopedic competence" as a factor of controlling the compositional construction of a text.....	129
L.A. Petrova. Semantic diffuseness of idiom gloss in the conceptual space of a literary text.....	140
O.P. Sologub. Official and Business-Related as Organizing Principles of a Text.....	148
T.V. Chernyshova. The typological features of the media texts with the pseudo social value	161
M.G. Shkuropatskaya. Experimental research on behalf of accentuation in contemporary Russian language	175
S.I. Yakimova. Poetic dialogue as a form of philosophical-aesthetic and spiritually-moral quest in Russian emigre literature of the Far East	193

Problems of philological education

A.A. Chuvakin. Communication theory. The suggested program of the educational subject (Applied Philology Profile).....	210
---	-----

Philology: people, facts, events

To Ida Alexandrovna Vorobyeva as a teacher, colleague and mentor (some recollections).....	215
M.A. Kormilitsyna. Anniversary of the Researcher, Teacher	222
and a unique Person	
S.B. Sarbasheva. On the anniversary of the Researcher.....	223

Critics and bibliography

A.E. Ivanova. Methods of Teaching Russian Language and Russian Studies in the Essays of the Scholars of Siberia and the Far East: Biobibliographic Reference Book. Abakan, 2013.....	226
Summary	229
Our authors	236

СТАТЬИ

ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ МАТРИЦА РАССКАЗА-СЦЕНКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ МАЛОЙ ПРОЗЫ В.М. ШУКШИНА)

Г.В. Кукуева

Ключевые слова: художественный текст, рассказ-сценка, художественно-речевая структура, жанрово-стилевая матрица.

Keywords: literary text, story-sketch, literary and speech structure, genre and stylistic matrix.

Рассказы-сценки как особый тип текста малой прозы свидетельствуют о поиске нового художественного высказывания, способного в одном сюжетном обстоятельстве сфокусировать множественность смыслов. Подобная фокусировка связана с мощной «эрозией» жанровых различий между текстами малой прозы (В. Бадиков, С.В. Тарасова). Возникновение внутрижанровых модификаций (например, рассказы-анекдоты, «рассказы-притчи» и др.) способствовало смещению традиционных жанровых координат малой прозаической формы, что проявилось в нарушении устоявшейся системы «центр – периферия» жанрового поля: «в центр жанрового поля малой прозы выдвинулись анекдот и сценка, на периферию сместились рассказ и новелла» [Кукуева, 2009, с. 10]. Вследствие произошедших изменений сложились предпосылки для пересмотра существующей внутрижанровой иерархии текстов малой прозы, актуализировалась проблема, связанная с квалификацией новых синкретических образований как результата динамического взаимодействия с жанрами-прототипами (первичными), возникла необходимость моделирования соответствующих жанрово-стилевых матриц. Содержательная сторона данного понятия, во-первых, напрямую связана с категорией жанра как явления, раскрывающегося на пересечении общественного

(набор этикеток, существующих в культуре, регулирующих жанр), индивидуального (жанровая компетенция автора и аудитории), материального (репрезентация в виде набора текстов) и идеального (принципы создания и интерпретации, заложенные в сознании воспринимающего текст). Во-вторых, с определением самой матрицы как «своеобразного образца, каркаса, определяющего и генерирующего свойства объектов» [Захраи, Сидорова, 2009, с. 93].

Современная лингвистическая поэтика, признавая за художественным текстом статус сложного объекта, нуждающегося в установлении его границ и сущностных свойств (Л.Г. Барлас, Н.В. Изотова, Н.А. Кожевникова, Н.А. Николина, М.Ю. Сидорова и др.), указывает на то, что жанрово-стилевая матрица данного объекта определяется: 1) типом повествования 2) влиянием / невлианием жанра-прототипа; 3) своеобразием формально-содержательной и художественно-речевой организации; 4) языковым обликом текста.

С учетом вышеизложенных положений попытаемся описать специфические жанровые черты такой внутрижанровой разновидности текстов малой прозы, как рассказ-сценка и смоделировать соответствующую ему жанрово-стилевую матрицу.

В качестве текстового материала в статье будут проанализированы рассказы В.М. Шукшина. Выбор материала обусловлен тем, что произведение автора отражают общие процессы развития малой прозы: соединив в себе классические традиции с традициями постмодернизма, произведения писателя во многом предопределили жанровые разновидности современной малой прозы (см., например, тексты Е. Ваншенкиной, Д. Симоновой, С. Тесло, В. Тучкова и др.).

Мотивы «театра», «цирка», «художественной самодеятельности», будучи универсальными оценочными категориями шукшинской эстетики, сформировали специфику текстов малой прозы писателя. Автор отказывается от эпиграфов и прологов, минимизирует экспозиции, предельно сжимает описания, на первое место выдвигает сценичность, игровое начало, зрелищность и динамичность повествования, – признаки, имеющие разные способы реализации: через игру одного героя-актера, диалогическое соотношение речевых партий повествователя и персонажей, парадоксальность или драматизм ситуации. Драматическое действие как жанр-прототип определяет всю архитектуру повествования в таких рассказах, как «Артист Федор Грай», «Вянет, пропадает», «Даешь сердце!», «Космос, нервная система и шмат сала», «Крыша над головой», «Свояк Сергей Сергеич», «Срезал», «Танцующий Шива» и др.

Формальная сторона анализируемых текстов отличается лаконичностью в изложении событий, отсутствием пространных зачинов. Экспозиционная речь повествователя вводит читателя в разворачивающуюся ситуацию: «*Старик Наум Евстигнеич хворал с похмелья, лежал на печке, стонал*» («Космос, нервная система и шмат сала»). Функционирование элементов сценичности демонстрируется приемом «раскадровки кадров». Текст рассказа представляет собой цепочку разворачивающихся фрагментов-сцен, последовательная смена которых сопровождается кратким авторским комментарием, функционально сближенным с драматической ремаркой. Например, в рассказе «Свояк Сергей Сергеич» прием «раскадровки» способствует продвижению действия, формирует визуальное восприятие сцен: «*Свояки закурили / Андрей поднялся / Андрей вышел во двор / Андрей поддал. Сергей Сергеич опять неустово начал хлестаться / Андрей на минуту влез на полоч / Закурили в прохладном предбаннике*» и пр. Особую нагрузку в композиции текстов имеют сцены, построенные «по законам спектакля». Ролевая игра персонажей обнажает казусность ситуации как сюжетной основы повествования, становится сигналом назревающего конфликта: «*Глеб шел несколько впереди остальных, шел спокойно, руки в карманах, журился на избу бабки Агафы, где теперь находились два кандидата. Получалось вообще-то, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца, когда становится известно, что на враждебной улице объявился некий новый ухарь*» («Срезал»).

Содержательная сторона рассказов-сенок детерминруется их драматической природой. Внешнесобытийный план, открывающий повествование, зауряден (приезд гостей, репетиция пьесы, беседа плотников в чайной по случаю аванса, разговор старика со школьником-квартирантом). Однако развитие событий получает неожиданный поворот, сопровождающийся игровым началом (спектакль в спектакле), стихией обмана, эксцентрикой, сменой «масок», использованием атрибутов игры: песен, костюмов, инструментов (гармошка, баян). Выдвижение признаков сценичности способствует «перерастанию» события в необычный случай: интеллектуальный спор-срезание («Срезал»), оригинальный символический танец («Ганцующий Шива»), поучительную речь о добре и терпении («Непротивленец Макар Жеребцов») и пр. Казусному повороту зачастую сопутствует детальное описание подготовки персонажа к акту коммуникации: «*И вот наступало воскресенье. В воскресенье Макар не работал. Он ждал воскресенье. Он выпивал с утра рюмочку-две, не больше, завтракал, выходил на скамеечку к воротам... Была у него такая скамеечка со столиком, <...> он удобно устраивался*

– *нога на ногу, закуривал и, поблескивая повлажневшими глазами, ждал кого-нибудь*» («Непротивленец Макар Жеребцов»).

Как правило, тексты рассказов-сенок В.М. Шукшина демонстрируют две ситуации: внешнюю, представленную речью одного из персонажей, и внутреннюю, реализуемую «словом» героя, преследующего прагматическую цель, не соответствующую внешним условиям. Содержательное «рассогласование» ситуаций проявляется в диалоге непонимания:

– *Я обрадовался... <...>, мне попало на глаза ружье, я выбежал во двор и выстрелил.*

– *В ночное время.*

– *А что тут такого?*

– *Что? Нарушение общественного порядка трудящихся.*

– *Простите, не подумал в тот момент... Я – шизя.*

– *Кто? – Не понял милиционер («Даешь сердце!»).*

Посредством выдвижения игровой эксцентрики тексты ориентированы на показ конфликта между обыденным, бытовым началом и духовным, реализующимся в образах чудиков В. Шукшина. В связи с постановкой конфликта показателя «галерея» персонажей, свойственных драматическим произведениям: «вечный плут – Елистратыч» («Крыша над головой»), «мастер спора – Глеб Капустин» («Срезал»), «шизя – ветфельдшер Козулин» («Даешь сердце!»), «Иван-дурак, прощающийся с печкой» («В профиль и анфас») и др.

В композиционно-речевой организации рассказов-сенок представлена краткая, экспозиционная речь автора, передающая паралингвистические сообщения: жесты, мимику, различные реакции на поведение собеседника в диалоге. В примере: «*Глеб что-то показал руками замысловатое*» («Срезал») в содержание «слова» повествователя входит обозначение описательно-изобразительного жеста, имитирующего объект через движения. Вербальное выражение смысловой стороны речи персонажа зачастую заменяется описанием жестового действия: «*Юрка вынес сало в сенцы. Вернулся, похлопал себя по животу*» («Космос, нервная система и шмат сала»). Детальность описания жеста формирует сценический образ героя: «*Аркаша отдал вилок кусочек котлетки, подцепил его, обмакнул в соус и отправил в рот – очень все аккуратно, культурно, даже мизинчик оттопырил*» («Танцующий Шива»). Глаголы настоящего времени несовершенного вида, оформляющие временной план авторского «слова», позволяют сохранить зрелищность описываемого случая, сиюминутность происходящего перед глазами аудитории: «*Пауза. Юрка поскрипывает пером / Юрка не хочет боль-*

ше разговаривать» («Космос, нервная система и шмат сала»). Немаловажное значение имеют конкретизаторы глагольного действия. Фиксируя внешнее проявление неречевого поведения, они содержательно дополняют речь участников коммуникативного акта: *«Иван поставил гармонию на лавку, закурил, долго молчал. И вдруг не дурашливо, а с какой-то затаенной тревогой, даже болью сказал...»* («В профиль и анфас»).

Особенности авторского повествования в текстах рассказов-сценок писателя детерминированы ограниченностью сценического времени и установкой на актерское проигрывание ситуации, что в речевом отношении соответствует минимальности объема и редуцированности структуры повествовательных и описательных форм, незначительности роли рассуждений и оценок.

Специфические черты художественно-речевой структуры анализируемых текстов во многом определяются выдвиганием на первый план стихии диалога со смысловым и формальным усложнением реплик. Количественное преобладание диалога над «описательной частью» позволяет конденсировать изображение. Ведение диалога, как правило, поручается одному из героев. Он наделяется коммуникативно активной ролью, управляет речевым поведением партнера и корректирует его реплики (Глеб Капустин, свояк Сергей Сергеич, Аркаша Кебин, восьмиклассник Юрка и др.). Доминирование речевой партии персонажа – свидетельство наглядно развивающегося театрализованного представления, заменяющего традиционную повествовательную часть. Изображение эмоций героев в сценическом поведении, целеустремленное развитие действия – отражают черты драматически самодостаточного диалога. Нарративная функция диалога наглядно проявляется в диалогических единствах, сокращающих авторскую речь до уровня ремарки. Речь героев зачастую заменяют описания и рече-жестовый комментарий. Рассмотрим фрагмент диалогического единства:

– Буду... Отпусти!

Ванька отпустил.

– Гад такой. Обрадовался – здоровый? – Аркашка потер шею. – **Распустил грабли-то...** Попроси по-человечески – станцую, обязательно надо руки свои поганые таращить! («Танцующий Шива»).

Диалогизированная речь персонажей ситуативна и сценична. Она производит изменения в героях, выражает действие – внутреннее и внешнее, внедряется глубоко в психику. Использование диалога подобного рода становится для В.М. Шукшина своеобразным приемом эксплицирования конфликта «чудика» с окружающими. Признак сценично-

сти ярко проявляется в диалогах-проигрываниях персонажами сценических ролей, например:

– Ну-ка – *вмах!*.. До крыльца.

– Брось!.. – Андрей передернул плечами. – Ну?

Своjak сидел крепко.

– Ну, до крыльца! Ну! – Сергей Сергеич от нетерпения пришпорил в бока Андрею. – Ну!.. Шутейно же! Гон! Гон!.. Аллюром! («Своjak Сергей Сергеич»).

В художественно-речевой структуре рассказов-сценок особой функциональной значимостью характеризуются языковой (примеры рассмотрены выше) и ситуативный диалог. Ситуативный диалог представляет собой составную часть разворачивающейся в рассказе ситуации. Сигналы эллиптичности свидетельствуют об информативной «неполноценности» реплик. Смысловая сторона реплик-стимулов и реакций «прочитывается» посредством воспроизведения отдельно взятой ситуации. Рассмотрим текстовый фрагмент:

Андрей с сожалением оторвался от трубки, уступил место сыну. И жадно и ревниво уставился ему в затылок. Нетерпеливо спросил:

– Ну?

Сын молчал.

– Ну?!

– **Вот они!** – заорал парнишка. – **Беленькие...**

Отец оттащил сына от микроскопа, дал место матери.

– **Гляди! Воду одна пьет...**

Мать долго смотрела... Одним глазком, другим...

– **Да никого я тут не вижу** («Микроскоп»).

Реплики героев рассказа носят ситуативный характер: «*вот они, беленькие*», «*воду одна пьет*» (кто?). Сигналы эллиптичности погашаются именем ситуативного компонента, обозначенного в ситуации «просмотра» микробов. Ситуативный диалог функционально значим для всех анализируемых текстов рассказов-сценок. Его активность продиктована выдвиганием признака сценического действия, рассчитанного на визуальное восприятие.

Объем монологической речи в рассказах-сценках невелик. Формы монолога определяются выдвиганием игрового начала и сценического бытования текстов. Особую значимость приобретает внешняя монологическая речь, оформляющая фрагменты сценической роли персонажей. Например, в рассказе «Микроскоп» «слово» героини звучит как пародия на речевой жанр причета: «*Ох, да за што же мне долюшка така-ая?.. Да копила-то я их, копила!.. Ох, да лишний-то раз кусочка*

белого не ела-а!.. Ох, да и детушкам своим пряничка сладкого не покупала!.. Все берегла-то я. Берегла, скважина ты кривоноса-а!» Синтаксический параллелизм, «страдальческая» напевность фраз связаны с игровой маской героини, ее установкой вызвать жалость со стороны мужа, к которому она испытывает негативные чувства.

Монолог персонажей в рассказах-сценках может иметь все признаки ситуативного. В этом отношении показателен фрагмент текста рассказа «Срезал»: *«А вот когда одни останетесь, подумайте хорошенько. Подумайте – и поймете. – Глеб даже как-то с сожалением посмотрел на кандидатов. – Можно ведь сто раз повторить слово “мед”, но только от этого во рту не станет сладко. Для этого не надо кандидатский минимум сдавать, чтобы понять это. Верно? Можно сотни раз писать во всех статьях слово “народ”, но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней <...>. Приятно провести отпуск... среди народа. Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей»*. Лексические единицы, выделенные в речи персонажа, характеризуются неполнотой семантики: «останетесь», «подумайте», «выезжаете» (кто?), «понять» (кому?), «не прибавится» (у кого?), «приятно провести» (кому?). Поставленные вопросы восполняются, во-первых, ситуацией, изложенной выше по тексту, во-вторых, авторской ремаркой, прогнозирующей имя ситуативного компонента: «кандидаты», «знатные люди».

Уровень языковых средств, оформляющих речевую партию повествователя, адекватно отражает весь спектр жанровых признаков сценического представления. Простые, лаконичные предложения доминируют над сложным синтаксисом. Лексический строй фраз отличается использованием единиц с семантикой сценичности, театрализованности: «артист», «участники драмкружка», «как на спектакль ходили», «сделал ритуальный скос», «как он танцует, Шива, – это надо смотреть», «форсили своими сверкающими щитами», «как перед батальоном – протяжно скомандовал»; крылатых выражений: «свояк выкинул шутку», «сделал козла», «мать становилась сама не своя». Данный уровень реализует систему приемов «свертывания» чем и обеспечивает функционирование элементов драматического письма.

Языковые средства речевых партий персонажей, демонстрируют игровую эксцентрику поведения героев. В соответствии с выбранной ролью их речь наполняется специфическими лексемами. Речь Ивана («В профиль и анфас»), изображающего из себя независимого, гордого человека, не унывающего после ухода жены, наполнена чужими

фразами, за которыми подчас нет никакого содержания: *«нет счастья в жизни»*, *«я должен сгорать от любви»*, *«ни под каким лозунгом»*. Осознание жизни как театра проявляется в речевых партиях большинства персонажей: *«ваша самодеятельность с салютом в ночное время – грубое нарушение покоя»* («Даешь сердце!»), *«не трагедия, а социальная драма»* («Крыша над головой»).

Впечатление зримо разворачивающихся диалоговых сцен создается посредством активного использования простых двусоставных и односоставных предложений, неполных и эллиптических конструкций, слов-предложений; резкой смены синтаксической структуры и длины предложений, экспрессивного порядка слов. Доминантной чертой всех перечисленных синтаксических явлений служит разговорность, ситуативность и спонтанность. Спорадическое использование в речи персонажей таких композиционно-речевых структур, как несобственно-прямая речь, внутренний монолог, характеризует тексты рассказов-сенок как эпическую форму повествования.

Итак, влияние сценического повествования как жанра-прототипа на тексты малой прозы проявляется в активизации драматических элементов, предопределяющих форму, содержание, композиционно-речевую и языковую организацию рассказов-сенок. Жанровая специфика проанализированных текстов заключается в реализации особой жанрово-стилевой матрицы, существенные качества которой кроются в механизме взаимодействия драмы и эпики, в активности выдвижения таких жанровых признаков сценического повествования, как казусность ситуации, организующей сюжетную основу, краткость действия, игровое начало, зрелищность, открытый выход на диалог с аудиторией. Законы построения матрицы предопределяют систему соотношения речевых партий повествователя и персонажей, в которой наблюдается «свертывание» авторского повествования до уровня ремарки, преобладание диалогической речи над монологической, наличие героя-актера, наделенного коммуникативно активной ролью. Жанрово-стилевая матрица предполагает свойственные ей способы реализации авторской позиции. Авторская точка зрения замещается единством зрелищной сцены, в основе которой заложено противоречие между внешней и внутренней казусной ситуациями. Совместимость ситуаций с «плоской» композицией текстов служит основой театра одного персонажа-актера, ведет к раскрытию «образа автора» через организацию событий, запуск саморазвивающегося речевого действия, через ситуативные реплики, диалоги, монологи, семантика которых направлена на раскрытие целостного события.

В завершение наших рассуждений еще раз подчеркнем весомое влияние творчества В.М. Шукшина на развитие малой прозы в целом, что позволяет экстраполировать методику анализа и полученные на ее основе результаты в сторону описания жанрово-стилевых матриц таких внутрижанровых разновидностей текстов современной малой прозы, как рассказ-анекдот, миниатюра, притча.

Литература

Захраи С.Х., Сидорова М.Ю. Матрицы в предметном и ментальном мире : к вопросу о взаимодействии терминологических и нетерминологических значений многозначного слова // Филология и человек. 2009. № 2.

Кукуева Г.В. Лингвопоэтическая типология текстов малой прозы (на материале рассказов В.М. Шукшина) : автореф. дис. ... доктора филол. наук. Барнаул, 2009.

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФFUЗНОСТИ (ЛИНГВОФOLЬKЛOPИCTИЧECKИЙ АСПЕКТ)

Л.В. Роббек

Ключевые слова: лингвофольклористика, эпос, олонхо, диффузия, семантика, формула.

Keywords: lingvofolkloristics, epos, olonkho, diffusion, semantics, formula.

В лингвофольклористике в настоящее время, говоря об отличительных чертах фольклорного слова, стало общепринятым называть такие его свойства, как семиотичность, символичность, ассоциативность, иерархичность, размытость значения, идиоматичность, переходность [Бобунова, 2004], релейность, широта и разнообразность функциональных возможностей, семантическая неустойчивость и неопределенность [Хроленко, 1992], образность, коннотативность, суггестивность, синкретичность [Слепцов 2000; Слепцов 2008 а] и некоторые другие. Вполне закономерно, что такой состав в общей совокупности приводит к чрезвычайной «загущенности» в языке устно-поэтического творчества слов со сложной, а порой и труднообъяснимой семантикой: «в нем (в языке якутского героического эпоса олонхо. – Л.Р.) сплошь и рядом встреча-

ются такие необычные сочетания, «несуразности», непонятные, словно семантически невесомые слова и сочетания, которые с точки зрения современных норм словоупотребления объяснить невозможно» [Слепцов, 2008а, с. 347].

Между тем, по нашему мнению, в основе практически всех перечисленных качеств фольклорного слова лежит другое его свойство, в настоящий момент малоизученное, и потому в трудах указанного плана пока еще малоупотребляемое – а именно, диффузность. По крайней мере, такое положение дела реально по отношению к языку якутского героического эпоса олонхо, который в 2005 году по решению ЮНЕСКО был признан шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества.

Поэтому в настоящее время в якутской лингвофольклористике, в частности, в лингвофольклористической семасиологии специальное исследование диффузности как одного из основополагающих свойств эпического слова крайне актуально. Проведение такого исследования в известной степени конкретизировало бы общее понятие «основного и наиболее универсального свойства языка устной поэзии» [Слепцов, 1990, с. 209] – формульности, поскольку к образованию эпических формул в олонхо диффузность имеет прямое отношение. Во-вторых, укоренившееся в якутском языкознании мнение о том, что «эпический текст практически целиком состоит из формулообразного материала» [Слепцов, 1990, с. 210], на наш взгляд, достаточно тенденциозно, и потому разработка настоящей проблемы в дальнейшем смогла бы внести определенную ясность в указанный вопрос.

В языкознании термин «диффузность» изначально употреблялся в области фонологии и понимался как «англ. *diffuse*. Один из резонансных признаков звуков речи, определяемый меньшей концентрацией произносительной энергии в сравнительно узкой (центральной) области спектра и выражающийся в уменьшении различия между объектами резонаторов впереди и позади точки максимального сужения» [Ахманова, 2010, с. 139]. Впоследствии термин «диффузность» стал применяться и в лексикологических работах [Шмелев, 1973; Бабкин, 1981; Васильев, 2003; Зиминая, 2011 и др.].

Употребляемый в лингвистике термин «диффузный» исследователями сейчас преимущественно понимается в том значении, в котором был введен в обиход академиком Д.Н. Шмелевым: «Точно так же, как контекст обуславливает конкретное значение многозначного слова, в определенных условиях он может создавать семантическую диффузность, то есть совместимость отдельных лексических значений, когда их разграничение не осуществляется (и не представляется необходимым)» [Шмелев, 1990,

с. 382]¹. В настоящей статье мы хотим поставить вопрос об уточнении, а возможно, и расширении содержания данного термина. Однако для решения этой задачи для начала необходимо произвести проблемное описание самого явления семантической диффузности в языке устно-поэтического творчества. С этой целью нами проведен анализ языка якутского героического эпоса олонхо на материале текста «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина (1947).

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова слово «диффузия» определяется как ‘проникновение одного вещества в другое при их соприкосновении’ [Толковый словарь, 2009, с. 147]. Прилагательное «диффузный» в этом словаре определено как ‘смешанный, получившийся в результате диффузии, рассеянный’ [Толковый словарь, 2009, с. 147].

На наш взгляд, диффузность в языке устно-поэтического творчества якутского народа следует понимать как проникновение значения одного слова в значение другого, которое вызывает общую семантическую трансформацию и придает вновь образованному выражению новое коннотативное содержание.

Сказанное наиболее ярко демонстрируется на примере словосочетания *собуруу уола*, которое буквально переводится как ‘сын юга’ (ср. значения компонентов: *собуруу* ‘юг; южный’ [Пекарский, 1958–1959, стлб. 2260], *уол* ‘юноша, молодой человек, парень, мальчик, отрок; сын’ [Пекарский, 1958–1959, стлб. 3030]). В языке олонхо данное выражение употребляется в значении, которое совершенно отличается от значений его компонентов – ‘злой дух, богатырь абаасы’: *Ардьян Дуолай о бонньор, Ада Балаах Ала Буурай эмээхсин икки – соботох харахтаах собуруу уолун соллоһнообун соруйан таһаараннар орто дойдун дьолун тохтордулар, төрүүр оҕо уйатын түһнэрдилэр, иһтэр сүөһү күрүүтүн иһнэрдилэр* ‘старец Арджанг Дуолай со старухой своей Ала Буурай, кто с деревянной колодкой на ногах – нарочито исторгая (из Нижнего мира) кровожадных одноглазых чудовищ, пролили счастье среднего мира, опрокинули колыбели рождающихся детей, разрушили изгороди разводимого скота’ [Нюргун Боотур, 1947, с. 66–68].

¹ См. в связи с этим, например, мнение Н.В. Зиминной о семантической диффузности: «размытость смысловой структуры и сдвиг значения слова в разговорной речи, а также неопределенность, емкость и своеобразная «универсальность» лексического значения» [Зимина, 2011], а также А.В. и К.А. Жуковых: «И широкосзначность, и диффузность выступают своеобразными аналогами, двойниками многозначности, в действительности ею не являясь. Оба феномена, очевидно, относятся к области семантики неопределенности (или переходности), находясь на границе таких смежных явлений, как оттенок (подзачение), употребление и многозначность» [Жуков 2003, с. 107].

Насколько видно из примера, механизм образования семантической диффузии в целом аналогичен механизму образования фразеологизмов и идиом, поскольку здесь, как и во фразеологизмах, наиболее существенным является то, что компоненты «утрачивают свое лексическое значение и не выражают реальных отношений между понятиями» [Нелунов, 1981, с. 23].

Но самое существенное в постановке указанного вопроса заключается в том, что в языке олонхо семантическая диффузия принимает всеобъемлющий, принципиально комплексный характер. Чтобы представить достаточно полную картину данного явления рассмотрим следующий отрывок:

Эмээхсин дьэитигэр сүүрэн тожуча ғынан анһан кишрде да:

– «А ғыс тыһы кыталык курдук кыргыттарым!

Чэйин, о ґобутун

сир курдук симиэ ғын,

тах курдук таһыннарыа ғын!» -

диэн баран,

сытыаран көрө-көрө,

олордон көрө-көрө,

бэдэр гиэнэ бэртэлээ ғынэн,

буобура гиэнэ мугутуурунан,

саһыл гиэнэ са ґахтаа ғынан,

киис гиэнэ киргиллээ ғынэн

Старушка вскачь понеслась домой и, придя туда, сказала:

– «Восемь девушек – прислужниц моих,

похожих на самок стерхов!

Давайте собирать дитяtko,

украсим его, подобно (цветущей) земле,

разоденем его легко и красиво!»

И стали они примерять одежду,

то усаживая ее,

то укладывая ее;

нарядили ее, сшив одеяния

из отборных рысьих мехов,

из наилучших бобровых шкур,

из красивых красных лисиц,

из черных соболей с ворсом [Нюргун Боотур, 1947, с. 88–90].

При проведении анализа в обозначенном аспекте предпочтительно руководствоваться принципами текстологии. Следуя этому, данный пример (так же, как и все другие, подобные ему) мы рассматриваем как одно самостоятельное предложение (своего рода микроединицу языка олонхо), которое в совокупности с остальными образует весь эпический текст (соответственно – макроединицу, то есть непосредственно понятие «язык олонхо»).

Дальнейший же анализ демонстрирует всю сложность понятия семантической диффузности в языке олонхо. Так, указанные микроединицы, в свою очередь, расчленяются на более дробные «составляющие», которые можно подразделить на две большие группы: 1) самостоятельные слова; 2) семантически неделимые обороты.

Вторая группа также подразделяется на 3 подгруппы: 1) эпические формулы; 2) фразеологические обороты, которые в языке олонхо в основном делятся на: а) фразеологизмы; б) фразеологические сращения (то есть идиомы); 3) семантически неделимые единства, то есть связанные словосочетания, значение которых в преобладающем большинстве немотивировано, то есть не возникает от слияния значений компонентов¹.

Основное явление, рассматриваемое в настоящем исследовании, наблюдается во второй группе, то есть в структуре эпических формул, фразеологических оборотов, функционирующих в языке олонхо, а также многочисленных семантически неделимых единств.

В приведенном примере выделяются 4 единицы, образованные по принципу семантической диффузности:

1) *абыс тыһы кыталык курдук кыргыттар* букв. ‘восемь девушек, похожих на самок стерхов’;

2) *сир курдук симизбин, тах курдук талыннарыабын* букв. ‘украшим подобно (цветущей) земле, разоденем, словно (зеленый) лесок’;

3) *сытыаран көрө-көрө, олордон көрө-көрө* букв. ‘то укладывающая, то усаживающая’;

4) *бэдэр гиэнэ бэртэлээбинэн, буобура гиэнэ мугутуурунан, саһыл гиэнэ сабахтаабынан, киш гиэнэ киргиллээбинэн* букв. ‘(одеяниями) из отборных рысьих мехов, из наилучших бобровых шкур, из красивых красных лисиц, из черных соболей с ворсом’.

¹ Обзор основных трудов по фразеологии показал, что в настоящее время все еще отсутствует согласованность и единообразие в области терминологии. Поэтому предлагаемый нами термин «семантически неделимые единства», без всякого сомнения, нуждается в дальнейшей разработке.

Первые две единицы – это традиционные формулы олонхо. При этом, выражение *абыс тыһы кыталык курдук кыргыттар* букв. ‘восемь девушек, похожих на самок стерхов’ является второй частью эпической формулы *тобус субан туруйа курдук уолаттар, абыс тыһы кыталык курдук кыргыттар* букв. ‘девять юношей, подобных вольным журавлям, восемь девушек, похожих на самок стерхов’, образованной по принципу ритмико-синтаксического параллелизма. Третья и четвертая единицы, по нашему мнению, представляют собой семантически неделимые единства, функционирующие в языке олонхо.

Попытаемся вначале разобраться в механизме образования лексико-семантической диффузии в эпических формулах (единицы № 1, 2).

Формула *тобус субан туруйа курдук уолаттар, абыс тыһы кыталык курдук кыргыттар* букв. ‘девять юношей, подобных вольным журавлям, восемь девушек, похожих на самок стерхов’ состоит из 10 лексических единиц, имеющих вполне объективные, доступные непредвзятому пониманию значения: *тобус* ‘девять’ [Пекарский, 1958–1959, стлб. 2702], *субан* ‘холостой; вольный’ [Пекарский, 1958–1959, стлб. 2314], *туруйа* ‘журавль’ [Пекарский 1958–1959, стлб. 2848], *курдук* ‘как, подобно тому, как’ [Большой толковый словарь..., 2007, с. 526], *уол* ‘юноша, молодой человек, парень, мальчик, отрок’ [Пекарский, 1958–1959, стлб. 3030], *абыс* ‘восемь’ [Большой толковый словарь..., 2004, с. 275], *тыһы* ‘самка’ [Пекарский, 1958–1959, стлб. 2961], *кыталык* ‘стерх’ [Большой толковый словарь..., 2008, с. 385], *кыыс* ‘девочка; девушка (до замужества)’ [Большой толковый словарь..., 2008, с. 433] (слово *курдук* ‘как, подобно тому, как’ [Большой толковый словарь..., 2007, с. 526] повторяется два раза).

Однако в силу тех обстоятельств, что в олонхо она имеет метафорический характер и главное, стабильный лексический состав, данная формула неизменно служит обозначением, своеобразной собирательной номинацией прислужников главного героя эпоса или других значительных персонажей, которым полагается иметь прислугу. При этом, углубление в семантическую структуру формулы позволяет утверждать, что составные эпитеты *тобус субан туруйа курдук* и *абыс тыһы кыталык курдук* букв. ‘подобные вольным журавлям, похожие на самок стерхов’ обладают оценочным характером, а именно, указывают на пригожую, красивую внешность молодых (функция обозначения молодости присутствует в структуре слов *уол* ‘мальчик; юноша’ и *кыыс* ‘девочка; девушка’) прислуг. Таким образом, в контексте олонхо данная формула употребляется в значении ‘молодые, пригожие при-

служники’, что подтверждает несоотнесенность содержания данной формулы со значениями отдельных своих компонентов.

Формула *сир курдук симизэбин, тах курдук таһыннарыабын* букв. ‘украшим подобно (цветущей) земле, разоденем, словно (зеленый) лесок’ в олонхо употребляется тогда, когда героям эпоса необходимо собрать кого-либо (в большинстве случаев девушку, выдавая ее замуж, или малолетнего главного героя и его сестру – для поселения в Среднем мире) в дальний ответственный путь. Одевание во что-либо красивое и нарядное могут иметь место (и то косвенное) в том случае, если речь идет о девушке-невесте. В остальных случаях содержание формулы обозначает тщательные приготовления к отъезду дорогого, любимого человека с последующими проводами (которые у остающихся обычно вызывают чувство сожаления, грусти и тоски). Поэтому иными словами суть этой формулы можно передать следующим образом: «тщательно, основательно подготовить кого-либо к отъезду, старательно собрать в дальний путь».

Теперь проанализируем единицу № 3 – выражение *сытыаран көрө-көрө, олордон көрө-көрө* букв. ‘то укладывая, то усаживая’.

Несмотря на то, что принцип формирования общего содержания указанных выражений в целом аналогичен с принципом формирования значений эпических формул и фразеологизмов, мы считаем, что данная категория имеет определенные отличительные признаки, позволяющие отграничивать их от эпических формул и фразеологизмов, и потому относим к группе так называемых семантически неделимых единств.

Обоснуем причины разграничения. На наш взгляд, эпические формулы представляют собой особую разновидность фразеологических, в частности, идиоматических выражений, которая получила изначальное развитие в фольклорной среде и отличается достаточно изолированным характером функционирования: в преобладающем большинстве случаев исконные формульные элементы встречаются не в общенародном языке, а в языке устного народного творчества якутов.

Что касается семантически неделимых единств, то они представляют собой своего рода «модели свободных словосочетаний», из которых впоследствии «в силу различных сложных смысловых структурных изменений застывают в определенной форме» [Нелунов, 1981, с. 22] как собственно фразеологизмы, так и формулы олонхо.

Так, содержание семантически неделимого единства *сытыаран көрө-көрө, олордон көрө-көрө* букв. ‘то укладывая, то усаживая’ можно передать при помощи значения всего лишь одного слова – ‘старательно’. Помимо указанного значения, в структуре анализируемого выра-

жения отмечаются такие его оттенки и подоттенки, как: ‘неспешно’, ‘любовно’, ‘выборочно, то есть отбирая лучшее, наиболее предпочитаемое из имеющегося в наличии’ (девушку стали неспешно, любовно (ср.: то усаживая ее, то укладывая ее) наряжать, сшив одеяния из отборных рысьих мехов, из наилучших бобровых шкур, из красивых красных лисиц, из черных соболей с ворсом – *сытыаран көрө-көрө, олордон көрө-көрө, бэдэр гизнэ бэртэлээҕинэн, бубура гизнэ мугутуурунан, саһыл гизнэ саҕахтааҕынан, киис гизнэ киргиллээҕинэн талан туран таһыннардылар*), но доминирующим все же является значение ‘старательно’ (так как стремление выполнить что-либо хорошо и добросовестно вряд ли предполагает поспешные и невнимательно-небрежные действия).

Придание значению переносности в таких случаях имеет целенаправленный характер – сказитель прибегает к этому приему для усиления образности, выразительности языка олонхо. Однако не всякой модели свободного словосочетания суждено стать формулой – в эпической среде существуют достаточно требовательные законы, регламентирующие порядок «присвоения» модели свободного словосочетания статуса эпической формулы.

Вместе с тем, удачно построенные, метко сказанные выражения (то есть модели свободного словосочетания) получают истинное признание народа. В этом случае они удостоиваются чести многократно повторяться в пределах одного фольклорного произведения, передаваться из уст в уста и, таким образом, переключившись из одного фольклорного произведения в другое, то есть становятся настоящими эпическими формулами.

Единицы № 3 и 4 обладают достаточной степенью образности, художественной эстетичности, однако в тексте анализируемого эпоса встречаются по одному разу, что позволяет предположить, что они, очевидно, еще не «доросли» до уровня эпической формулы.

Характерно то, что все указанные единицы: эпические формулы, фразеологизмы, фразеологические сращения и семантически неделимые единства – чрезвычайно насыщено, обильно «вклиниваются» в основную повествовательную ткань языка олонхо, которая на их фоне резко отличается своим «неформульным» характером.

Таковы, к примеру, отрезки, соединяющие в анализируемом предложении все 4 диффузные выражения между собой:

1. *эмээхсин дыэтигэр сүүрэн тожучаҕынан анһан киирдэ да* ‘старушка вскачь понеслась домой и, придя туда’;
2. *чэйиң, оҕобутун* ‘давайте (собирать) наше дитяtko’;

3. *диэн баран* '(так) сказав';
4. талан туран таныннардылар 'стали старательно (отбирая лучшее) наряжать, одевать в нарядную одежду'.

Проявление указанного явления в якутском эпосе настолько тенденциозно, что создается впечатление, будто язык олонхо представляет собой непрерывную цепочку семантической диффузии вперемешку со вкраплениями «неформульных» соединительных отрезков.

В заключение необходимо отметить, что в народе «идеальным воплощением языка и стиля эпоса» [Слепцов, 2008б, с. 358] считалось такое повествование, при котором указанные нами единицы наслаивались, напластовывались друг на друга, образуя более объемные, громоздкие единицы, например, типические места и эпические периоды, продолжительность которых в тексте достигает 2-3 страниц. При этом важно то, что принцип формирования смыслового содержания периодов аналогичен с принципом формирования значений рассмотренных единиц.

Таким образом, лексико-семантическая диффузность в олонхо – чрезвычайно сложная и важная проблема, без решения которой плодотворные семасиологические исследования в лингвофольклористике практически невозможны. Поэтому в настоящее время в якутской лингвофольклористике целенаправленное и разностороннее исследование лексико-семантической диффузности приобретает первостепенное значение.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2010.
- Бабкин А.М. Идиоматика и грамматика в словаре // Современная русская лексикография. 1980. Л., 1981.
- Бобунова М.А. Фольклорная лексикография : становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск, 2004.
- Большой толковый словарь якутского языка. В 13-ти тт. Н., 2007. Т. IV.
- Большой толковый словарь якутского языка. В 15-ти тт. Н., 2008. Т. V.
- Васильев Л.М. Многозначность и семантическая диффузность слова // Языки Евразии : этнокультурологический контекст. Уфа, 2003.
- Жуков А.В., Жуков К.А. Семантика неопределенности (О словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) // Вестник Новгородского гос. университета. 2003. № 25.
- Зимина Н. К вопросу о диффузности семантики номинаций средней оценки (на примере ряда разговорных лексических единиц русского и немецкого языков). [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1311758017.pdf>
- Нелунов А.Г. Глагольная фразеология якутского языка. Якутск, 1981.
- Нюртун Боотур Стремительный / Текст К.Г. Оросина. Якутск, 1947.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка : в 3-х тт. М., 1958–1959.

Слепцов П.А. Актуальные проблемы изучения языка олонхо // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира. Якутск, 2000.

Слепцов П.А. Трактровка литературоведами и фольклористами олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур». Проблема аутентичности текста традиционного олонхо // Ступени и проблемы якутского языкознания. Якутск, 2008б.

Слепцов П.А. Язык олонхо : лексика, семантика // Ступени и проблемы якутского языкознания. Якутск, 2008а.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Н., 1990.

Толковый словарь русского языка. М., 2009.

Толковый словарь якутского языка. Н., 2004.

Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992.

Шмелев Д.Н. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В НЕМЕЦКОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СУБДИСКУРСА ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ)

Р.В. Белютин

Ключевые слова: ментальная сфера, вербализация, концептуальная оппозиция «Свой – Чужой», язык спорта, дискурс болельщиков, концентрические круги.

Keywords: mental sphere, verbalization, conceptual opposition «Us – Them», sports language, fans' discourse, concentric circles.

Проблема корреляции ментального и вербального исследуется в когнитивной лингвистике с разных сторон: изучаются способы языковой репрезентации отдельных концептов, анализируются структуры вторичного семиозиса, интерпретируются эмоциональные и оценочные основания высказываний и др. На неоднозначность и вариабельность условий соотносимости когнитивных и языковых категорий неоднократно указывалось в работах многих отечественных и зарубежных ученых. Так, например, широко известно высказывание Н.А. Кобриной о том, что толкование процесса речепорождения и речевосприятия как только результата вербализации конкретного и возникшего на данный момент концепта является ошибочным, поскольку «процесс коммуникации предполагает и оперирование уже сформированными, конвенци-

ональными заготовками, хранящимися в памяти. Именно этот запас и определяет знание языка» [Кобрин, 2005, с. 93].

К числу таких универсальных знаковых комплексов модели мира относятся бинарные оппозиции. Как отмечает В.П. Руднев, «роль бинарных оппозиций ... поистине не знает границ: они употребляются в диапазоне от стихотворного ритма, до биологических ритмов дня и ночи, а также культурных ритмов. Мы не можем понять мир до конца, и эта невозможность понимания компенсируется бинарной дополнителестью точек зрения на мир» [Руднев, 2003, с. 51].

В последние годы заметно увеличилось количество работ, посвященных рассмотрению социальных бинарных оппозиций. Введение в научную парадигму языкознания категории «языковая личность» стимулировало лингвистов к освоению понятий, которые раньше считались прерогативой смежных дисциплин – «личность», «деятельность», «поведение», «роль», «статус», «ситуация», «жанр» и др. Примат социальной основы языка обозначен во многих современных определениях дискурса, ср., например: «Дискурс проводится в рамках особого *социального* контекста. Дискурс может быть определен как такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип *социальной* активности человека и ... является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризующего, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова, 2004, с. 525–526].

Наибольший интерес исследователей прикован к выявлению специфики социальной когниции через категорию «свой круг». О. С. Иссерс, предложившая данный термин, объясняет высокую продуктивность единиц «свой» / «чужой» и стоящих за ними концептов манипулятивной природой социума. Ср.: «Консолидация сообщества происходит по закону «чтобы объединиться, надо размежеваться». «Иные», «чужие» рассматриваются сквозь призму своих интересов – как средство или помеха к их удовлетворению» [Иссерс, 2002, с. 45].

Т.В. Цивьян обращает внимание на меняющийся подход к изучению данной категории в лингвистическом научном дискурсе. Из определения ученого следует, что наука о языке движется в сторону расширения семантики терминов дихотомии «свой» / «чужой», что обеспечивает качественный сдвиг в понимании роли и функций «маркеров интеграции» и «маркеров чуждости» (по Е.И. Шейгал) в коммуникации. Ср.: «Оппозиция свой / чужой, первоначально связанная лишь с категорией притяжательности, постепенно приобретает оценочный харак-

тер. Особенность данной оппозиции в том, что она не абсолютна, а относительна, то есть как бы «подвижна»: свой меняет знак, становясь чужим, чужой «приватизируется», друг делается врагом» [Цивьян, 2002, с. 467].

Как показывает анализ научной литературы, большинство отечественных и зарубежных работ посвящены изучению языковой объективации семантической оппозиции «Свой – Чужой» (ср. «Wir-Sie-Diskurs» в терминологии немецких лингвистов) в политическом дискурсе, причем исследования проводятся на разноплановом эмпирическом материале (автобиографические тексты, интервью, предвыборные выступления политиков и пр.) [Иссерс, 2002; Шейгал, 2004; Михалева, 2009; серия публикаций в журнале «Политическая лингвистика», Schröter / Carius, 2010 и др.].

В данной статье в фокусе нашего внимания находится спортивный дискурс – феномен, пока еще не получивший должного признания в лингвистических кругах. Между тем уже мало кто не отметил для себя, что спорт постоянно расширяет свою социальную значимость и «втягивает все новые области в сферу своих владений» [Хейзинга, 2011, с. 271]. Именно «спортизация» во многом определяет модель отношений в современном обществе. Известный философ Х.У. Гумбрехт считает: «Обогащение реального опыта и подпитка опыта прошлого облагораживающей и подчас отрезвляющей аурой – вот те две ипостаси преобразования, которые под силу одному спорту» [Гумбрехт, 2009, с. 14].

Эксклюзивность и самобытность спортивному дискурсу обеспечивают спортивные болельщики. Существует несколько разновидностей зрительского опыта, мы остановимся на описании тех языковых личностей, которые, как верно заметил Б. Брехт, воплощают аристотелевский тип зрителя, то есть стремятся к отождествлению с действующими персонажами на сцене (в нашем случае спортивной площадке). В силу того, что в Германии спортом номер один на протяжении многих десятилетий остается футбол, нами будет рассмотрен дискурс немецких футбольных фанатов, в котором, по мнению Р. Копица и Г. Бринка, центральной категорией выступают песни, исполняемые представителями данной субкультуры до, во время и после матча. Ср.: «Fangesänge sind die zentrale Komponente jeder Fußball-Fankultur schlechthin» [Kopiez / Brink, 1998, с. 24].

Для субкультуры футбольных фанатов во всем мире характерна сплоченность и навык групповых действий, их коллективная картина мира выстраивается именно вокруг концептов «Свой» – «Чужой».

Идентификация «Свой» / «Чужой» усваивается фанатом в самом начале вступления в субкультуру.

Социолог А.Н. Тарасов «оправдывает» такое восприятие действительности следующим образом: «Субкультура фанатов – субкультура изначально ксенофобская (хотя и не в строго политическом смысле). Поскольку она не возникла самостоятельно, а практически искусственно создана, и стартовым условием было наличие противостояния между клубами, чужая команда и ее фанаты автоматически воспринимались как *не свои*, чуждая и более или менее враждебная сила. То есть агрессивное разделение «свой – чужие» заложено в основу субкультуры и *навязано ей извне*» [Тарасов, URL].

Размышляя о коммуникативном пространстве, в которое интегрированы концепты «Свой» и «Чужой», А.Н. Тарасов оперирует термином «концентрические круги». Его смысл не противоречит понятиям, которые закрепились в лингвистике и о которых уже шла речь выше (в частности, «свой круг»), поэтому мы сочли оправданным опираться на него в практической части статьи.

Примеры отбирались из сборника «Lieder aus der Kurve. Gesangbuch für Fußballfans» и самостоятельно затранскрибированных текстов песен немецких футбольных фанатов, которые размещены на крупнейшем в Германии тематическом сайте <http://www.fangesaenge.de>.

Лингвокогнитивный анализ эмпирического материала показывает, что модель поведения (в том числе и языковая) этой достаточно внушительной по количественным показателям социальной группы включает несколько концентрических кругов.

Первый круг – это любимый клуб и все те, кто его поддерживает. В данном случае дискурс фанатов обнаруживает выраженную направленность на позитивное представление социальных объектов. На вербальном уровне концепт «Свой» реализуется, как правило, за счет инклюзивного местоимения «Wir», притяжательных «mein», «unser», выполняющих интегративную, солидаризирующую функцию (коннотация «я свой»), а также суперлативных конструкций, призванных помочь фанатам выделить собственную группу, подчеркнуть свою непохожесть и свое отличие от других групп, утверждая при этом свою идентичность, усилить эмоциональное восприятие текста как своими, так и чужими.

Wir sind die Eintracht, Eintracht ist unser Verein!

Wir werden immer zu dir stehen, Vfl- mein Vfl!

Unabsteigbar und keinen Pfennig wert –

Energie Cottbus – der geilste Klub der Welt!

*Wir sind der FC Köln – die **Nummer eins** am Rhein!*

*Oh S04, oh S04, Du bist der **Kaiser** vom Revier!*

Следует заметить, что многие футбольные фанаты очень хорошо знают историю своего клуба, чтят его традиции, с уважением относятся к тем, кто преданно служил команде в предыдущие годы. Поэтому не случайно в текстах фанатов в знак признательности появляются имена игроков, тренеров, менеджеров и др. – «своих», о которых всегда будут помнить и приводить в пример будущим поколениям.

Robert Schlienz ist unser Held! War der beste Mann der Welt!

Роберт Шлинц – капитан немецкой футбольной команды «Штуттгарт» с 1946 по 1960 годы 14 августа 1948 года в автокатастрофе лишился левой руки, но продолжал выступать за свой клуб. Дважды выигрывал с ним чемпионство, дважды становился победителем Кубка Германии. Болельщики до сих пор скандируют его имя во время матчей «Швабов».

Werner Fuchs, Werner Fuchs, Werner Fuchs, Du bist der beste Mann!

Вернер Фукс – любимый тренер болельщиков «Алемании» (Аахен). Сумел перестроить игру команды, усилил линию нападения, за счет чего «Алемания» стала демонстрировать красивый, зрелищный футбол. Вернер Фукс трагически погиб за неделю до конца сезона 1998–1999, оставив клуб на первом месте в таблице своего дивизиона.

Следующие круги – это «чужие», «враги». Здесь возможно дробление.

Чужими являются, прежде всего, другие команды своей страны и их фанаты. Именно с этим «противником» приходится иметь дело фанатам на стадионах Германии и за их пределами. Самый распространенный языковой способ отчуждения и очуждения – стигматизация, часто с использованием инвективной лексики. С помощью этого приема фанаты одной команды выводят референт за пределы круга «своих» и индуцируют пейоративную коннотацию.

*04, 04- das ist die **Scheiß** vom Revier!*

*Wir haben einen **Hassgegner**:*

*Und zwar die **schwulen** Lausitzer!*

*Jeder soll es wissen: Braunschweig ist **beschissen!***

*Duisburger **Arschlöcher!***

Достаточно часто вербальные атаки на «чужих» осуществляются в неявной, имплицитной форме, с намеком. Примеры показывают, что креативный потенциал фанатов практически не иссякает: отрицательными маркерами отношения к «другим» и «чужим» могут быть:

а) географическое месторасположение:

Kühe-Schweine-Bielefeld!

Билефельд – немецкий город на северо-востоке Земли Северный Рейн-Вестфалия, считается местом, где сконцентрированное большое количество фермерских подворий.

б) климат:

*Es kommt die Zeit, oho, in der das **Wasser** wieder steigt...*

Такой текст адресуется фанатам из тех городов, которые периодически оказываются затопленными из-за выхода из берегов Рейна, Эльбы и некоторых других рек.

в) клубная символика:

In der Südkurve Viertel vor vier,

*Einen **Geißbock** schlachten wir.*

der Geißbock в перев. с немецкого – козел. Козел Хеннес с 1957 года превратился в талисман клуба «Кельн». Тогда на вечеринке футбольной команды, совпавшей с карнавальными празднествами, один из гостей подарил клубу живого козла, которого в шутку назвали в честь главного тренера Хеннеса Вайсваллера.

г) традиции и достопримечательности:

*Was ist grün und stinkt nach **Fisch**?*

В городе Бремен, который представлен в бундеслиге клубом «Вердер», долгое время (1895–1969) располагалось крупнейшее в Европе рыбопромысловое предприятие.

*Sieben Tage brennt der **Kölner Dom**, Sieben Tage brennt der **Kölner Dom**,*

*Und im **Dom** da sitzt der FC Köln, und dann gibt es keine Kölner mehr
Auf der Asche tanzt der VfL.*

Кельнский собор – историческая святыня Германии, символ города Кельн.

Еще одна важная особенность первого круга «чужих» – наличие принципиальнейших соперников, причем соперничество может иметь историческую, территориальную, социальную и др. основу. Так, например, фанаты «Боруссии» (Дортмунд) считают заклятыми врагами своих «визави» из Гельзенкирхена («Шальке 04»), болельщики из Ганновера никогда не смирятся с существованием команды «Айнтрахт» (Брауншвейг) и т.д. Взаимные вербальные выпады фанатов этих клубов уже давно стали частью спортивной жизни Германии.

*Oh, Bochum, du Perle Westfalens, Oh Dortmund, du **stinkfaules Nest**.*

*04, 04- das is die **Scheiß** vom Revier! blauweiße **Scheiß**, wir singen
blauweiße **Scheiß**- blauweiße **Scheiße**....!*

Jeder soll es wissen: Braunschweig ist beschissen!

Следующий безусловный враг фанатов – полиция. Эта социальная группа является настолько «чужой», что иногда фанаты противоборствующих клубов забывают о своих принципах, объединяются, расширяя «свой круг» и направляют совместные усилия на оскорбление стражей правопорядка. В таких случаях вербальная агрессия фанатов может достигать своего апогея:

*Loreley -ley -ley -ley tausend **Bullen** zieh'n vorbei, wie ein **grüner Strich** - warum töten wir sie nicht?*

*Steh auf und sei ein Teil davon **gegen Kommerz und Polizei**.*

Концепт «Чужой» может быть рассмотрен в спортивном дискурсе и в контексте межкультурной коммуникации. Его актуализация в таком формате станет возможной, если в концентрический круг попадут фанаты клубов других стран.

*Wir schlugen **Roda**, wir schlugen **Trabzon***

*wir schlugen **Brügge** sowieso,*

Valencia, Teneriffa,

***Inter Mailand**, das war 'ne Show.*

*Wen wollen wir fressen? **Rot-Weiß Essen!** Wen wollen wir verschmausen? **Rot-Weiß Oberhausen!** Wen wollen wir lynchen? **Bayern München!** Und dann und dann und dann? **Ajax Amsterdam!** **Olé SC Preußen, olé, olé...***

Другой участник спортивного дискурса – арбитр – не имеет «постоянной прописки» ни в кругу «Своих», ни среди «Чужих». Все дело в том, что его статус определяется болельщиками не на долгосрочную перспективу. Для фанатов более важным является измерение «Здесь и Сейчас», то есть то, как судья проводит конкретный матч с участием любимой команды. Если решения рефери идут на пользу клубу – его причисляют в круг «Своих». За действия, которые фанаты считают предательскими по отношению к своей команде (удаление своего игрока, неназначенный одиннадцатиметровый и т.п.), судью «награждают» нелестными, подчас оскорбительными, содержащими угрозу высказываниями.

Schiri, wir wissen wo du wetten gehst,

Schiri, Mensch mach doch mal die Augen auf,

*oder bist du etwa **gekauft**?*

*Oh **hängt sie auf!** Oh hängt sie auf! Oh hängt sie auf, die **schwarze Sau!***

*Schiri, wir wissen wo Dein **Auto** steht, war vollgetankt, hat gut **gebrannt.***

Еще раз возвращаясь к замечанию Т.В. Цивьян о том, что категория «Свой» – «Чужой» в достаточной степени подвижна и что в данной коммуникативной сфере может происходить плановая или вынужденная ротация ролей, отметим, что в дискурсе футбольных фанатов такие переходы случаются крайне часто. Фанаты – это особая социальная группа, модель их речевого и неречевого поведения управляется в первую очередь эмоциями. Они всегда болезненно воспринимают неудачи своей команды, поэтому может произойти так, что в какой-то момент фанаты начнут демонстративно дистанцироваться от игроков, тренеров, руководства клуба. В их песенном арсенале всегда найдутся «заготовки», которые репрезентируют фрейм «Отчуждение от своих». В таких случаях личное местоимение «wir» уже не выражает присутствие второго участника, этот участник намеренно не включается в семиотическое пространство. «Мы» подразумевает здесь только фанатов, которые, по их собственному мнению, и есть то, на чем держится клуб.

Wir sind Schalker und ihr nicht!

Wir fahren weit, wir trinken viel .... und wir verliieren jedes Spiel!

Dietmar Hopp, Dietmar Hopp, wir scheißen auf dein Geld

Wir machen aus der SAP den größten Puff der Welt.

Дитмар Хопп – известный предприниматель, один из основателей фирмы «SAP», специализирующейся на продаже программного обеспечения. Фирма долгое время спонсировала футбольный клуб Хоффенхайм (Hoffenheim).

Итак, анализ примеров показывает, что социальная бинарная оппозиция «Свой – Чужой» в немецком спортивном дискурсе получает достаточно своеобразную концептуализацию. Это своеобразие особенно отчетливо проявляется в речевом поведении спортивных фанатов, чья модель мира организуется главным образом вокруг концептов «Свой» и «Чужой». С учетом того, что в семиотическом пространстве спортивного дискурса присутствуют другие социальные объекты, формирование категорий «свой круг» и «мир чужих» происходит с опорой на характер отношений между фанатами и остальными участниками дискурса (игроки, тренеры, судьи, полиция и др.).

В силу специфичности картины мира фанатов в представлении концептов наблюдается повышенная оценочность. Оценки как своих, так и чужих тяготеют к крайностям: свои наделяются очень позитивными характеристиками (на языке уровне это выражается, как правило, суперлативными оборотами), «чужим» достаются пейоративные высказывания, содержащие инвективную, табуированную лексику,

дисфемизмы и другие маркеры, «отвечающие» за отрицательные номинации. При этом наряду с универсальными техниками создания имиджа «Своих» и «Чужих» футбольные фанаты задействуют специальные, «внутриведомственные» приемы. Так, например, большой популярностью пользуется скрытая ирония с обыгрыванием какого-либо факта из жизни команды-соперника или города, который она представляет.

Еще одно важное наблюдение заключается в том, что концентрических кругов, относящихся к сфере «Чужой», значительно больше, следовательно, в коммуникации больше вербальной агрессии, деструктивных персуазивных стратегий.

И, наконец, последнее заключение, которое касается подвижности, лабильности семантической категории «Свой – Чужой» в языке футбольных фанатов. Как следует из примеров, в данном дискурсе взгляд на свой мир и чужой мир при определенных обстоятельствах может кардинально измениться: игроки любимой команды вследствие невыразительной игры выводятся из категории «свой круг»; наоборот, арбитр, долгое время считавшийся «чужим», но обеспечивший нужный результат в одном из матчей, моментально причисляется к коллективу «своих». Такие переходы соответствующим образом фиксируются в языке, в котором также предполагается подвижность во всех сферах и на всех уровнях.

Литература

- Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта. М., 2009.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.
- Кобрина Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Михалева О.Л. Политический дискурс : Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
- Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века : Ключевые понятия и тексты. М., 2003.
- Тарасов А. Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм. [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_2965.html
- Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2011.
- Цивьян Т.В. Современная русская языковая ситуация в проекции на модель мира // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Belyutin R. Fankommunikation in Russland und in Deutschland: Gemeinsamkeiten und Unterschiede. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-giessen.de/el/Abstracts/belyutin.htm>

Gump S., Kohlhaas N., Kurth S. Lieder aus der Kurve. Gesangbuch für Fußballfans. Hamburg, Leipzig, Wien, 2005.

Kopiez R., Brink G. Fußball-Fangesänge. Eine *Fanomenologie*. Würzburg, 1998.

Schröter M., Carius B. Vom politischen Gebrauch der Sprache. Wort, Text, Diskurs. Frankfurt am Main, 2009.

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СИНТАКСИСЕ ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРОВ АЛТАЯ¹

Н.В. Трубавина

Ключевые слова: синтаксис, бессоюзное сложное предложение, островные немецкие говоры.

Keywords: syntax, asyndetic complex sentence, insular German dialects.

Бессоюзное сложное предложение – специфическая полипредикативная синтаксическая единица, связь элементов которой осуществляется без участия союзов [Языкознание, 1998, с. 74]. Вопрос о статусе бессоюзного сложного предложения остается одной из самых сложных проблем синтаксиса [Гулыга, 1971, с. 85; Левицкий, 2005, с. 291]. Отдельные исследователи оставляют бессоюзные конструкции за рамками сложного предложения и рассматривают бессоюзные конструкции не как единое сложное предложение, а как бессоюзные соединения предложений, то есть как часть текста [Языкознание, 1998, с. 471; Карцевский, 1961; Русская грамматика, 1980]. Тем не менее большинство современных синтаксистов классифицируют бессоюзные соединения предложений как разновидность сложного предложения [Helbig, Buscha, 1996, с. 638; Языкознание, 1998, с. 472]. При этом одни из них считают бессоюзные сложные предложения структурными вариантами сложноподчиненных и сложносочиненных предложений [Пешковский, 2001; Гулыга, 1971; Бархударов, Штелинг, 1973; Блох, 1983], другие выделяют его в особый тип предложений, придерживаясь мнения, что бессоюзное сложное предложение имеет свою

¹ Работа выполнена при поддержке Минобрнауки в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 6.4280.2011

синтаксическую форму, отличную от синтаксической формы союзного сложного предложения [Поспелов, 1950, Ширяев, 1986, Белашапкина, 1989].

Как справедливо отмечает М.Я. Блох, признаки союза / бессоюза и сочинения / подчинения являются разноплановыми: по формальному признаку, с точки зрения структуры, сложные предложения делятся на союзные и бессоюзные, а по функциональному признаку, с точки зрения содержания, – на сочиненные и подчиненные. Благодаря этому они могут перекрещиваться, будучи представленными во всей системе сложного предложения [Блох, 1983, с. 298].

В настоящей статье вслед за М.Я. Блохом и Е.В. Гулыгой мы будем рассматривать бессоюзие как особый способ сочетания предложений, который противопоставляется союзному и относительному способам связи. Отношения внутри бессоюзного сложного предложения могут быть как сочинительными, так и подчинительными. Для реализации разнонаправленной связи между элементарными предложениями сложноподчиненного комплекса в немецком языке имеется ряд средств подчинительной связи, среди которых ведущую роль играют союзы и союзные слова. В бессоюзном предложении в силу отсутствия союзов в комбинации с рядом подчинительных средств на первое место выдвигаются вспомогательные синтаксические индексы (корреляты), наличие глагольных форм конъюнктива в некоторых типах придаточных, соотношение временных форм, смысловая незавершенность главного состава [Адмони, 1955, с. 220; Гулыга, 1971, с. 84; Helbig, Buscha, 1996, с. 644].

Бессоюзные конструкции получают широкое распространение в устной разговорной речи. Без союза в сложноподчиненном предложении разговорной речи могут быть выражены многие смысловые отношения, для передачи которых в литературном языке необходим союз [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, с. 230]. Поскольку одной из важнейших особенностей диалектов является устная форма их существования, в них ярко проявляются особенности разговорной речи, в том числе склонность к бессоюзному соединению предложений.

В островных верхне- и нижненемецких говорах Алтайского края достаточно часто наряду с союзными и относительными придаточными предложениями встречаются асиндетические построения, в которых зависимое предложение присоединяется к

главному составу без обозначения связующего элемента:

Ннем. *Ja, ich waaß net, sie fahre in ti onere Stadt oder si plaiwe, wo si jetz sin.* = *Ja, ich weiß nicht, sie fahren in die andere Stadt oder sie bleiben, wo sie jetzt sind.*

Host tu omol Zeit, kugste nort. = *Hast du einmal Zeit, da guckst du dann.*

Ннем. *Et' weet, onsre Nobasch, de haude dre T'in'a.* = *Ich weiß, unsere Nachbarn, die hatten drei Kinder.*

Käum wi ne Hüüs, do lüde se mi oll. = *Kamen wir nach Hause, da warteten sie auf mich schon.*

Однако не стоит переоценивать роль бессоюзных предложений в оформлении устных высказываний диалектоносителей – доля асиндетических сложноподчиненных предложений составляет всего 4,1%, в то время как придаточные предложения с союзной и относительной связью составили 66,2% и 29,7% соответственно. Это противоречит утверждению о том, что в немецких диалектах широко используются асиндетические конструкции [Пирогов, 1980, с. 90; Каминер, 1985, с. 126]. Ниже представлено процентное соотношение союзного и бессоюзного подчинения в островных немецких говорах Алтайского края, исходя из общего количества примеров с тем или иным типом подчинительных отношений (см. табл. 1).

Тип подчинительных отношений	Бессоюзная связь	Союзная и относительная связь	Всего (100%)
Субъектные	3,45 %	96,55%	807
Предикативные	6 %	94%	15
Дополнительные	13,84 %	87,84%	788
Условные	6 %	94%	216
Временные	1,84 %	98,16%	598
Определительные	0,99 %	99,01%	505
Места	0 %	100 %	69
Уступки	0 %	100 %	57
Причины	0 %	100 %	266
Следствия	0 %	100 %	39
Цели	0%	100%	54
Соотносительного сравнения (<i>je ...desto</i>)	100% ннем. 0% внем.	0% внем. 100 ннем.	3

Таблица 1. Соотношение союзного и бессоюзного подчинения в

островных немецких говорах Алтайского края

Как видно из таблицы, практически все типы придаточных предложений присоединяются к главному составу преимущественно синдетически, с помощью союзной и относительной форм связи. Исключение составляют придаточные предложения соотносительного сравнения, которые в современном немецком языке вводятся составным союзом «je...desto» - в островных верхненемецких говорах возможно только асиндетическое присоединение данного типа придаточных предложений к главному составу:

Внем. *Mehner Keld te Mensch hot, will immer awer noch mehner. = Je mehr Geld der Mensch hat, desto mehr will er noch haben.*

Придаточное предложение при этом начинается с прилагательного в сравнительной степени, а следующий за ним главный состав – с глагола:

Внем. *Mehner ich mit tere keschwätzt hun, hot ti mich weniger kefalle. = Je mehr ich mit der gesprochen habe, desto weniger hat sie mir gefallen.*

В нижненемецких говорах, как и в современном немецком литературном языке, данный тип придаточных предложений является союзным и вводится союзом «je...je», соответствующим литературному «je...desto»:

Ннем. *Je meja schlupe dejst, je meja w'allst. = Je mehr du schläfst (schlafen tust), desto mehr willst (du es).*

Бессоюзное присоединение придаточных предложений места, цели, следствия, причины и уступки в речи носителей островных немецких говоров нам не встретилось.

Наиболее часто носители говоров употребляют асиндетические придаточные дополнения - их количество составляет 74% от всех зафиксированных нами бессоюзных придаточных предложений (сравн. Таблица 2):

Внем. *Mer hen ti Ealaubnis, un ti saan, tes weat net wegkeschmisse, tes plaipst uf traißig Jahr. = Wir haben die Erlaubnis, und die sagen, das wird nicht weggeschmissen, das bleibt für dreißig Jahre.*

Ннем. *Miin Voda sed emma, et' durf ruhig spele met de T'en'e. = Mein Vater sagte immer, ich durfte ruhig spielen mit den Kindern.*

Что касается особенностей порядка слов в бессоюзных придаточных дополнения, то, как и в бессоюзных дополнительных придаточных современного литературного немецкого языка, обычно в них встречается прямой или обратный порядок слов простого повествовательного предложения [Адмони, 1973, с. 275]. Сказуемое, как правило, стоит на втором месте:

Внем. *Ti Moder schreiwit, si kommt pa uns net. = Die Mutter schreibt, sie kommt zu uns nicht.*

Ich hun kehert, Titer soll ti oner Woch hoom komme. = Ich habe gehört, Dieter soll nächste Woche heim kommen.

Hun ich onkeruwe Nowosibirsk, hen se kesaat, achte August soll me komme. = Habe ich Novosibirsk angerufen, haben sie gesagt, am achten August sollen wir kommen.

Ннем. *Onsre T'en'a saje, daut's os em Märchen, wann et' emol so vetal. = Unsere Kinder sagen, das ist aus einem Märchen, wenn ich einmal so erzähle.*

Se saje, einfacla lewe doone se. = Sie sagen, einfacher leben tun sie.

Главный состав сложноподчиненного предложения при этом нередко начинается с глагола, даже если он предшествует придаточному:

Внем. *Hun ich awer keklingelt, ti selle mich maine Salfetki kewe. = Ich habe aber angerufen, die sollen mir meine Servietten zurückgeben.*

Ннем. *Sede se ons fuats, von hia kome wi nech rüüt. = Sie sagten uns sofort, von hier kommen wir nicht raus.*

Зависимость придаточного предложения в бессоюзных придаточных предложениях в функции дополнения определяется семантикой сказуемого главного состава, требующего после себя обязательного дополнения, ср.: «hören», «schreiben», «sagen», «schreiben». Главные предложения, в состав которых входят глаголы речи и чувства, являются синсемантическими и раскрываются придаточным предложением с бессоюзным оформлением [Гулыга, 1976, с. 32]. Наиболее часто встречаются глаголы «sagen», «glauben», «denken», «meinen»:

Внем.: *Es sin wooschtsche ti Lait, ti klawe, all Verdiinst is schwach. = Es sind überhaupt die Leute, die glauben, der ganze Verdienst ist schwach.*

Ich saa, ich will ach ploos net noch TaitSchlond. = Ich sage, ich will auch bloß nicht nach Deutschland.

Ннем.: *Et' deid saje, daut weare noch nech de schl'achtteste Tide. = Ich würde sagen, das wären noch nich die schlechtesten Zeiten.*

En nü d'leewe se, daut es nuscht. = Und nun glauben sie, das ist nichts.

В верхненемецких говорах 50% бессоюзных придаточных дополнения распространяют синсемантический глагол «rejele» = «regeln», значение которого соответствует немецкому «meinen», «glauben»:

Внем.: *Awer ich rejele, in TaitSchlond is aach net peser. = Aber ich meine, in Deutschland ist auch nicht besser.*

Un to reile ich, ich pin to keper, muss ich to sterwe. = Und da meine

ich, ich bin da geboren, muss ich da sterben.

На втором месте по употребительности в устной речи носителей островных немецких говоров находятся бессоюзные условные придаточные предложения – 8,8% от общего количества примеров с бессоюзным способом связи:

Внем. Hoste net kemacht, hune se tich klaich toat noikeschmise iwa ti Nacht. = Hast du nicht gemacht, haben sie dich gleich dort hineingeschmissen in der Nacht.

Ннем. Jeiht et nech, dann jeiht et nech, oba wann et jeiht, dann moak we et. = *Geht es nicht, dann geht es nicht, aber wenn es geht, dann machen wir das.*

В сложноподчиненном комплексе с бессоюзным придаточным условия, как и в современном немецком языке, и главная и зависимая части всегда начинаются со спрягаемого глагола:

Внем. Willst te mol was schawe, no musste schon aach richtig was wise. = Willst du mal was schaffen, da musst du schon auch was richtig wissen.

Ннем. Hast Tiit, komm hen. = *Hast Zeit, komm hin.*

Главный состав нередко начинается с коррелята:

Внем. Na ja, willst tu mool ain Tagh lese, tes kennste lese. = *Na ja, willst du mal einen Tag lesen, so kannst du es lesen.*

Ннем. Vebrennt det, dann vebrennt det. = *Verbrennt das, dann verbrennt das.*

В качестве основного маркера подчиненности в бессоюзных придаточных ирреального условия выступают формы сослагательного наклонения:

Внем.: Häst tu mich kester kerabbelt, wär ich pa tich komme. = Hättest du mich gestern angerufen, wär ich bei dir gekommen.

Ннем.: Hotst dü dem jet'ant, donn wi dot ondesch jekume. = *Hättest du den gekannt, dann wäre das anders gekommen.*

Бессоюзные структуры с отношением дополнения и условия функционируют и в немецкой разговорной речи, равно как и в литературном немецком языке [Каминер 1985, с. 125; Duden 1984, с. 665]. Однако в островных немецких говорах имеются отдельные примеры бессоюзного присоединения и других типов зависимых предикативных конструкций – временных, определительных, субъектных, бессоюзное оформление которых нехарактерно либо вообще невозможно в литературном немецком языке. Более широкое использование бессоюзной формы связи в сложноподчиненном предложении в островных немецких говорах по сравнению с современным литературным немецким языком объясняется близостью

диалектной и разговорной речи – бессоюзные построения с временными, определительными и субъектными отношениями являются отличительной чертой немецкого разговорного гипотаксиса [Девкин, 1989, с. 109; Поликарпов, 2000, с. 134].

Асиндетические субъектные зависимые предикативные конструкции составляют 4% от общего количества бессоюзных придаточных предложений:

Внем. *Tes is net totschno, fahre me te Fraitag oder net. = Das ist noch nicht bestimmt, fahren wir am Freitag oder nicht.*

Ннем. *Daut passiat, wi gune en e T'oat'. = Es passiert, wir gehen in die Kirche.*

Бессоюзные субъектные придаточные предложения выполняют функцию подлежащего, отсутствующего в главном составе, например:

Внем. *Is kut, ti Olga is tohoom, ti helft mich arich viil. = Ist gut, dass Olga zu Hause ist, die hilft mir sehr viel.*

Бессоюзное придаточное предложение «ti Olga is tohoom» восполняет главное предложение, замещая подлежащее, без которого главное предложение функционировать не может.

Бессоюзные временные придаточные предложения составили 7,5% от общего количества примеров с асиндетическим подчинением:

Внем. *Zwai Mounat pald weat s, wohnen si to. = Zwei Monate wird es bald, wohnen sie da. (seitdem sie hier wohnen).*

Ннем. *Kaum wi han, send t'eene Formulare, sacht see. = Kamen wir hin, sind keine Formulare, sagt sie.*

Синтаксическая связь в бессоюзных сложных предложениях с временной семантикой зачастую сильно ослаблена и реализуется прежде всего посредством соотнесения лексико-семантического содержания предикативных частей. В качестве основных маркеров подчиненности в таких случаях выступают интонация и особый порядок слов:

Внем. *Is er zurick komme, hoder sich pukehrt in ti Kärich. = Ist er zurückgekommen war, bekehrte er sich in der Kirche.*

Ннем. *Hot ti Mome tes yuzählt, is mich aach err kewore. = Als die Mutter mir das erzählt hat, ist mir auch unheimlich geworden.*

Ннем. *Aufanks, wi befrüit wearen, deede wi veel ennt'eepe. = Anfangs, (als) wir befreit waren, taten wir viel einkaufen.*

Кнем. *Kaum wi hea, do wea wi framd, jo. = Als wir hierher kamen, da waren wir fremd, ja.*

Главное предложение в сложноподчиненном комплексе с бессоюзным временным придаточным отличается от самостоятельного интонацией незаконченности - восходящей мелодией, например:

***Внем.** Hot onkefonge hia war er escht to Utschotschik ti Traktoreprigade = Hat angefangen hier, war er zuerst Erfasser in der Traktoristenbrigade.*

***Ннем.** Kaum wi hea do wea wi framd, jo = Kamen wir hierher, da waren wir fremd, ja.*

Порядок слов в таких предложениях нередко соответствует порядку слов в сложноподчиненном комплексе с бессоюзным придаточным условия: и главный состав, и придаточное предложение начинаются с глагола. Однако чаще встречаются полипредикативные высказывания с придаточным времени, построенным по схеме простого повествовательного предложения:

***Внем.** Oon un halb Jahr war ich, sin ti Elda to heakezoughe noch Podsosnowe. = Eineinhalb Jahre alt war ich, sind die Elter hierhergezogen nach Podsosnowo.*

Unsen Vada hen se kenomme, war ich traioonholb Jahr alt. = Unseren Vater haben sie verhaftet, war ich dreieinhalb Jahre alt.

***Ннем.** Et' wea aul 15 Joah, wull et' je nich meha enne 5. Klaus met soo'ne T'in'a gone leare. = Ich war 15 Jahre alt, wollte ich ja nicht mehr in die 5. Klasse mit solchen Kindern lernen gehen.*

Главный состав при этом начинается со спрягаемого глагола, обеспечивая оформление сложноподчиненного комплекса как единого целого.

3,4% зафиксированных нами бессоюзных придаточных предложений выступают в функции определения. Все они занимают постпозицию по отношению к главному составу:

***Внем.:** Un wollde'se ten wider uf ti Front nehme, tonn is e Prikas rauskomme, ti Taitsche net mea an ti Front. = Und wollten sie den wieder auf die Front nehmen, dann ist eine Anordnung herausgekommen, die Deutschen kommen nicht mehr an die Front.*

***Ннем.** Oda haude se eenfach soo'ne Meinung, de Gloowe es waut Faulschet. = Oder haben sie einfach so eine Meinung, der Glaube ist was Falsches.*

Как и в современном литературном немецком языке, бессоюзные определительные придаточные в говоре представляют собой распространенное определение существительного в главном составе, требующего обязательного раскрытия:

***Внем.** Mr hen woobschtsche **Papia** kritt, vun ti eschte pis te oonuntraifigste August mise me apkewe. = Wir haben überhaupt das Papier gekriegt, vom ersten bis zu dem einunddreifigsten August müssen wir abgeben (den Test).*

Ннем. *Wi ha doch Nacht en Dach dart jesete, om bloos onsre Bittschrift auftejewe, se solle doch noch emol derchseehne onsre Papiare. = Wir haben doch Tag und Nacht dort gesessen, um bloß unsere Bittschrift abzugeben, dass sie noch einmal unsere Papiere durchsehen sollen.*

Порядок слов бессоюзных определительных придаточных соответствует порядку слов простого повествовательного предложения:

Внем. *Tewege hun ich moi Kiner Nakas kewe, ti selle es endige. = Deshalb habe ich meinen Kindern den Tipp gegeben, die sollen sie beenden (die Mittelschule).*

Асиндетическое присоединение предикативных придаточных предложений в рассматриваемых говорах встречается довольно редко – всего 0,5% от общего количества примеров с бессоюзным подчинением:

Ннем. *Te Hauptsoch es, et' leew. = Die Hauptsache ist, ich lebe.*

В островных немецких говорах придаточные предикативные предложения являются лишь именной частью составного сказуемого, которая раскрывает конкретное значение подлежащего главного предложения. В роли связки, как обычно, используется глагол «sein».

Таким образом, мы видим, что, несмотря на ограниченное употребление, сложноподчиненное предложение с бессоюзным способом связи занимает прочную позицию в гипотаксисе островных немецких говоров Алтайского края. Степень употребительности отдельных видов бессоюзных придаточных предложений в речи носителей островных немецких говоров в процентном соотношении представлена в таблице 2.

Асиндетические придаточные предложения	Количество	(%)
Дополнительные	109	74%
Условные	13	8,8%
Субъектные	5	3,6%
Временные	11	7,5%
Определительные	5	3,4%
Соотносительного сравнения* (только внем.)	3	2%
Предикативные	1	0,5%
Всего	147	100

Таблица 2. Степень употребительности типов придаточных предложений с бессоюзным способом связи в речи носителей островных немецких говоров

Чаще всего употребляются дополнительные и условные

придаточные предложения. Встречаются также асиндетические субъектные, определительные и временные придаточные, а также придаточные предложения соотносительного сравнения, бессоюзное присоединение которых не характерно для современного немецкого языка.

Асиндетические придаточные синонимичны союзным придаточным предложениям, однако обладают структурными и семантическими особенностями. Подчинительные отношения в бессоюзных придаточных предложениях передаются порядком слов, интонационной структурой предикативной единицы, формами конъюнктива, а также наличием в главном составе слов, требующих раскрытия своего значения.

Бессоюзные придаточные предложения в говоре, как правило, оформляются по образцу простого повествовательного или вопросительного предложения. Исключение составляют бессоюзные сложные предложения с придаточным предложением условия – в них и главный, и подчиненный состав начинаются с изменяемой части сказуемого. Такой же порядок слов встречается и в придаточных предложениях с временной семантикой, для которых, однако, более характерно построение по образцу простого предложения.

Литература

- Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л., 1973.
- Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.
- Бархударов Л.С, Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М., 1973.
- Белошапкова В.А. Современный русский язык. М., 1989.
- Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка М., 1983.
- Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971.
- Девкин В.Д. Отличие разговорного текста от книжно-письменного // Логико-грамматический анализ текста. М., 1989.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь : Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Каминер Г.А. Особенности грамматических норм немецкой разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1985.
- Карцевский С.О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // Вопросы языкознания. 1961. № 2.
- Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. М., 2005.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- Пирогов Н.А. Синтаксис современной нижненемецкой диалектной литературы : дис. ... канд. филол. наук. М, 1980.
- Поликарпов А.М. Сложное предложение в немецкой разговорной речи. Архан-

гельск, 2000.

Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

Русская грамматика : в 2-х тт. М., 1980. Т. 2.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

Языкознание : большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Duden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache : in 12 Bd. Mannheim, 1984. Bd. 4.

Helbig G, Buscha J. Deutsche Grammatik : ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1996.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТАМОЖЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г.А. Сосунова

Ключевые слова: таможенная лексика и терминология, тексты таможенной тематики, профессиональная коммуникация.

Keywords: customs vocabulary and terminology, texts on customs topics, professional communication.

В настоящее время отмечается интенсивное культурно-экономическое развитие общества, вследствие чего возрастает потребность в профессиональных коммуникациях специалистов различных сфер деятельности, в том числе и таможенной. Обсуждение вопросов профессиональной тематики происходит как с отечественными, так и с зарубежными коллегами, и в этой связи знание иностранных языков, владение профессиональной терминологией, в том числе и на иностранных языках, становится одним из необходимых условий успешной профессиональной деятельности, востребованности специалиста на современном рынке труда.

Многие исследователи-лингвисты изучают вопросы специальной терминологии различных сфер деятельности, в частности, О.О. Агеева (экономические термины), Г.Г. Бабалова, (компьютерная терминология), Д.Л. Бронникова (анализ терминологического корпуса подязыков альтернативного топлива и электроники), Е.М. Горохова (терминосистема «экология почвы»), А.С. Гринев (архитектурная терминология), С.А. Иванова (терминология радиотехники), В.В. Колошьян (экологическая тематика), В.Ю. Михальченко (принципы создания словаря

социолингвистических терминов), О.С. Радкевич (анализ терминологии «курортология»), А.Д. Самигуллина (военная терминология), И.С. Петренко (терминология бытовой техники), И.Н. Позднышева (анализ автомобильных терминосистем), Н.В. Ушкова (анализ терминологии «рельеф земной поверхности») и др.

Современная таможенная терминология широко используется в основных печатных изданиях таможенной тематики на французском языке: «OMD Actualités» («Новости Всемирной таможенной организации»), «Douane info» («Новости таможи»), «Un aperçu de la douane française» / «Agir pour protéger» («Обзорная информация французской таможи»).

Таможенная лексика и терминология также отражена в электронных словарях на французском языке:

1. «Glossaire» http://www.douane.gov.dz/Glossaire_A.html
2. «Lexique des termes douaniers» <http://www.douane.gouv.fr/>
3. «Lexique douanier».

Тексты таможенной тематики – специальная, профессионально ориентированная литература, отражающая таможенные, таможенно-юридические, таможенно-экономические вопросы. Наряду с общеупотребительной лексикой в них используется профессиональная терминология, расширяющая профессиональную компетенцию служащих, работающих в таможенной сфере.

Центральный печатный орган Всемирной таможенной организации «OMD Actualités» отражает ключевые вопросы ее структуры и деятельности и содержит следующие рубрики: «Calendrier» («Календарь событий»), «Editorial» («Передовая статья»), «Dossier spécial» («Специальная публикация»), «Entretiens» («Интервью»), «La vie des membres» («Таможенные новости стран-членов ВТО»), «Évènements» («Выдающиеся события»), «Flash infos» («Последние новости»), «Zoom» («Подробности из таможенной жизни наших партнеров»), «Point de vue» («Точка зрения»), «Focus» («В объективе»). Отметим, что сами рубрики не включают непосредственной таможенной терминологии, подобные формулировки свойственны практически многим печатным изданиям, тем не менее, тексты перечисленных рубрик содержат большое количество, как общелитературной, так и профессиональной лексики.

Анализ журнала «OMD Actualités» позволил квалифицировать специализированную лексику по следующим направлениям:

– культурно-историческая лексика: *la culture nationale, les biens culturels, les œuvres d'art, le patrimoine culturel, l'UNESCO*;

– таможенная терминология: *la modernisation douanière, l'Union douanière, les recettes douanières, une équipe constituée de professionnels de la douane, les visites sur site, les administrations douanières;*

– карабонимика: *des tours à bord de la vedette «Hawk IV» ;*

– таможенно-экономическая терминология: *la perception des recettes, la gestion douanière, l'harmonisation des régimes douaniers, le fonctionnement du système du commerce international, le commerce illicite lucratif;*

– таможенно-юридическая и законодательная терминология: *la législation et la politique douanières, les mouvements illicites de déchets dangereux, des autorités douanières, les nouvelles lois, en présence des autorités douanières, de police et de gendarmerie, en vigueur, des modèles et des directives, vérifier que les personnes, les produits importés sont bien licites et conformes au droit, des dispositions nationales et des accords internationaux, la Convention de Bale, la législation et la politique douanières, l'Accord de reconnaissance mutuelle;*

– общественно-политическая лексика: *les pays en développement, d'importantes ressources humaines et financières, le Palais présidentiel, le Parlement, le Ministère des Finances, le Ministère des Travaux publics, la prison centrale, le Centre des impôts;*

– учебно-образовательная лексика: *la formation et les cours obligatoires, le programme de formation, les instructeurs, la formation des personnels, la formation initiale, la formation continue, l'enseignant à l'END, les inspecteurs-élèves, la formation théorique et pratique, les ressources pédagogiques, les modules, les supports de cours;*

– названия таможенных учебных заведений: *l'école des douanes de Tourcoing, l'école des cadres pour la gestion des frontières, la Direction nationale du recrutement et de la formation professionnelle (DNRFP), Université d'Auvergne, l'Université de Canberra en Australie, des universités douanières, le Centre de formation douanière de Casablanca (Maroc), l'école nationale des douanes de Tunisie, l'école nationale des douanes d'Oran (Algérie);*

– профессионально-должностная лексика: *le secrétaire général, le Directeur des Télé-communications et du Contrôle, le Président-directeur général, le Responsable du développement des systèmes de sécurité aux frontières, le Président du Conseil de l'OMD, secrétaire exécutive de la Convention de Bâle, Co-secrétaire au Bureau central des douanes et accises, le Directeur de la Direction nationale du recrutement et de la formation professionnelle (DNRFP) des douanes françaises, le Directeur de l'administration douanière fiscale, le Sous-secrétaire;*

– эмоционально-оценочная и экспрессивная лексика: *déployer de façon effective des programmes de facilitation du commerce, la traque d'envergure fructueuse, traquer le transport illégal de déchets, les principes généraux liés à la facilitation des échanges, tels que la simplification, la prévisibilité, l'harmonisation, la transparence, le partenariat, l'OMD s'est lancée dans un programme ambitieux, la production de produits contrefaits et pirates continue de croître à une vitesse alarmante, la lutte contre ce fleau, la contrefaçon ayant des repercussions négatives évidentes sur le commerce international, le développement économique, la confiance des milieux commerciaux, ces efforts permettront certainement de générer un certain sens de la responsabilité, de mobiliser le soutien nécessaire pour combattre cet empire bâti sur la fraude, l'illusion et la tromperie, menacer l'être humain, faire échouer les initiatives destinées à promouvoir le développement économique et social;*

– биолого-экологическая лексика: *les déchets dangereux, la santé publique, la propagation du virus HIV/SIDA, de l'hépatite C et d'autres maladies, le sang, l'environnement, les déchets domestiques et de ferraille, les délits environnementaux aux frontières, des espèces menacées d'extinction, les varans, des espèces de faune et de flore sauvages, des reptiles, la nature, les animaux sauvages, des tortues, des œufs de perroquet, des grenouilles, des chiens détecteurs, les cornes de rhinocéros;*

– транспортная лексика: *les carburants, les véhicules, les machines agricoles, le fret aérien, le secteur aérien, les voitures, les moyens d'acheminement, le transport international, les chauffeurs indéclicats, les pannes, les accidents;*

– информационно-компьютерная лексика: *les données informatiques, le projet e-fret, le fret électronique, l'Internet;*

– названия международных организаций: *l'Organisation mondiale des douanes, la Commission européenne, l'Organisation Mondiale de la Santé, les Sociétés Nationales de la Croix-Rouge et du Croissant-Rouge, la Convention de Kyoto révisée, l'Organisation Internationale pour les migrations, l'Union européenne, l'Organisation mondiale du commerce;*

– названия места и средств таможенного контроля: *les points de contrôle terrestres et maritimes, les systèmes d'inspection non intrusifs, les systèmes de contrôle par rayonnement, le rayonnement X, le «Backscatter Van» ou le camion fonctionnant par retrodiffusion, le contrôle par scanners aux frontières, le système d'inspection du véhicule, l'appareil mobile doté d'un système de balayage à rayons gamma, l'inspection par rayon X, les types d'instruments de détection du rayonnement fixes ou portables, moniteurs-portiques fixes de contrôle du rayonnement, détecteurs de*

rayonnement sur des personnes, détecteurs portatifs de recherche de neutrons, dispositifs portatifs d'identification de radionucléides, scanners portatifs de rayonnement, spectromètres de rayonnement gamma;

– химические вещества, названия наркотиков: *630 kg de cocaïne, 412 kg d'ecstasy, 300 kg de drogues, 42 kg de crack, 3,8 t de cocaïne, 3 t de marijuana, 7 500 kg de cannabis, une grande quantité d'héroïne et d'amphétamines, 1,7 tonnes de méthamphétamines, la Saisie de méthamphétamine, des produits stupéfiants, des produits narcotiques dangereux, le commerce illicite d'opiacés, de cocaïne, de cannabis et de substances psychotropes, 324 tonnes de résine de cannabis ; 103 tonnes de feuilles de cannabis;*

– товары народного потребления: *des articles de tabac et de cigarettes, des boissons, des produits alimentaires, les jouets et les jeux, des chaussures de sport, des montres, des articles textiles, un pneu de vélo;*

– идиомы и фразеологические обороты: *le guichet unique, l'analyse des risques porte ses fruits, une vision des choses sous un autre angle, un fléau vieux comme le monde, la douane a un rôle-clé, une transparence accrue des procédures et des contrôles;*

– ономастика: топонимика – *Kyoto, le Ghana, le Mozambique, l'Afrique de l'Est, le Pérou, Bruxelles, Hong Kong, la Chine, Berlin, le Pérou, le Maroc, Rabat, l'Algérie, la République Dominicaine, La Côte d'Ivoire, l'Arabie Saoudite, la Roumanie, la Russie, l'Ukraine;* антропонимика – *Walter Deffaa, Wulf Mathies, John Raven, Sébastien Jeannard, Abbas El Fassi;* карабонимика – *Des tours à bord de la vedette «Hawk IV» ;*

– даты: *de janvier à novembre 2009, le 4 juillet 2007, entre mars et mai 2009, en 1968, de 1999 à 2009, en 1983, depuis juin 2009, le 21-ème siècle;*

– цифровые данные: *plus de 1 100 des 1 700 pièces saisies, plus de 36 000 tonnes et 1 700 pièces de déchets dangereux illégaux, en 57 saisies, à 250 Km de Colombo, l'équivalent de 9 millions de dollars, les 136 conteneurs, le 3 février 2006, les 76 Parties contractantes, les 177 pays Membres, 891,6 milliards de dollars américains – soit 89% d'un PIB.*

Профессиональный тезаурус вышеперечисленных словарей можно квалифицировать следующим образом:

– виды таможенных процедур: *la procédure de déclaration simplifiée* (процедура упрощенной декларации);

– виды таможенных платежей: *le droit de douane* (таможенная пошлина);

– таможенные документы: *le Code des douanes* (таможенный Кодекс), *le Carnet TIR* (книжка МДП), *la Carte d'exportation temporaire* (Карта временного вывоза), *le Certificat d'exportation* (экспортный сертификат), *le Certificat de conformité aux normes de qualité* (Сертификат соответствия стандартам качества), *la lettre de transport aérien (LTA)* (авианакладная);

– различные таможенные организации, в том числе и международные: *l'Organisation mondiale du commerce (OMC)* (Всемирная торговая организация), *l'Organisation mondiale des douanes (OMD)* (Всемирная таможенная организация), *l'Association Européenne de Libre Échange (AELE)* (Европейская ассоциация свободной торговли), *l'Union européenne (UE)* (Европейский союз) (ЕС);

– различные процессы, в том числе и криминального характера, где таможенной организации отводится определенная роль: *le blanchiment de fonds* (отмывание капиталов), *la contrebande* (контрабанда);

– виды таможенной деятельности: *les agents en douane* таможенные брокеры), *la vérification des marchandises* (контроль товаров);

– таможенные отделы: *le bureau de dédouanement* (отдел оформления таможенных процедур), *le bureau de départ* (место отправления), *les Centres de renseignement douanier* (таможенные справочные центры);

– таможенные территории: *le territoire douanier* (таможенная территория);

Таким образом, вышеназванные словари, выполняющие справочно-кумулятивную функцию, содержат профессиональную лексику и терминологию, используемую таможенными служащими в профессиональной деятельности при работе с документами, с клиентами, занимающимися внешне-экономической деятельностью, с пассажирами, в процессе профессиональной коммуникации с коллегами.

Контроль экспорта и импорта товаров, транспортных средств, перемещение пассажиров на границе и их безопасность – вопросы, лежащие в основе профессиональных коммуникаций таможенных служащих, многие из которых испытывают потребность во владении иностранными языками. Деятельность инспектора грузового поста предполагает контакты с зарубежными пассажирами; служащие подразделения правоохранительного блока, отдела документационного обеспечения, отделения международного сотрудничества, пресс-службы часто работают с документами, профессионально ориентированной литературой на иностранном языке.

Наиболее полно тематика профессиональных коммуникаций представлена в вышеназванном журнале «OMD Actualités» («Новости Всемирной таможенной организации»). Лингвистический анализ пяти журналов №№ 54, 59, 60, 62, 63, 65 позволил выделить наиболее значимые темы, обсуждаемые в таможенной среде:

- *la lutte contre la contrefaçon et la piraterie* (№№ 54, 60, 63);
- *le Programme de facilitation des échanges* (№ 54);
- *le trafic illicite de drogues* (№ 60);
- *la facilitation du commerce* (№ 65);
- *la gestion des risques* (№ 59, 62);
- *la gestion coordonnée des frontières* (№ 59);
- *le blanchiment d'argent* (№№ 59, 60);
- *le guichet unique* (№ 59).

Актуальность тем «*Le guichet unique*», «*La gestion coordonnée des frontières*», «*Le Programme de facilitation des échanges*», «*La facilitation du commerce*» очевидна: в связи с расширением торгово-экономического сотрудничества с иностранными партнерами наиболее часто на таможенных форумах и конференциях обсуждаются такие вопросы, как упрощение порядка осуществления внешнеторговых операций, координированное управление границами, функции таможни и услуги единого окна.

В текстах, раскрывающих данную тематику, наиболее часто встречается следующая профессиональная лексика таможенно-экономического и таможенно-юридического направления: *les échanges internationaux, une définition du guichet unique, la facilitation des échanges, l'amélioration des contrôles, la réduction du poids des réglementations, les milieux commerciaux, la simplification, l'harmonisation, la transparence, le partenariat, la coopération ou la gestion des risques.*

Одной из серьезных и острых проблем современного общества является подделка торговой марки и пиратство, и, как следствие, данные вопросы постоянно находятся в центре внимания профессиональных коммуникаций. В этой связи тема «*La lutte contre la contrefaçon et la piraterie*» часто встречается на страницах журнала «OMD Actualités», а также обсуждается таможенными представителями различных стран на конференциях и круглых столах. Среди наиболее часто встречающихся профессиональных выражений можно выделить следующие [OMD Actualités, 2007]: *la lutte contre la contrefaçon et la piraterie, le terrorisme économique, des contrefacteurs, les administrations douanières, combattre ce fléau, faire face à un trafic annuel, l'industrie du crime, le*

commerce illicite, franchir plusieurs frontières, cacher l'origine réelle de la marchandise, le droit d'auteur, lutter plus efficacement contre ce phénomène de fraude, les services douaniers, le commerce illicite de la contrefaçon et de la piraterie, des détenteurs de droits.

Следует, однако, отметить, что в профессиональных коммуникациях и на страницах журнала содержится много общеупотребительной лексики. Так, в частности, часто перечисляются сами поддельные товары, и здесь можно встретить самую разнообразную лексику: *la soupe, l'eau minérale, les implants mammaires, les lentilles de contact, la dentifrice, les bonbons, la confiture, les médicaments destinés à traiter des maladies graves telles que le cancer du sein ou la tension artérielle, les protéines de sang, le lait pour bébé, les armes de guerre, les plaquettes de frein, les cigarettes, les jeux et jouets, les chaussures, les cosmétiques, les parfums, les jouets, les chaussures, les vêtements de sport, les étiquettes, les sacs et les accessoires pour ordinateurs et téléphones mobiles.* По выражению одного из авторов статьи, «*Tout ce qui s'achète et tout ce qui se vend est désormais contrefait*» (Сегодня все, что покупается и продается, является подделкой) [OMD Actualités, 2007, с. 12].

Тема «Управление таможенными рисками» также является актуальной как для таможенной, так и для внешнеторговой сферы деятельности. Система анализа и управления рисками, на которой строится администрирование любого бизнес-процесса, заключается в определении приоритетных и ключевых направлений деятельности и соответствующего распределения имеющихся ресурсов. [Таможенная стоимость, 2007, с. 1]. За последние годы среда международной торговли очень сильно изменилась в части способов перевозки и торговли товарами, скорости операций и абсолютного объема товаров в глобальном товарообороте. Это, наряду с давлением со стороны международного торгового сообщества минимизировать правительственное вмешательство, побудило таможенные органы уделять все больше внимания облегчению торговли. [Дэйвид Виддоусон, URL]. В журнале «OMD Actualités» № 62 данной теме «*Gestion des risques: un outil douanier crucial*» посвящен целый раздел. Тематика обсуждаемых вопросов разнообразна: «*À propos de la gestion des risques*» («Об управлении рисками»), «*Premiers résultats de l'enquête sur la gestion du risque douanier*» («Первые результаты исследования в вопросе таможенного управления рисками»), «*Gestion des risques: que gère-t-on réellement?*» («Управление рисками: чем управляем на самом деле?»), «*Activités de l'OMD en matière de risque*» («Деятельность ВТО в области рисков»). Среди наиболее употребляемых профессиональных выражений следует выде-

лить такие, как *identifier et limiter les risques au niveau opérationnel; l'évaluation des risques; les modèles de profils/d'indicateurs de risques; le Réseau douanier de lutte contre la fraude; la circulation transfrontalière des marchandises, des chargements et des personnes; une législation moderne; la collecte et le partage d'informations; sans entraver la circulation du commerce licite.*

Незаконная транспортировка наркотических веществ является одной из серьезных проблем для таможни, поэтому тема борьбы с этим видом преступления является одной из наиболее обсуждаемых как на страницах журнала, так и на различных конференциях и форумах. Можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся профессиональные выражения: *le trafic illicite de drogues, destruction de produits stupefiants, sensibiliser le public au probleme de la drogue, le role important de la douane, démontrer la mobilisation des administrations douanières en matière de lutte anti-drogue.*

Тема «*Le blanchiment d'argent*» («Отмывание капиталов») также представляет интерес для профессиональных коммуникаций в таможенной сфере, так как незаконно добытые денежные средства часто перемещаются через границу. В данной тематике наиболее часто используются следующие профессиональные выражения: *les passeurs de fonds illicites; les types d'infractions et d'activités criminelles telles que le trafic de stupéfiants, d'armes, de véhicules volés, d'objets d'art, de marchandises contrefaites, la fraude fiscale, les abus de biens sociaux; de l'ouverture des frontières, de la privatisation, des zones de libre échange, de la faiblesse de certains Etats, de l'existence de banques offshore, des transferts financiers électroniques et des techniques bancaires; Interpol; des représentants de la douane, des Unités de renseignements financiers, des autorités policières et autres services compétents de lutte contre la fraude; l'impact du blanchiment de l'argent sur l'économie; des politiques erronées; des fausses mesures statistiques; des taux de change et d'intérêt instables; des déclarations de revenu frauduleuses; la levée des impôts et la répartition des dépenses publiques; la concurrence déloyale d'entreprises.*

Таким образом, изучение французского языка, владение профессиональной лексикой находятся во взаимной связи с профессиональными коммуникациями. Работа с профессионально ориентированной таможенной литературой, участие в профессиональных коммуникациях с зарубежными коллегами заставляют более тщательно относиться к вопросу изучения и использования профессиональной лексики и терминологии на иностранном языке, в том числе и на французском.

Владение одним из официальных языков ВТО, Евросоюза, использование его профессиональной лексики на практике предоставляет уникальные возможности быть полноценным участником межкультурных коммуникаций, международных процессов. Изучение и использование профессионального французского языка в области таможенного дела – залог высокого профессионализма, успешной деятельности, востребованности на современном рынке труда.

Литература

- Дэйвид Виддоусон. [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.adb.org/Projects/TradeFacilitation/russian/Documents/Managing-Risk>.
Таможенная стоимость. М., 2007.
OMD Actualités, № 63, octobre 2010 / Éditeur Organisation mondiale des douanes Rue du Marché, 30 B-1210 Bruxelles Belgique
OMD Actualités, № 54, octobre 2007 / Éditeur Organisation mondiale des douanes Rue du Marché, 30 B-1210 Bruxelles Belgique
OMD Actualités, № 59, juin 2010 / Éditeur Organisation mondiale des douanes Rue du Marché, 30 B-1210 Bruxelles Belgique
OMD Actualités, № 60, octobre 2009 / Éditeur Organisation mondiale des douanes Rue du Marché, 30 B-1210 Bruxelles Belgique
OMD Actualités, № 62, juin 2010 / Éditeur Organisation mondiale des douanes Rue du Marché, 30 B-1210 Bruxelles Belgique
OMD Actualités, № 65, juin 2011 / Éditeur Organisation mondiale des douanes Rue du Marché, 30 B-1210 Bruxelles Belgique

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

«СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ» В.Г. КОРОЛЕНКО : КОНТРАПУНКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Н.С. Тишевская

Ключевые слова: колонизация, Сибирь, социокультурная и национальная идентичность, региональное самосознание, В.Г. Короленко, этнопоэтика.

Keywords: colonization, Siberia, regional, national and social identity, V.G. Korolenko, ethno-poetics.

«Сибирские рассказы и очерки» создавались В.Г. Короленко в ссылке, в 1880–1904 годах. Сборник рассказов был, как известно, высоко оценен А.П. Чеховым, Вс. Гаршиным. Рассказ «Соколинец» Чехов назвал «самым выдающимся произведением последнего времени» (цит. по: [Котов, 1953, с. 11]). Положительные рецензии на рассказы Короленко 1880-х годов были написаны в самой Сибири и напечатаны в газете «Сибирская жизнь», выходившей в Томске. Основатель сибирского областничества Г.Н. Потанин отметил: «“Сон Макара” такой же многозначительный рассказ для крестьянской Сибири, как гончаровский “Сон Обломова” для дворянской России» [Потанин, 1903, с. 1–2].

М.К. Азадовский указывал на важное значение «Сибирских рассказов и очерков» Короленко для развития «сибирской темы» в русской литературе. Исследователь отмечает, что в то время как в начале XIX века Сибирь воспринималась в романтической перспективе, во второй половине столетия «тема Сибири трактуется или в плане этнографическом, или в плане областного патриотизма» [Азадовский, 1947, с. 171]. Причем именно с произведений Короленко о Сибири начинается, по мысли исследователя, художественное воссоздание особенностей быта и природы этого необычного края.

В советский период изучение творчества Короленко было подчинено господствовавшему в тогдашней науке вульгарно-социологическому подходу и, как правило, рассматривалось в узкой классовой перспективе. Единственным собственно литературоведческим аспектом, развивавшимся в исследовательской традиции в связи с Короленко, было изучение связей писателя с творчеством предшественников и современников – А.П. Чехова, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Этой теме посвящены работы Г.А. Бялого [Бялый, 1983], В.И. Каминского [Каминский, 1972], Г.М. Миронова [Миронов, 1962]. Внимание современных литературоведов привлекают природно-антропологические и этнокультурные основы его мировидения и поэтики. Так, в частности, этой проблематике посвящены работы Г.З. Горбуновой [Горбунова, 1992] и Е.А. Макаровой [Макарова, 2004].

С 1885 года в столичных журналах начинают публиковаться рассказы и очерки писателя, созданные в ссылке: «Сон Макара», «Соколинец» и др. Собранные воедино они составили книгу «Очерки и рассказы» (1886).

При сопоставлении семантики названия рассказов можно предположить, что автора интересовала не только отдельная конкретная личность, но и особые приметы, которые, как ему кажется, свойственны и другим обитателям сибирского региона. Тем самым, каталогизируя набор этих свойств, Короленко реконструирует, «воображает» целостный «портрет» сибиряка. Персонажи его рассказов – люди утомленные и одинокие – показательно подаются читателю в перспективе преобладания телесной мощи над внутренней духовной работой, которая сама по себе тем самым проблематизируется. Так, Яшка из одноименного рассказа предстает перед читателем в следующем виде: *«серые выразительные глаза, слегка лишь подернутые какой-то мутью, как у сильно утомленного человека. Лоб был высокий и по временам собирался в резкие – не то гневные, не то скорбные складки. По-видимому, Яшка был высок ростом и очень крепко сложен»* [Короленко, 1980, с. 20]. Федор Силин из рассказа «Убивец» – это *«мужик громадного роста, крепкий, широкоплечий, настоящий гигант. Лицо его было как-то спокойно угрюмо, с тем особенным отпечатком, какой кладет обыкновенно застарелое сильное чувство или давно засевавшая невеселая дума. Глаза глядели ровно, упорно и мрачно»* [Короленко, 1980, с. 38]. Сходными качествами наделен Василий из рассказа «Соколинец»: *«Черные выразительные глаза его кидали быстрые, короткие взгляды <...>. Только легкое подергивание нижней губы и нервная игра мускулов выдавали по временам беспокойную напряженность внутренней борьбы»* [Короленко, 1980, с. 88].

Все рассказы связывает единый образ автора-повествователя. Объединяющим началом рассказов является слияние субъективного плана автора с субъективным планом персонажа-повествователя. Так, в «Чудной» персонаж-повествователь Гаврилов, завершая рассказ о политической ссыльной Морозовой, произносит: *«И все я эту барышню сердитую забыть не мог, да и теперь то же самое: так и стоит, бывает, перед глазами»* [Короленко, 1980, с. 13]. В свою очередь автор так заканчивает произведение: *«Глубокий мрак закинутой в лесу избушки томил мою душу, и скорбный образ умершей девушки вставал в темноте под глухие рыдания бури...»* [Короленко, 1980, с. 13]. Экспрессивная окрашенность речи, заложенная в синтаксических конструкциях и семантике форм субъективной оценки, позволяют нам предположить, что автор становится спутником своих героев. Например, в рассказе «Яшка» автор задается вопросом, кем являются по отношению друг к другу, казалось бы, столь разные заключенные – камышинский мещанин и Яшка: *«Кто же это: непримиримые враги или союзники?»* [Короленко, 1980, с. 30]. Автор словно слит с этим миром, а обращения его направлены к читателю. В этом отношении показателен и рассказ «Сон Макара», в котором использование несобственно прямой речи говорит о соединении мыслей и чувств героя со своими: *«Да, его гоняли всю жизнь! Гоняли старосты и старшины, заседатели и исправники»* [Короленко, 1980, с. 82].

Достигающийся этими стилистическими средствами эффект соединения автора и героя-рассказчика является необходимым техническим подступом к художественной концептуализации сибирского пространства, осуществляемой как бы *изнутри* этого территориального мира. Однако в сознании автора и героев образ Сибири воспринимается неодинаково. Герои рассказов и очерков в силу различных обстоятельств пребывают в Сибири вынужденно. Поэтому она рисуется в страшных, даже угрожающих красках: *«когда “чужая сторона” враждебно веет <...> своим мраком и холодом, когда перед встревоженным воображением грозно встают неизмеримую, неодолимую далью все эти горы, леса, бесконечные степи...»* [Короленко, 1980, с. 85]. Короленко, находясь в амгинской ссылке, изучал Сибирь. В «Истории моего современника», созданной много позже сибирских рассказов и очерков, он напишет, что три года пребывания в Амге стали самым здоровым периодом в жизни. Автор так описывал свои впечатления о трескучем морозе: *«Однажды, когда я стоял и любовался ночью, мне послышался какой-то треск. Я невольно обернулся в сторону. Тогда и треск послышался с другой стороны. Я наконец понял: это замерзло мое дыхание, точно вблизи ворошили сухое сено»* [Короленко, 1985, с. 330]. Амбивалентность в восприятии климата объясняется

тем, что чужая сторона с мраком и холодом, издавна выступавшие «дополнительным природным наказанием узнику» заменяется любованием ночью «со смыслом преобразования и обновления национального мира» [Анисимов, 2009, с. 114]

Процесс колонизации неевропейских пространств европейскими державами начался в эпоху Великих географических открытий и имел различные направления и формы. В России колонизационные потоки XVII–XX веков исторически были ориентированы прежде всего на уральский и сибирский регионы. Для всего этого времени характерно активное заселение и хозяйственное освоение пустыющих и окраинных земель. Неоднозначность в понимании терминов «колония», «колонизация», возросший интерес к проблемам нации и национализма, поиск ответа на вопрос о формировании регионального самосознания – все это открывает возможность для изучения региональной идентичности и ее литературно-художественных репрезентаций.

Историки и социологи культуры справедливо отмечают, что художественная литература – главное «прибежище персонажей, томящихся проблемой идентичности» [Кустарев, 2008, с. 214–215], что «ни «литература», ни «общество» не существуют по отдельности, как бы абстрактно не определялись эти понятия» [Гудков, 1998, с. 11]. В этом смысле освоение Сибири сказалось не только на исторической судьбе поселенцев и аборигенов, но также существенно повлияло на векторы распространения русской литературы, специфику зарождения ее региональных модификаций. Короленко отразил этот процесс в «Сибирских рассказах и очерках».

В ряд фрагментов рассказа «Сон Макара» (1883) Короленко имплицитно содержит стороны одного из этапов колонизации Сибири – сельскохозяйственного ее освоения: *«Отцы и деды Макара отвоевали у тайги кусок промерзшей землицы, и хотя угрюмая чаща все еще стояла кругом враждебной стеной, они не унывали»* [Короленко, 1980, с. 67]. Кроме того, переселенцы перенимали у инородцев формы хозяйствования, одежду, нравы, забывали свой язык, обращались к шаманизму: *«Он (Макар) ездил очень искусно верхом на быках, а в случае болезни призывал шамана, который, беснуясь, со скрежетом кидался на него, стараясь испугать и выгнать из Макара засевшую хворь»* [Короленко, 1980, с. 67].

Философ С.В. Лурье отмечал, что «русские осваивают “дикое поле”, вбирают его в себя, не стремясь ни ограничить его, ни устранить встречающиеся на нем препятствия» [Лурье, 2004, с. 314]. Короленко описывает аналогичный процесс изменения предков Макара, которому они подверглись за время борьбы со злой тайгой: *«...сами они незаметно дичали. Женья на якутках, они перенимали якутский язык и якутские нравы. Ха-*

ракетрические черты великого русского племени стирались и исчезали» [Короленко, 1980, с. 67].

В. Сандерландом были изучены культурные конструкты «русскости» и русской национальной идентичности времен заката империи. Исследователь полагает, что ассимиляция на восточных окраинах Российской империи, направленная, по замыслу власти, на «отсталых» жителей Востока, которые со временем должны были уподобиться русским, приводила вопреки ожиданиям к обратному результату: «не столько “инородцы” подвергались “обрусению”, сколько русские “обынородчивались”» [Сандерланд, 2005, с. 199]. Художественную рефлексию на эту тему мы видим прежде всего в рассказе «Сон Макара».

Пространство Сибири, которое изначально «*обживают*» отцы и деды Макара, а также сам герой маркируется такими образами как «*зугрюмая чаща*», «*страшная стена*», «*заколдованная чаща*», «*враждебная тайга*». Значимым атрибутом пространства, в котором обитает Макар и другие герои сибирских рассказов и очерков Короленко, является колокольня. Она «*точно победное знамя, на холмике из середины поселка выстрелила в небо*» («Сон Макара») [Короленко, 1980, с. 67]. Ср.: «*Все вокруг замерло. Горный берег реки, бедные юрты селения, небольшая церковь, снежная гладь лугов, темная полоса тайги – все погрузилось в безбрежное туманное море*» («Соколинец») [Короленко, 1980, с. 86]. Но в церковь накануне Рождества идут якуты, а Макар проезжает мимо. Сравнение «*победное знамя*» не случайно. В XIX веке среди сибирских инородцев распространялось несколько религий. Как отмечал Н.М. Ядринцев, большинство из них были язычниками или шаманистами, а распространение православия осложнялось тем, что инородческие племена по своему мировоззрению более тяготели к восточным религиям. Между тем миссионер в Сибири не был человеком, который высоко осознавал «свои задачи изучения народности и ее духа» [Ядринцев, 2003, с. 153]. Короленко воссоздает в рассказе образ одного такого миссионера Ивана. Автор так характеризует сибирского духовника: «*Это был добрый попик <...> Макар сам назначал ему плату за крестины и за молебны и теперь со стыдом вспоминал, что иногда платил маловато, а порой не платил вовсе. Поп Иван не обижался; ему требовалось одно: всякий раз надо было поставить бутылку водки*» [Короленко, 1980, с. 74]. Умер герой «*страшной*» смертью – упал пьяный в огонь. Пронизанная народнической сатирой зарисовка вечно пьяного попа имеет и культурный смысловой оттенок: неочевидность преобладания христианской веры в традиционно нехристианском окружении.

Люди, населяющие родину Макара, кажутся ему чужими, «дальними». Герой обращает внимание на одного пьяного якута: «*В углу, на соло-*

ме, пьяный якут **покачивался сидя** и тянул бесконечную песню. Он **выводил горлом дикие скрипучие звуки**, повторяя на разные лады, что **завтра большой праздник, а сегодня он пьян**» [Короленко, 1980, с. 69]. Однако Макар мало отличается от них: характеристики героя-«колонизатора» эквивалентны характеристикам «аборигенов». **«Макар сидел на дровнях, покачиваясь, и продолжал свою песню. Он пел, что выпил пять возов дров и что старуха будет его колотить. Звуки, вырывавшиеся из горла, скрипели и стонали в вечернем воздухе так уныло и жалобно, что у чужого человека...»** [Короленко, 1980, с. 70]. Подобный процесс этнической гибридизации представлен и в рассказе «Соколинец»: **«Наше жилье стояло на краю слободы, в некотором отдалении... Обыкновенно с нашей крыши можно было видеть всю небольшую равнину, и замыкавшие ее горы, и огни слободских юрт, в которых жили давно обьякутившиеся потомки русских переселенцев и частью ссыльные татары»** [Короленко, 1980, с. 87]

Главный герой рассказа «Сон Макара» живет бедно, терпит голод и холод, но не перестает думать о том времени, когда бросит все и уйдет «на гору»: **«Там он не будет ни пахать, ни сеять не будет рубить и возить дрова, не будет даже молотить зерно на ручном жернове. Он будет только спасаться»** [Короленко, 1980, с. 67]. Действительно, крестьяне страдали от бесконечных поборов, штрафов, недоимок. Но о каком спасении мечтает Макар?

Итак, в рассказе возникает мифологический образ горы как символ спасения от жизненных невзгод. Традиционно гора рассматривается как трансформация мирового древа, образ мира или модель Вселенной, отражающая основные элементы и параметры космического устройства [Топоров, 1987, с. 311]. Таким образом, гора выступает как воплощение идеи духовного возвышения, место пребывания отшельников и мудрецов. Неудивительно, что герой рассказа В.Г. Короленко стремится попасть на гору, хотя **«какая это гора, где она, он точно не знал»** [Короленко, 1980, с. 67].

Композиционно святочный рассказ В.Г. Короленко подразделяется на две части. Первая – пребывание Макара в земном пространстве, вторая – путь и участие Макара в небесном суде после смерти. Образ жизни и условия, в которых жил Макар, не давали ему возможности осознать себя, не случайно именно на небе происходит момент истины, и герой словно раздваивается: **«Макар, тот самый Макар, который никогда в жизни не произносил более десяти слов к ряду, вдруг ощутил в себе дар слова. Он заговорил и сам изумился. Стало как бы два Макара: один говорил, другой слушал и удивлялся»** [Короленко, 1980, с. 81]. Раздвоение героя на «Я» и

«Не-я» связано с неразличимостью сна и яви. И теперь перед читателем предстает не деградировавший «колонизатор», а тот человек, который вспомнил, что он *«коренной чалганский крестьянин»*. Иными словами, произошло рождественское чудо, а именно, душевная перемена главного героя, обретшего свою идентичность, а точнее – вспомнившего про нее. Таким образом, в рамках земного пространства Макар и его предки не смогли пройти «проверку на национальную устойчивость, приверженность православию» [Ремнев, 2011, с. 119], такую проверку герой проходит, подчинив свое сознание власти скорее мифу, чем социальным коммуникациям, анализиком которых преимущественно и был В.Г. Короленко.

Осознавая невысокий уровень материальной цивилизации русских переселенцев, что сближало их с инородцами, Короленко конструирует в рассказе «Сон Макара» путь главного героя к Богу как средство познание самого себя. С проблемой самопознания связаны практически все рассказы этого периода, однако, если в рассказе «Убивец» автор воссоздает в душе героя Федора Силина бушующую темную разрушительную стихию, то в рассказе «Федор Бесприютный» герой пытается найти ответы на вопросы о душе, жизни и смерти в книгах. А в рассказе «Яшка» отказ от семьи, дома, земли, на которой когда-то трудился главный герой, помогает ему сохранить душу в чистоте, так как «душу блюсти в одиночку» [Короленко, 1980, с. 31] легче. Анализируя сибирские рассказы Короленко, мы выделили обращенность художественной стратегии автора к этнокультурной проблематике, прочно укорененной в историческом контексте освоения Сибири – как Российской империей, так и русской культурой.

Литература

- Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947. Вып. 1.
 Анисимов К.В. Климат как «закоснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 5 (99).
 Бялый Г.А. В.Г. Короленко. Л., 1983.
 Горбунова Г.З. Короленко и Достоевский (художественно-этические искания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1992.
 Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество : введение в социологию литературы. М., 1998.
 Каминский В.И. Короленко и Глеб Успенский (К вопросу о реализме «переходного времени») // Русская литература. 1972. № 4.
 Короленко В.Г. Сибирские рассказы и очерки. М., 1980.
 Короленко В.Г. История моего современника. М., 1985. Т. 3–4.
 Котов А.К. Владимир Галактионович Короленко. М., 1953.
 Кустарев А.С. После понижения в должности – Британия, Франция, Россия // Наследие империй и будущее России. М., 2008.

- Лурье С.В. Историческая этнология. М., 2004.
- Макарова Е.А. Специфика «художественного мира» Н.С. Лескова и В.Г. Короленко // Феномен русской классики. Томск, 2004.
- Миронов Г.М. Короленко. М., 1962.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х тт. М., 1987. Т. 1.
- Потанин Г.Н. Владимир Галактионович Короленко. // Сибирская жизнь. 1903. № 151.
- Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX века // Полития. 2011. № 3 (62).
- Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынародчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914. // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.
- Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003.

СЮЖЕТ И РИТМ В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО : К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМАНТИКИ И РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

О.А. Ковалев, А.Д. Негреева

Ключевые слова: лирический сюжет, И. Бродский, ритм, минимализм, паттерн.

Keywords: lyrical subject, J. Brodsky, rhythm, minimalism, pattern.

Основной задачей данной работы является обнаружение связи между логикой развития лирического сюжета стихотворений И. Бродского и их ритмической структурой. При анализе ритмической структуры стихотворений И. Бродского мы считаем нужным обратить внимание на типологическое сходство организации текстов И. Бродского и композиции минималистской музыки. Связям, существующим между стихами Бродского и музыкой, посвящена работа Е. Петрушанской «Музыкальный мир Иосифа Бродского», в которой она рассматривает вопросы взаимодействия лирики данного автора с музыкой барокко, классицизма и джазом. Петрушанская отмечает влияние принципов джазовой импровизации на лирику Бродского, но не касается вопроса взаимодействия его текстов с музыкой американского минимализма.

Американский минимализм представлен прежде всего творчеством таких композиторов, как Стив Райх, Терри Райли, Филипп Гласс. Мы не знаем, слушал ли И. Бродский эту музыку, но факт знакомства с Глассом установлен (на него указывает Е. Петрушанская, которая, опираясь на

воспоминания Томаса Венцлова, пишет, что «приблизительно в середине 1980-х годов на одном из междисциплинарных заседаний американской интеллектуальной элиты <...> после сообщения выдающегося композитора Филиппа Гласса о своей новой опере, о философских и конструктивных основах минималистской музыки, Иосиф Александрович долго и увлеченно беседовал с Глассом») [Петрушанская, 2007, с. 49]).

Некоторые принципы композиции в минималистской музыке можно проследить в лирике Бродского. П. Поспелов в статье «Минимализм и репетитивная техника: сравнение опыта американской и советской музыки» пишет, что репетитивная техника, заключающаяся в «повторении коротких функционально равноправных построений (patterns)», «действительно родилась из минимального мышления, и «классические», эталонные образцы репетитивного метода – произведения, связанные с концепцией минимализма» [Поспелов, 1992]. При анализе текстов мы будем опираться на реализацию принципов репетитивной техники, осуществленную именно минималистами. Собственно минималисты пользуются несколькими вариантами реализации этой техники, мы считаем нужным обратить внимание на «процесс прибавлений» (additive process) Филиппа Гласса.

Техника «процесса прибавлений» основана на «расширении паттернов, добавлении к ним новых элементов <...>. При этом главным, как ни удивительно, является то, что приобретается за пределами заданного, сочиненного, возникает поверх детерминированного процесса» [Поспелов, 1992]. Данная техника схожа с двумя важными для поэтики Бродского принципами: принципом джазового повествования (импровизация) и инвариантным принципом построения текста. Принцип джазового повествования, реализация которого отмечена Е. Петрушанской во многих стихотворениях Бродского, заключается в импровизации «на тему-постулат, раскрытие ее разнообразных, подчас неожиданных свойств, и нередко – «отлет» в сторону и ввысь от исходного пункта. Талантливым импровизациям, даже на основе комбинаторики, свойственна спонтанность, нанизывание вариантов-проб на «нить» исходной темы...» [Петрушанская, 2007, с. 247]. Сходство между «процессом прибавлений» и принципом импровизации увидеть нетрудно; мы в своей работе считаем нужным сосредоточиться на реализации «процесса прибавлений».

Важно заметить, что в ритмической организации текстов И. Бродского присутствуют две тенденции: тенденция к варьированию паттерна и следованию логики репетитивной техники, с одной стороны, и тенденция к закреплению паттерна к концу стихотворения и стабилизации ритма – с другой. Вторую тенденцию мы считаем нужным связывать с процессом

формирования биографического мифа поэта: так, А. Генис в статье «Бродский в Нью-Йорке» пишет о том, что Бродский «с настойчивостью сердечника» ценит «правильную размеренность ритма» [Генис, 2002, с. 371]. Это замечание Гениса касается любви Бродского к классической поэзии (и, соответственно, к классическому ритму), но нам кажется, что его можно экстраполировать и на тот принцип, в соответствии с которым организованы некоторые тексты автора. Отметим еще, что Бродский не раз обращается к телесной тематике в своих текстах: «Старение! Здравствуй, мое старение! / Крови медленное струение» (стихотворение «1972 год», 1972) и др.

Термин «инвариант» в тексте нашей работы мы понимаем как ритмическую схему текста, в рамках которой осуществляется варьирование ритма стихотворения.

Стихотворение «От окраины к центру» (1962) написано анапестом; его ритмическая композиция организована по инвариантному принципу. Ритмический инвариант распознается с помощью анализа количества ударений в каждой строфе и выглядит следующим образом: 2323235. Такая схема реализуется в 13-и из 21-ой строф стихотворения; в остальных строфах обнаруживается выход за пределы ритмического паттерна. Приведем здесь результаты анализа количества ударений во всем стихотворении:

1. 2442235	12. 2323235
2. 242434	13. 2323235
3. 3223235	14. 2323235
4. 2323235	15. 2323235
5. 3223326	16. 2323235
6. 2323235	17. 2424245
7. 2423235	18. 2323235
8. 2323235	19. 2323235
9. 2323235	20. 2323235
10. 2323235	21. 2423246

Варьирование ритма в данном тексте осуществляется за счет увеличения количества ударных слогов на один или два (чаще встречается прибавление одного ударного) преимущественно в коротких строках; увеличение количества слогов в последней, длинной строке приводит только в одной, финальной строфе стихотворения. Ритмические сдвиги обеспечивают постоянное изменение длины строк, что, с учетом вольного обращения с чередованием длинных и коротких строк, работает на реализацию принципа свободы. Важно, что свободное функционирование ритма ощущается только на фоне строф данного стихотворения, в которых ритм

упорядочен. Наиболее значимым для поэтики Бродского здесь является факт нарушения ритмической структуры, а не факт ее соблюдения. Если в этом тексте расширение паттерна минимально, то в более поздних стихотворениях (их анализ будет представлен ниже) оно достигает большей свободы.

Стихотворение «Я всегда твердил, что судьба – игра...» (1972) написано четырехиктовым дольником. Обращение к этому размеру говорит о большей свободе в работе с ритмом, так как дольник предполагает довольно вольное, пусть и существующее в рамках структуры, чередование ударных и неударных слогов. В данном тексте мы можем говорить о незначительных ритмических сдвигах в паттерне (прибавление одного слога), которые к концу стихотворения сменяются стабилизацией ритма.

1. (2)—1—2—1—(0)	19. (2)—1—2—1—(1)
2. (2)—1—2—1—(0)	20. (2)—2—2—1—(1)
3. (2)—2—2—2—(1)	21. (2)—1—2—1—(1)
4. (2)—2—2—1—(1)	22. (2)—2—2—1—(1)
5. (2)—2—2—2—(1)	23. (2)—2—2—1—(1)
6. (2)—1—2—1—(1)	24. (0)—2—2—1—(1)
7. (2)—1—2—1—(1)	25. (2)—2—2—1—(1)
8. (2)—1—2—1—(1)	26. (2)—2—2—2—(1)
9. (2)—1—2—1—(1)	27. (2)—1—2—1—(1)
10. (2)—2—2—1—(1)	28. (2)—1—2—1—(1)
11. (2)—2—2—1—(1)	29. (2)—2—2—1—(1)
12. (2)—1—2—1—(1)	30. (0)—2—2—1—(1)
13. (2)—1—2—1—(1)	31. (2)—2—2—1—(1)
14. (2)—1—2—1—(1)	32. (2)—2—2—1—(1)
15. (2)—1—2—1—(1)	33. (2)—2—2—1—(1)
16. (0)—2—2—1—(1)	34. (2)—2—2—1—(1)
17. (2)—2—2—1—(1)	35. (2)—2—2—1—(1)
18. (2)—1—2—1—(1)	36. (0)—2—2—1—(1)

Итак, паттерн имеет следующую модель: (2)—1—2—1—(0). Паттерн неизменен в первых двух строках первой строфы, далее он расширяется за счет прибавления одного слога во втором междуктоговом интервале: (2)—2—2—1—(1). Такая схема соблюдается в трех следующих строках, в последней строке первой строфы Бродский обращается к первоначальному ритмическому паттерну, к которому добавляется только финальный безударный слог.

Ритмическая организация первых трех строк второй строфы соответствует паттерну, ритм двух оставшихся строк организован по уже извест-

ному нам по первой строфе принципу расширения (2)—2—2—1—(1). В последней строке Бродский обращается к неизмененному паттерну.

Первые три строки третьей строфы организованы в рамках паттерна, далее следует строка с нулевой анакрузой и очевидно более сильным отклонением от заданного ритмического принципа чередования строк: (0)—2—2—1—(1). Отметим, что в ритмической структуре этой строки наблюдается тяготение к расширенному варианту паттерна, в соответствии с которым организована следующая строка данной строфы. Финальная строка построена по изначальному ритмическому образцу.

Четвертая строфа начинается со строки, ритмически дублирующей последнюю строку предыдущей строфы ((2)—1—2—1—(1)). Во второй строке наблюдается обращение к расширенному варианту паттерна ((2)—2—2—1—(1)), третья строка дублирует первую, а последующие две – вторую. Финальная строка стихотворения строится по тому же принципу, что и четвертая строка третьей строфы: (0)—2—2—1—(1). Отметим, что, начиная с этой строфы, Бродский организует финальные строки оставшихся строф по одному ритмическому принципу.

Две первые строки пятой строфы строятся по принципу расширения паттерна, последующие две – в соответствии с паттерном. В пятой строке наблюдается возвращение к принципу ритмической организации первых двух строк; финальная строка строится по варианту паттерна с нулевой анакрузой.

В последней, шестой строфе стихотворения обнаруживается тяготение к логаяду: первые пять строк организованы по одному ритмическому принципу: (2)—2—2—1—(1). Финальная строка, как и аналогичная строка предыдущей строфы, имеет нулевую анакрузу. Таким образом, в данной строфе наблюдается стабилизация ритма и остановка ритмических изменений.

Итак, ритмическая организация стихотворения «Я всегда твердил, что судьба – игра» основана на минимальных ритмических сдвигах в рамках ритмических колебаний дольника и тяготеет к стабилизации ритма.

Обратимся к тексту «На смерть Жукова», анализ ритмической структуры которого производился не раз. Так, М.Ю. Лотман посвящает свою статью «На смерть Жукова» анализу ритма стихотворения и связи ритмической организации с лирическим сюжетом, а в работе Ю. Шатина «Логаядический стих в поэтическом тексте XX века» анализируется созданный Бродским в данном тексте логаяд. Мы считаем нужным обратить внимание на тот аспект ритмической

структуры текста, который ранее не прорабатывался. Приведем здесь наш вариант анализа ритма стихотворения:

1. —2—1—2—	16. —2—1—2—
2. —2—1—2—	17. —2—1—2—
3. —2—2—2—	18. —2—1—2—
4. —2—1—2—	19. —2—1—2—
5. —2—2—2—	20. —2—2—2—
6. —2—1—2—	21. —2—2—2—
7. —2—1—2—	22. —2—2—2—
8. —2—1—2—	23. —2—2—2—
9. —2—1—2—	24. —2—1—2—
10. —2—2—2—	25. —2—1—2—
11. —2—2—2—	26. —2—2—2—
12. —2—1—2—	27. —2—1—2—
13. —2—1—2—	28. —2—2—2—
14. —2—1—2—	29. —2—2—2—
15. —2—2—2—	30. —2—2—2—

Ритмическая структура, к которой Бродский обращается в данном тексте, выглядит следующим образом: —2—1—2—. Варьирование ритма осуществляется за счет прибавления одного слога во втором междуиктовом интервале (—2—2—2—), что свойственно для дольника и потому не представляет для нас интереса. Обратим внимание на процесс, происходящий в последних трех строках пятой строфы: в этих строках ритм стабилизируется. Такая стабилизация ритма к концу стихотворения указывает на силлабо-тоническую основу дольника Бродского: дольник в данном тексте тяготеет к дактилю и переходит в него в рамках расширенной схемы паттерна. Кроме того, стабилизация ритма связана с темой смерти, которая организует лирический сюжет стихотворения.

Итак, ритмическая организация стихотворений И. Бродского имеет две тенденции: тенденцию к динамическому варьированию ритмического паттерна и тенденцию к стабилизации ритма. Ритмическую динамику, на наш взгляд, закономерно связывать с нарративностью стихотворения: динамичность ритмических изменений создает в тексте особый ритмический сюжет, который функционирует наравне с лирическим сюжетом. Тексты, в которых ритм стабилен, а колебания его минимальны, не обнаруживают в себе лирического сюжета, их нарративность стремится к нулю, в этих стихотворениях преобладают описательные элементы или присутствует остановка сюжетного действия, что обнаруживается в стихотворении «На смерть Жукова». Таким об-

разом, ритм является значимым фактором, формирующим сюжетную основу лирики И. Бродского.

Литература

- Бродский И. Сочинения. СПб., 1995. Т. 1–4.
Генис А.А. Два : Расследования. М., 2002.
Лотман М.Ю. «На смерть Жукова» // Как работает стихотворение Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
Петрушанская Е.М. Музыкальный мир Иосифа Бродского. СПб., 2007.
Поспелов П. Минимализм и репетитивная техника: сравнение опыта американской и советской музыки. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proarte.ru/ru/komposers/music-articles/spec1992/19920001.htm>
Шатин Ю.В. Логаэдический стих в поэтическом тексте XX века (Б. Пастернак, М. Цветаева, И. Бродский) // «Чернеть на белом, покуда белое есть...» Антиномии Иосифа Бродского. Томск, 2006.

«ВЕРВОЛЬФЫ» В. ПЕЛЕВИНА : ГЕНЕЗИС ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА-ВОЛКА

Е.А. Куликова

Ключевые слова: оборотень, волк, прогресс, двойственность, постмодернизм.

Keywords: werewolf, wolf, progress, duality, post-modernism.

Многочисленные исследователи творчества В. Пелевина, изучая специфику художественных приемов писателя, сходятся во мнении, что в основе его текстов заключена оппозиция, воплощенная в концепции двоимирия или иллюзорности миров. Метафорическое выражение иллюзорности в книгах Пелевина – вариативно. К одной из форм подобного выражения можно отнести оборотничество. Гибрид волка и человека (оборотень, вервольф), включенный в контекст произведения, способен сформировать весьма обширный мотивно-образный ряд, поскольку волк обозначает самые разные качества: «жестокость, ярость», а также «доблесть, силу, храбрость, величие...» [Мифы народов мира, 1980].

В текстах Пелевина мифологема «волк» приобретает дополнительный коннотативный смысл: соотносительность человека и волка графически возможно отобразить как движение по восходящей.

Иными словами, волк – символ прогресса и несет особую миссию в разработке основных писательских идей.

1. WOLF – FLOW!¹

Верволки в средней полосе: рассказ о настоящем человеке

Рассказ «Проблема верволка в средней полосе», написанный в 1991 году, повествует он о том, как некий молодой человек по имени Саша в силу случайных обстоятельств получает способность превращаться в волка.

На первый взгляд ситуация выглядит как бы случайной: Саша вынужден «влияться» в стаю, чтобы не нарваться на неприятности.

Все происшедшее автор разъясняет в конце, исключая любого рода нечаянности и чудеса. Превращения людей в волков – не галлюцинация, а реальность. Главный герой был предрасположен к трансформации изначально: *«Я искал фотографию волка! <...> Так это и был зов?»* [Пелевин, 1991, с. 188].

Лейтмотив рассказа звучит в словах вожака стаи, обращенных к новичку-оборотню: *«...Ты должен помнить, что только оборотни – реальные люди»* [Пелевин, 1991, с. 188].

Таким образом, волк напрямую связан с эффектом прозрения, умением видеть истинную суть окружающего.

Герой в волчьей личине приобретает свободу и вкус к жизни, становится независимым от социальных и нравственных ограничений: *«...и смысл жизни чувствовался непрерывно и отчетливо...»*.

Симпатия к волку со стороны автора не вызывает сомнений. И здесь Пелевин поддается, вероятно, бытующему в массовом сознании представлению о волке как о бесстрашном диком существе, внушающем страх и благоговение одновременно: *«Безоглядно ненавидеть волка человек, тем не менее, не осмеливался никогда. Что-то, пугая, притягивало»* [Мифы народов мира, 1980]. Мифологическое прошлое сложилось в восприятие волка как достойного противника: *«Свирепость, выносливость, удачливость зверя восхищали первобытное сознание»*. Поэтому так тщательно проработанный автором эпизод поединка оборотня Саши с Николаем Петровичем словно заставляет читателя любоваться «мужественностью» героя-волка.

Кровно связанный с волчьим тотемом оборотень – представитель избранного круга лиц, личность, вобравшая в себя все лучшее от человеческой и волчьей природы, причем волчья по значимости превалирует.

¹ (англ. волк – вливайся!)

По замыслу писателя Александр попадает в когорту людей «особого назначения». Персонаж за минимально короткий срок проходит путь своеобразного «просветления»: от неведения до абсолютного знания. Именно здесь кроется ключ к пониманию идиомы – судя по всему, авторской – «Загрызть в люди» (Саша загрыз в люди старого оборотня). Загрызть в люди – обречь оборотня (настоящего человека) на прозябание в фиктивном мире.

Еще одно идиоматическое выражение, встречаемое в тексте, – «Оборотень в погонах» – Пелевин буквализирует. Полковник Лебедевко – вожак стаи и оборотень в погонах – по воле авторской иронии подрывает авторитет вооруженных сил страны:

– *А много у нас в армии оборотней?*

– *Много, – отозвался полковник...* [Пелевин, 1991, с. 187].

Пелевин перевертывает все наизнанку: оборотень в авторской трактовке – образец существа высокой пробы, излюбленный типаж романтиков и мистиков – в серой массе лже-людей опошляется, становясь объектом пародии или частью сюжетов с криминальным оттенком. Пелевин, обыгрывая фразу, все же подспудно указывает на биполярность природы оборотня: благо и вред сосуществуют вместе.

Но позитивная окраска явления оборотничества в рассказе остается бесспорной. Александр эволюционирует, чему причиной является, конечно же, волчья природа в нем. Она меняет все бесповоротно и в лучшую сторону.

2. Das Steppenschwein

Степная свинка

В романе «Числа» (2003) оборотничество не имеет явного характера, но в косвенной форме влияет на образ главного персонажа – Степана Михайлова. Особенность романа в том, что хронология событий идет одновременно с физиологическим взрослением Михайлова. Сначала это мальчик, не умеющий дать отпор, потому вынужденный искать заступничества высших сил, коими и являются числа. Герой слаб духом и в своем пристрастии к нумерологии одержим, как и склонный к навязчивым идеям Василий Маралов (персонаж рассказа «Ухряб» тоже нумеролог – всегда открывал книгу, *«как это обычно делал, на странице своего возраста – шестьдесят восьмой»*) [Пелевин, 2010, с. 174].

Из мальчика Степа превращается в Степана Аркадьевича. Имя героя, его внешние данные (*«круглолицый»*, нравился женщинам и мужчинам) – аллюзия на Степана Аркадьевича Облонского из «Анны Карениной» (стоит отметить, что Толстой – частый гость на страни-

цах пелевинских произведений). Параллель между действующими лицами Толстого и Пелевина еще более подчеркивает внешнюю уютную привлекательность персонажа, и вместе с тем его поверхностность, мягкотелость.

Отличительная черта всех пелевинских героев – их внутренняя разобщенность. Автор по сложившейся традиции расширяет главный образ из «Чисел» уже привычными средствами, в частности, наделяя его зооморфными признаками.

В тексте неоднократно встречается сравнение Степы с покемоном и свинкой: «*Запомни, свинка...*». Бесхарактерность роднит героя с животным не самым благообразным. Деминутив «свинка» усиливает это впечатление.

Однако роман построен так, что можно рассматривать его сюжет как историю восхождения (возмужания) главного персонажа до максимально возможного уровня.

Метаморфоза происходит в критический момент, когда Михайлов осознает необходимость преодолеть своего условного противника Жору. В измененном состоянии сознания (что ничуть не умаляет его реальности, если верить автору) Степан трансформируется кардинально. «*Пикачу был маленькой тихой свинкой <...>, но злые люди разбили его сердце. И он стал волком!*» [Пелевин, 2011, с. 231] Персонаж превращается в Степного Волка, таким образом, оказывается в завязке с героем одноименного романа «Der Steppenwolf» Г. Гессе. Отсюда становится понятным выбор имени «Степан» (на основе созвучия со «степной»), что меняет трактовку характера: Степа не мягкотелый, в нем изначально заложены морально-волевые ресурсы, которые и вмещает в себя волчья природа. Волк, если воспользоваться цитатой из Гессе, – это «*...темный мир инстинктов, дикости, жестокости, неутонченной, грубой природы*» [Гессе, 2011, с. 68].

Волк, наделив силой, помогает герою одержать символическую победу над ослом, вместе с тем неспособный причинить вреда Степа становится косвенным виновником смерти Жоры в реальности. Последнее приводит Михайлова к разочарованию и осознанию, что его мистические увлечения – ошибка, равно как и он сам – «*просто слабый человек*» [Пелевин, 2011, с. 312].

В иносказательном смысле превращение в волка есть результат внутреннего развития героя, ставшего непобедимым оборотнем. Волк устраняет в нем слабость, раскрывает внутренний потенциал, но в итоге становится причиной роковых событий: финансового краха (Степана обкрадывают, пока он «разгоняет волков» в новом статусе),

личностной несостоятельности. Преобразившись, возвысившись на краткий миг, «свинка» падает в ту же лужу, в которой всегда и пребывала.

3. GOD – DOG¹

«Священная книга оборотня»: мессия в погонах

Тринадцать лет разделяет публикации романа «Священная книга оборотня» (2004) и рассказа «Проблема верволка в средней полосе». В романе В. Пелевин «реанимирует» героя рассказа Сашу. Доказательством того, что это именно тот персонаж может послужить упоминание в тексте книги имени полковника Лебедеико, ставшего гуру для Александра (от полковника у героя остается дарственная надпись «WOLF – FLOW!»). Более того, данный факт подтверждает и известная приверженность Пелевина к самоцитации, которая, по словам Н.Е. Лихиной, знаменует *«особую черту его [Пелевина] творчества»*. [Лихина, URL].

Оба произведения представляют собой некую дилогию, сопряженную ролью персонажа-оборотня. Помимо преемственности образов в текстах прослеживается личностное, профессиональное и качественно-символическое становление героя.

Александр в «Священной книге оборотня» занимает высокое социальное положение: он генерал-лейтенант ФСБ (факт быстрого продвижения по службе). Сохраняется за ним и сверхспособность – перевоплощение в волка, то есть герой и сам теперь попадает под ярлык «оборотень в погонах», чьи функции Пелевин отображает довольно противоречиво: будучи человеком, Александр на страже порядка, в волчьей шкуре – нефтяной «добытчик».

Внешний облик героя обрастает дополнительными деталями: *«Пожалуй, он чуть-чуть походил на молодого государя Александра Павловича – тот, помнится, тоже глядел волком в первые годы после восшествия на престол»* [Пелевин, 2012, с. 93].

Связующей нитью между Александром-оборотнем и его венценосным тезкой является не столько одинаковость имен, возможное внешнее сходство, сколько мотив двойственности.

Личность императора Александра Первого трактуется историками неоднозначно. Одной из негативных черт, *«составлявших коренную черту его нрава, была двуличность»* [Великий князь..., 2010, с. 308]. Психологическая обусловленность характера императора-

---

¹ (англ. бог – собака)

прототипа схожа с двусмысленностью положения оборотня Саши Серого.

Подчеркивается также общность в присущих обоим качествах – таких, как настороженность, мрачность, подозрительность («глядел волком»).

Мифологическим прообразом Александра является волк Фенрир, гонящийся по небу за солнцем. Тождественность главного героя романа и чудовищного нордического волка подтверждается цитатой из песни, которую Александр слушает:

*I'll follow the sun
Till the end of time*

(*Я буду следовать за солнцем до конца времен*) [Пелевин, 2012, с. 266].

Принадлежность к оборотням вносит определенную проблематику в жизнь героя. В вопросах веры Александра отличает некоторая разбросанность. Увлекаясь скандинавской мифологией, он позиционирует себя как «христианин». Все это лишний раз подтверждает факт внутренней нетождественности персонажа. В рассказе «Проблема верволка...» оборотень – символ жизни, свободы; в романе образу имманентны фальшь, внутренняя деструкция.

«Проблема верволка...» раскрывает сюжет о превращении недочеловека в человека. В «Священной книге оборотня» эта иерархия «достраивается» вверх. Пелевин вводит понятие «сверхоборотень» (аналог «сверхчеловека») или «*мессия, который придет и объяснит оборотням самое главное*» [Пелевин, 2012, с. 329]. В финале романа Александр достигает этого уровня, но за счет тотальной перемены: из волка он превращается в собаку, – что, по словам самого Пелевина, знаменует «...естественное завершение эволюции оборотня в погонах» [Кочеткова, 2004]. С «уходом» волка меняется самосознание героя: «*Я думал, что я принц. А оказалось... Вот она, моя душа*» [Пелевин, 2012, с. 309].

Оборотень Саша Серый регрессирует до уровня пародии: из контекста выясняется, что он становится преемником товарища Шарикова. При этом карьера генерал-лейтенанта идет в гору (становится генерал-полковником). Можно заметить, что Пелевин творит судьбу главного мужского персонажа как череду взлетов и падений: Александр как бы эволюционирует в двух аспектах – мистическом и профессиональном, однако новая сверхоборотническая миссия (ловля офшорных котов) выставляет его в пародийном виде, равно как и внешность героя страдает (благородный волк «линяет» в собаку). То

есть, весь образ построен на взаимоуступающих друг другу прогрессе и регрессе: герой идет вверх до уровня оборотня-мессии, а вот подлинная его «беспородная» природа проявляется, словно по волшебству (по мотивам сказки «Аленький цветочек»), отсылки к которой в тексте имеются), – величественный Фенрир оборачивается беспризорным псом.

Саша Серый становится Сашей Черным после превращения. Мотив перевоплощения серого волка в черную собаку апеллирует одновременно к названию романа Саши Соколова «Между собакой и волком» и к строке из «Евгения Онегина» Александра Пушкина:

...Порою той, что названа

Пора меж волка и собаки.

Превращение, как отмечает В.В. Десятов в статье «Собакалипис: неомифологема русской культуры», *«символизирует переход от вечера к ночи. К ночи как к концу света»* [Десятов, URL]. Немаловажным в этой связи является и совпадение имени персонажа с именами Пушкина и Соколова.

Итак, человек-волк – один из важных образов в творчестве Виктора Пелевина. Авторское пристрастие объяснимо символической нагруженностью образа.

Образ волка для постмодерниста Пелевина значим, поскольку обеспечивает произведениям преемственную связь с различными текстами мировой литературы. Например, роман «Числа» на уровне главного героя связан с романом Гессе «Степной волк». «Священная книга оборотня» содержит в себе аллюзии на С. Соколова, Пушкина. В романе «Чапаев и Пустота» имеется эпизодическое упоминание о волках: *«...мела какая-то совершенно степная метель, и попадись мне навстречу пара волков, я совершенно не удивился бы»* [Пелевин, 1999, с. 10], – что является отсылкой к Б. Пильняку (в романе «Голый год» волк и метель – сквозные мотивы, метафорическое обозначение революции). Пелевин продолжает традицию встраивать в канву художественного произведения образ волка, так как за ним скрыт обширный реминисцентный слой.

Волк выступает своеобразным фактором развития. Волчья сущность в недрах человеческой души – знак физического превосходства (например, в романе «Числа»), внутреннего перерождения в реальную личность («Проблема верволка...»).

Хотя писателем подчеркивается и негативное влияние этого по сути амбивалентного явления: гибрид человека и волка обречен на двусмысленное существование. Оборотень – символическое знамение

реального мира с его двойными стандартами. Репрезентацией этого служит образ Александра из «Священной книги оборотня», чья видовая принадлежность к «оборотням в погонах» – пример парадоксальности текущих общественных процессов. «Оборотень в погонах» под пером Пелевина превращается в неомифологема, о значении которой автор сам не без иронии отзывается: «...это волшебное существо, обитающее преимущественно в России...» [Кочеткова, 2004]. Отрицательная черта вервольфа – двойственность и лицемерие.

Если проследить за развитием образа в хронологии написания произведений, становится заметным изменение авторских трактовок: от абсолютно положительной оценки ликантропа как усовершенствованной альтернативы человеку («Проблема верволка...») к ироническому изображению оборотня как части демонической, лживой действительности («Священная книга оборотня»). Но вместе с тем Пелевин углубляет и расширяет символику: начав с повествования эпизода из жизни отдельно взятого человека-волка, спустя десятилетие он доводит образ до масштабов мессианских. В силу полярности охватываемых признаков вервольф может быть и двигателем внутреннего прогресса, и причиной надвигающегося распада личности.

В любом случае оборотням Виктор Пелевин отводит почетные места в своих произведениях, поскольку их наличие доказывает в очередной раз идею химерности действительности. Образ оборотня становится незаменимым помощником в деле проектирования пост-модернистского текста.

Литература:

- Большой энциклопедический словарь. М., 2008.
 Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 2010.
 Гессе Г. Степной волк. М., 2011.
 Десятов В.В. Собакалипис : Неомифологема русской культуры // Ликбез. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.lik-bez.ru/tbs.asu.ru/likbez/Arhiv/likb33.files>
 Кочеткова Н. «Несколько раз мне мерещилось, что я стучу по клавишам лисьими лапами»: интервью В. Пелевина // «Известия», 2004. № 1324.
 Лихина Н.Е. Феномен по имени «Виктор Пелевин». [Электронный ресурс]. URL:<http://www.intellika.info/publications/283/>
 Мифы народов мира. М., 1980.
 Пелевин В. Верволки средней полосы // НФ. Вып. 35. М., 1991.
 Пелевин В. Чапаев и Пустота. М., 1999.
 Пелевин В. Числа. М., 2011.
 Пелевин В. Священная книга оборотня. М., 2012.
 Пелевин В. Ухряб // Все рассказы. М., 2010.
 Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М., 2007.

СИСТЕМА ИДИОКОНЦЕПТОВ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ГЮНТЕРА ГРАССА

П.Ф. Иванов

Ключевые слова: рефлектирующее переживание как способ организации биографического текста, идиоконцепты, исходный текст, концептуальное пространство текста.

Keywords: reflector experience as a way to organize biographic text, ideconcepts, original text, text conceptual space.

Становление лингвистики текста как особой лингвистической научной дисциплины относится к трем последним десятилетиям и далеко еще не может считаться завершенным. Изучение дискурса художественной литературы на уровне форм выражения авторского сознания связано с выявлением особенностей его композиции и специфического для данного автора концептуального пространства.

Опираясь на теоретические положения работ М.М. Бахтина и В.В. Виноградова, мы провели анализ романа лауреата Нобелевской премии по литературе немецкого писателя и поэта Гюнтера Грасса «Луковица памяти». Данное произведение можно отнести к жанру романа-автобиографии, это – роман-дневник встреч со своим «двойником из прошлого», роман, включающий жизнь нескольких поколений с 1937 года по 1958 год. Воспоминание, на наш взгляд, выполняет структурообразующую функцию, определяет особенности художественной формы произведения.

В интервью, данном для журналистов немецкого издания «Focus», Грасс признается: *Wer «Beim Häuten der Zwiebel» gelesen hat, weiß um die Scham, die ich darüber empfinde, der Waffen-SS angehört zu haben. Ich habe erst nach dem Krieg festgestellt, in welcher einer verbrecherischen Organisation ich war. – Кто прочел «Луковицу памяти», знает о том, какой стыд я испытываю, признаваясь в принадлежности к частям СС. Лишь после войны я осознал тот факт, в какой я был преступной организацией.* Как считает профессор В.Г. Борботько, в каждом из литературных дискурсов создается особая система идиоконцептов, присущих именно этому автору и данному произведению. Носители системных концептов подвергаются автором семантической модификации, переосмыслению, обращаясь в дискурсивные идиоконцепты [Борботько, 2009, с. 7].

Пространство автобиографического нарратива часто связано с расщеплением сознания повествователя. Так Грасс противопоставляет «Я» в настоящем времени своему двойнику, то есть себе в прошлом. Создание автобиографического текста включает подобное субъект-субъектное взаимодействие, что позволяет авторскому «Я» сознательно отделить свои ментально-психические реакции от самого себя и посмотреть на себя со стороны. Расщепление личности проявляет «Я» как наблюдающее, чувствующее, оценивающее. Проблема «непреодоленного прошлого» оставалась центральной в литературе Германии после 1945 года. Национал-социализм и его преступления явились своеобразным водоразделом между поколениями «участников» и «детей», старших из которых относят к так называемым «тушителям фугасов». Строго определенная граница между «тушителями» и «участниками» проходит по 1927 году рождения: родившиеся в этом году достигли 18-летия в 1945 году и по возрасту не могли принимать непосредственного участия в преступлениях нацизма. Грасс как личность и автор романа-воспоминания не укладывается в эти искусственные рамки, он родился в октябре 1927 года и был призван в нацистскую армию в ноябре 1944 года. Не случайно рассказчик называет себя *«обожженное дитя войны»* [Грасс, 2008, с. 327].

В следующем фрагменте романа речь идет о послевоенной работе главного героя произведения на соляной шахте. Рассказчик возвращается на десятилетия назад, в прошлое. Возникает «система диалогов» (по М.М. Бахтину), диалога авторского «Я» и второго «Я» из прошлого. Отношение «Я» – Время характеризуется противопоставлением настоящего времени прошлому: *«Эта абсурдная ситуация предстает передо мной настолько живо, что я до сих пор слышу, как спрягаю латинские глаголы. Нет никаких сомнений: тот юный сцепщик, который на горизонте 950 метров учит латынь, пытаясь расширить свои убогие познания, – это я. Как в гимназические времена он корчит гримасы и твердит... Посмеиваясь над ним, я называю его чудачком, но он не дает себя смутить»* [Грасс, 2008, с. 306].

Таким образом, автор и его «лики» (ипостаси) вступают в диалог друг с другом, с читателем, композиционно связывают «рвущийся фильм воспоминаний в единое целое».

В художественном дискурсе Грасса, прототипом которого является биография писателя-автора, происходит не только воссоздание концептуальной системы прототипов, но и ее представление уникальным образом. В романе «Луковица памяти» фантазмагорические модели реальности выражены в дискурсе рассказчика с частотной регулярностью. Об-

ращения к луковице, хранящей воспоминания, желание очистить луковицу и увидеть прошлое возвращают читателя в придуманный автором фантастический мир, параллельный реальному настоящему, например: *Всякий раз, когда мое второе подсобное средство, воображаемая луковица, не желает разглашать секреты или же кодирует свои послания в почти неразгадываемых линиатурах, запечатленных на влажной пергаментной кожице, я протягиваю руку к ящичку над конторкой в моей блендорфской мастерской...* [Грасс, 2008, с. 76].

Анализ романа «Луковица памяти» позволил нам выделить особую систему идиоконцептов, присущих именно этому автору и данному произведению. Концепт, как элемент понятийной сферы, принадлежит данной лингвокультуре – общенациональному языку. Он понимается всеми носителями языка одинаково. Идиоконцепт, в отличие от универсальных общенациональных концептов, коннотируется дискурсивным контекстом. Это – то, как переживаются данные текста автором. Само название романа «*Beim Häuten der Zwiebel*») можно считать паремией и сильной позицией произведения, концентрирующей стержневую идею. Более того, можно было бы передать эту идею более точным вариантом перевода заглавия романа по-русски, например: «Очищая лук», что точнее передавало бы основную идею романа. Слезы раскаяния душат рассказчика-повествователя и двойника писателя Грасса. Автор воспринимает собственную память в образе Дамы-луковицы, он олицетворяет ее: *Память, если додумать ее вопросы, уподобляется луковице: при чистке обнаруживаются письма, которые можно читать – букву за буквой. Только смысл редко бывает однозначным... Когда чистишь луковицу, вольно или невольно хочется заплакать. У луковицы не одна пергаментная кожица. Их много. Снимаешь одну – появляется новая. Если луковицу разрезать, потекут слезы* [Грасс, 2008, с. 10]. Вероятным толчком для автора отправиться в это далекое путешествие в прошлое послужило желание освободиться от морального груза. Вина целого поколения немцев – основная тема и один из основных концептов романа «Очищая лук», вина является также стержневой идеей произведения. «Schuld» и «Schulden» в немецком языке слова, имеющие почти одинаковое звучание, но имеющие разное смысловое наполнение. Автор обыгрывает в тексте значения этих слов во второй главе романа: *Die nachweisbare wie die verdeckte oder nur zu vermutende Schuld jedoch bleibt. Immerfort tickt sie und ist selbst auf Reisen ins Nirgendwo als Platzhalter schon da. Sie sagt ihr Sprüchlein auf, fürchtet keine Wiederholungen, läßt sich gnädig auf Zeit vergessen und überwintert in Träumen.* [Grass, 2006, s. 36]. – Вина, доказанная ли, скрытая от глаз или даже только предполагаемая, не исчеза-

ет. Ее часы продолжают тикать. От нее никуда не деться. Она твердит свою речовку, не боясь повторов, но иногда милостиво позволяет забыть о себе, чтобы перезимовать в ночных снах [Грасс, 2008, с. 41]. Вина в данном контексте выступает как одушевленный объект, вина – как символ и олицетворение.

Биографический контекст произведения образует смысловой и композиционный фон романа. Диалог автора с читателем в романе часто актуализируется при помощи прямых авторских обращений: *Nein, keine Zeitung hat mich so heldengläubig gemacht, vielmehr ist es die Wochenschau gewesen, die mich mit schwarzweiß geschönten Wahrheiten bediente* [Grass, 2006, s. 81]. – *Нет, не газеты прививали мне подобную веру в героев, пожалуй, веру эту укрепили еженедельные киножурналы, снабжавшие меня приукрашенными черно-белыми новостями.* «Вера» как ключевое слово и как авторский концепт неоднократно повторяется на протяжении всего романа, например...*Насколько твердо продолжал я верить в Вождя, несмотря на трещины в фасаде веры, на усиливавшиеся, хоть и передаваемые шепотком слухи, на пятающийся фронт – теперь уже и во Франции. Веровать в него было несложно, даже по-детски легко* [Грасс, 2008, с. 122]. Концепт «вера» на протяжении текста романа неоднократно меняет свое наполнение: первоначально речь идет о католической вере, о набожности авторского двойника, о вере в сверхъестественное существо, подросток из Данцига своеобразно воспринимал бога и Деву Марию: *Не отличаясь чрезмерной набожностью, мать лишь изредка побуждала меня к посещению церкви, однако католическое воспитание рано наложило на меня свой отпечаток; это как крестное знамение между исповедальней, главным алтарем и алтарем Богоматери. Но во что же я верил до того, как начал верить только в Вождя? Святой Дух был для меня более реальным, нежели Бог Отец и Сын. Многофигурные алтари, пропитанная ладаном химера церкви Сердца Христова питали мою веру, которая была не столько христианской, сколько языческой* [Грасс, 2008, с. 56].

В целом концептуальное пространство романа «Луковица памяти» образовано следующими доминантными смысловыми оппозициями:

- вина (Schuld) – долг, долги (Schulden) – стыд (Scham) – покаяние (Sühne);
- вера, вера в Вождя (Glaube) – потеря веры, святотатство (Glaubensverlust, Frevel);
- любовь (Liebe) – ненависть (Hass).

Грасс-рассказчик вступает в диалог с Грассом-двойником, с этим «маменькиным сынком», с этим гимназистом из Лангфура (пригород

Данцига), с этой «Дамой-Памятью – самой сомнительной из всех свидетелей». Возникает сложная система диалогов: внутренне диалогичные самодостаточные миры рассказчиков – диалог этих миров как основа самодостаточности мира мнимого автора. Отчетливо этот диалог слышит читающий такие строки: *Aber das Belasten, Einstufen und Abstempeln kann ich selber besorgen. Ich war ja als Hitlerjunge ein Jungnazi. Gläubig bis zum Schluß. Kein Zweifel kränkte den Glauben...* [Grass, 2006, s. 43]. – *Только я сам могу найти на себя компромат, сформулировать обвинение и вынести себе приговор. Да, я состоял в организации «Гитлерюгенд», был юным нацистом. До конца веровал в идеи национал-социализма. Мою веру не омрачали сомнения...* [Грасс, 2008, с. 50]. Герой произведения пытается оправдываться, приводя разные аргументы в свое оправдание.

«Война» как ключевое слово образует в романе свою отдельную концептосферу. Война фигурирует как один из концептов романа «Луковица памяти». Рассказчик очень точно наделяет войну качествами живого существа, война – это сила, способная подчинять, подавлять себе человека. Таким образом, идиоконцепт «война» в романе может быть представлен путем выделения двух смысловых групп: 1) война, как некое живое существо (сильное, активное), например: *«Deshalb taugt die mir geläufige Behauptung, während der Woche, in der mich unablässig der Krieg im Griff hatte, nie über Kimm und Korn ein Ziel, nie den Druckpunkt gesucht, keinen einzigen Schuß abgegeben zu haben, allenfalls im nachhinein als Beschwichtigung verbliebener Scham»* [Grass, 2006: s. 164]. – *«Поэтому мои обычные заверения, что за ту неделю, когда война цепко держала меня, я ни разу не совместил мушку с прорезью, наводя их на цель, не затаил дыхание, чтобы спустить курок, и вообще не сделал ни единого выстрела, лишь немного заглушают пришедшее позднее чувство стыда.»* [Грасс, 2008, с. 187].

У братьев Гримм есть «Сказка о том, кто ходил страху учиться». Грасс как бы отсылает к ней читателей названием небольшой четвертой главы «Как я страху учился», которая повествует о том, что ему пришлось пережить в последние месяцы войны. Реальный факт биографии писателя стал основой целой главы романа.

Активность памяти как психического процесса, лежащего в основе деятельности по возвращению прошлого опыта в сферу сознания повествующего субъекта, предполагает заведомую неточность воспоминаний, так как *«творческий, преобразующий элемент памяти способствует постоянно отбору, выдвигению многого на первый план и*

завнению, сознательному или бессознательному многого другого» [Бердяев, 1998, с. 8].

В памяти вспоминающего свое прошлое прототипа автора обрывки воспоминаний чередуются с подробным описанием родительского дома, улиц пригорода Данцига, отношений с родителями и описанием первой любви. Город Данциг занимает особое положение в автобиографической прозе Грасса. Район Данцига Лангфур рассказчик описывает с почти документальной точностью. Почти с картографической точностью рассказчик называет улицы, по которым когда-то ходил, церковь, в которой исповедовался в своих детских грехах. Мотив утраченной родины неоднократно повторяется и в других произведениях Грасса. Город Данциг для автора становится символом утерянной родины, местом, с которым связаны почти все детские воспоминания. Концептором (термин, предложенный В.Г. Борботько) организующим основную идею романа-биографии Грасса является процесс вспоминания, – *sich erinnern, sich im Rückspiegel ansehen* – вспомнить, посмотреть на себя в зеркало заднего вида. В первой главе романа рассказчик сравнивает процесс вспоминания с игрой в прятки: Воспоминания любят играть в прятки. Таятся. Склонны к лести и прикрасам, часто безо всякой на то нужды. Препираются со сварливой памятью, которая с мелочным педантизмом пытается доказать свою правоту [Грасс, 2008, с. 9]. – *Die Erinnerung liebt das Versteckspiel der Kinder. Sie verkriecht sich. Zum Schönreden neigt sie und schmückt gerne, oft ohne Not. Sie widerspricht dem Gedächtnis, das sich pedantisch gibt und zänkisch rechthaben will* [Grass, 2006, s. 8].

В качестве выводов можно выделить основные положения данной статьи:

1. Автор и его «лики» (ипостаси) вступают в диалог друг с другом, с читателем, композиционно связывают «рвущийся фильм воспоминаний» в единое целое. Концептором, организующим основную идею романа-автобиографии, является процесс вспоминания – *sich erinnern, sich im Ruckspiegel ansehen* – вспомнить, посмотреть на себя в зеркало заднего вида. Нарратор занимает некое промежуточное положение между прошлым, настоящим и будущим.

2. Концептуальное пространство романа Гюнтера Грасса «Луковича памяти» образовано доминирующими смысловыми оппозициями: вина – преступление (*Schuld – Verbrechen*) – долг, долги (*Schulden*) – *Scham*(стыд) – покаяние (*Sühne*); – голод (*Hunger, Hungerleider*) – вера (*Glaube, gläubig*) – *Glaubensverlust, Frevel* (потеря веры, святотатство); – любовь (*Liebe*) – ненависть (*Hass*).

3. В художественном дискурсе Грасса, прототипом которого является биография автора, произошло не только воссоздание концептуальной системы, но и ее представление уникальным образом в результате творческой энергии вспоминающего «Я».

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М., 1991.
Борботько В.Г. Фактор оппозиции в дискурсивной рефлексии // Лингвофевраль-2009. Сочи, 2009.
Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвостилергетике. М., 2006.
Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики М., 1981.
Грасс Гюнтер. Луковица памяти / Перевод с немецкого Б. Хлебникова. М., 2008.
Grass Günter. Beim Häuten der Zwiebel. Steidl Verlag. Göttingen, 2006.
Grass Günter. Grimms Wörter. Eine Liebeserklärung. Deutscher Taschenbuch Verlag. München, 2012.
Frankfurter Allgemeine Zeitung- Günter Grass im Interview «Warum ich nach sechzig Jahren mein Schweigen breche». 2006. Nr. 186.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ У ГЛАГОЛОВ С СЕМАНТИКОЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА)

В.А. Цыбикова

Ключевые слова: субъект, объект, деловая письменность XVIII века, глаголы распоряжения.

Keywords: subject, object, business documentation of the 18-th century, verbs of order.

Среди множества нерешенных вопросов исторического синтаксиса особо привлекает проблема субъектно-объектных отношений в русском языке XVIII века. «Субъектно-объектные отношения являются одной из самых универсальных категорий языка, поскольку они связаны с выражением в языке универсальных категорий

человеческой мысли» [Бондарко, 1992, с. 5], то есть они, по сути, глубоко антропоцентричны.

Для решения данной проблемы, прежде всего, следует уточнить определения субъекта и объекта в лингвистике. Пришедшее из философии понятие субъекта обычно сводится к аристотелевскому толкованию «то, о чем говорится в предложении». Субъект здесь противопоставляется предикату, но не объекту. В лингвистической семантике аналогом субъекта выступает понятие темы, или топики. «Тема – это, иначе, коммуникативный, или прагматический (коммуникативно-прагматический) субъект» [Бондарко, 1992, с. 7].

Что касается объекта, в современной лингвистике существуют различные точки зрения на его природу: 1) объект – любой аргумент, не являющийся субъектом; 2) объект – единственный тип аргумента – пациенс; 3) к объектам принадлежат аргументы двух типов – пациенс и некоторый другой, обычно адресат. В конкретном языке объект может соответствовать обобщению нескольких семантических ролей, противопоставляясь субъекту, или же отсутствовать вообще [Матаева, 2004, с. 241].

Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение субъекта и объекта. Субъект (лат. *Subjectum*, калька – греч. *Apokeimenon*) – термин логики, обозначающий предмет, о котором выносятся суждение, соотносится с предикатом. В логических теориях субъект трактуется либо как представление об объекте, либо онтологически – как сам объект действительности [ЛЭС, 1990].

Объект (от латинского *objectum* – предмет) – формальная и содержательная категория синтаксиса. В содержательном плане объект – имя предмета или лица, на которое направлено действие, выраженное глаголом [ЛЭС, 1990, с. 289]. При этом возможно уточнение: объект представляет собой тот предмет (одушевленный или неодушевленный), на что непосредственно направлено действие, деятельность, к чему непосредственно обращено чье-либо отношение... в объекте чье-либо отношения часто бывает одновременно заключено и значение того, кем это отношение вызвано [Русская грамматика, 1982, с. 129].

Особый интерес вызывает изучение субъектно-объектных отношений у глаголов с семантикой распоряжения (*приказать, велеть, предписать*) в распорядительной документации XVIII века. Как показывает предварительный анализ материалов забайкальской деловой письменности указанного периода (около 300 документов),

у глаголов *приказать, велеть, предписать* формирование той семантики субъекта и объекта действия, которая впоследствии становится нормой современного русского языка, происходит в текстах распорядительных документов в соответствии с их коммуникативной целью.

Общим у глаголов, характеризующих речевые акты распоряжения, является значение 'побуждение к действию', которое в интенциональном виде Ю.Д. Апресяном формулируется как 'X приказывает < велит, предписывает ... >Y-у сделать P = 'Имея право или власть говорить Y-у, что он должен делать, и наказывать его в случае отказа подчиниться и зная, что Y это понимает, X говорит Y-у, что Y должен сделать' P') [Апресян, 2003, с. 860].

На формирование значения субъекта основное воздействие оказывает семантика имени, выражающего субъект. При глаголах волеизъявления в распорядительных документах XVIII века в этой роли выступают преимущественно имена существительные, которые обозначали официальные лица, наделенные властью, а также те или иные учреждения, имеющие в своем распоряжении нижестоящие инстанции. Так, в забайкальских указах, приказах, инструкциях, определениях и др. у соответствующих глаголов *приказать, велеть, предписать* в роли субъекта употребляются имена, обозначающие:

а) представителей различных административно-военных структур: *бригадир, капитан, майор и т.п.*

Бригадиръ приказалъ выдать кормовых денег [НАРБ, ф. 88, 1797];

Капитан Цей приказалъ доношения принять [ПЗДП, 68, 1743].

б) лиц, представляющих верховную государственную власть, и лиц, находящихся на государственной службе: *государь, Императорское Величество, бургомистр, князь, губернатор и т.п.*

Великие гдѣи велели казакамъ землю дать [НАРБ, ф. 262, 1689].

Государь велель с рыбного промыслу оброку не брать [НАРБ, ф. 262, 1708].

С прописанием бывшего бургомистра велено с селенгинскаго мещанина Бурлакова семь рублей взыскать [НАРБ, ф. 20, 1796].

в) высших чинов священнослужителей: *иеромонах, настоятель монастыря, митрополит, архимандрит.*

*Архимандритъ Мисаилъ в Ъркуцку Вознесенском мнастыре прика-
заль неместнику отныне впреть отнюдь никово не постригать* [НАРБ,
ф. 262, 1724].

*По указу Преосвященнаго Антония Митрополита тоболскаго мона-
стыря селенгинскому архимандриту велено окладные и неокладные пода-
ти собрать* [НАРБ, ф. 20, 1723].

*По приказу настоятеля иеромонаха Феофана велено за казенные
работы бывшим работникам отдавать денежные платы* [ПЗДП, 69,
1764].

*От великого гсѣдна преосв'щеннаго Антония митрополита тобол-
скаго и сибирскаго велено переписать* [ПЗДП, 1, 1725].

В роли субъекта может выступать учреждение как официальное ли-
цо, которое в предложении является подлежащим, выраженным формой
именительного падежа единственного числа (*Верхнеудинский городской
магистрат, Кабанский земской суд, Правительствующий Сенат* и т.п.):

*Верхнеудинский городской магистратъ приказали купцу Черняеву
пошлинных денегъ верить ...* [ПЗДП, 102, 1797].

*Правительствующий Сенат приказали объявить указъ всенародно
...* [НАРБ, ф. 20, 1796].

*Читинская изба приказали о несыску Бердоносова въ верхнеудинский
магистрат сообщить ...* [НАРБ, ф. 20, 1784].

*Верхнеудинский городской магистрат приказалъ и остальные денги
выдать Земской избе ...* [НАРБ, ф. 20, 1785].

*Провіантская комиссия указом предписываетъ <...> сколько в пре-
порцію провіанта еще осталось выполнить* [ПЗДП, 25, 1798].

Субъектом действия могут являться лица, которые в определенных
речевых ситуациях в силу сложившихся обстоятельств, присваивают пра-
во распоряжаться, отдавать приказание. В данных ситуациях распоряже-
ние носит не официальный характер, а бытовой. Эти обстоятельства свя-
заны с какой-либо зависимостью говорящего, распоряжение в данном
случае, имеет оттенок принуждения, силы, шантажа. Стоит отметить, что
бытовой приказ чаще выражает глагол *велеть*.

Чтоб те денги не могли потеряться велель мне Кропивинъ их взять
[НАРБ, ф. 88, 1772].

*Пришед ко мне напившись пьянои братскои бранил меня всячески
когого де я велель протолкать* [НАРБ, ф. 88, 1766].

*Тиунцовъ повел меня в лавку і бил насмерть и велель подписыват
товары* [НАРБ, ф. 88, 1773]

*Он велель отдать восминник <...> і нисколко не приемля моих речей
с азартностію начал вырывать у меня из рукъ* [НАРБ, ф. 88, 1773].

И онъ <...> тогда велелъ хозяйке ставит[ь] на столъ шарбы а я сказала ему что ужинает[ь] не хочу [НАРБ, ф. 20, 1792].

А поутру и те достальные <деньги> оной <подозреваемый> жене своей в руки отдалъ и велел ей спрятать [НАРБ, ф. 783, 1785].

Отдалъ <один из участников кражи> ей Марфе днѣгъ четыре монета ис коихъ велелъ одинъ монетъ обменить [НАРБ, ф. 783, 1785].

Зайсан Убашей велелъ под полами землю копати да пожитки искасти [НАРБ, ф. 1092, 1756].

Сказывалъ <...> что Матвей Балагуровъ и Алексей Кузнецовъ велеть оговореть якобы онъ с ними укралъ [ГАЧО, ф. 31, 1793].

Стоит отметить, что во всех этих случаях у глагола *велеть* субъектом действия выступают те лица, у которых с адресатом установились неофициальные отношения (сослуживцы, муж и жена, участники кражи, свидетель и обвиняемый и др.).

Характерно то, что страдательная форма *велеть* в безличных конструкциях выражает иной тип субъектно-объектных отношений. Акт распоряжения с глаголом *велеть*, как правило, деперсонифицирован. Субъект действия здесь не актуален, поскольку то или иное распоряжение исходит от высших инстанций, которые осуществляют свою деятельность в форме коллегиального руководства и которые, помимо этого, являются проводником воли монарха. Типичны, например, такие страдательные конструкции, где семантический субъект представлен в предложно-падежной конструкции с дательным падежом и соотносится сразу с двумя «действующими» лицами – монархом и местной административной властью:

По указу Ея Императорскаго Величества и по резолюции Иркутскаго городского магистрата велено показанного мещанина уволить [ПЗДП, 36, 1785].

По указу Ея Императорскаго Величества и по определению сего магистрата велено и тебе голове Лепешову послать оной указъ [НАРБ, ф. 20, 1784].

По указу Ея Императорскаго Величества и по определению Верхнеудинскаго городского магистрата велено тебе бывшаго кяхтинскаго купца Григоря Волкова жену еву вдову Феодосье Иванову дочь сыскавъ и чрез кресное целование спросить [НАРБ, ф. 20, 1784].

По указу Его Императорскаго Величества и по положению Верхнеудинскаго городского магистрата велено Ивана какъ уже судомъ опороченнаго из общества градского исключить [НАРБ, ф. 20, 1797].

Забайкальские документы исследуемого периода отличает региональная особенность в употреблении страдательных конструкций с глаголом *велеть*. Для них характерно то, что субъект действия никогда не вы-

ражается специально им принадлежащим распространителем – формой творительного падежа со значением деятеля. В деловом языке других регионов (например, в письменных памятниках Курганской, Читинской областей) конструкции типа *бургомистром велено, им (командиром) приказано* в этот период были употребительны [Миронова, 2004, с. 52].

В забайкальских текстах XVIII века при указании субъекта всегда присутствует сема известности. Не встречаются примеры, где бы присутствовала бы сема неизвестности, например, неизнаемо кем – неизвестно кем как, например, в текстах XVIII века Курганской области [Батурина, 2004, с. 243].

Таким образом, субъект речи при глаголах волеизъявления выражается следующими формами:

– именем существительным в именительном падеже (*бригадир, капитан, сержант, солдат и др.*):

бригадирь приказал выдать денег [ПЗДП, 49, 1743];

сержант приказал посадить в цепь [НАРБ, ф. 88, 1797];

Кропивинь велель взять [НАРБ, ф. 88, 1772];

капитан приказаль доношение принять и записать [ПЗДП, 68, 1743].

– местоимением:

я велель его протолкать [ПЗДП, 31, 1766];

от меня приказано написать рапорты [НАРБ, ф. 20, 1797].

По данным памятников забайкальской деловой письменности XVIII века, обнаруживается еще одна отличительная черта в употреблении глаголов со значением распоряжения. В современном русском языке глагол *предписывать* тяготеет к конструкциям с устраненным субъектом действия, в частности к употреблению в страдательной форме, включая возвратную форму на -ся, которой у *приказывать* в узусе вообще нет [Апресян, 2003, с. 861]. В забайкальских распорядительных документах XVIII века *предписывать* активно употребляется в личной форме (причем нередко в форме 1-го лица, то есть перформативно), а это значит, что субъект действия при нем обязательно присутствует.

...с прописанием указа Казанского депо провиантской комисий предписываю тебе книги о приходе и расходе денег в указанное время представлять [ПЗДП, 26, 1798];

...я тебе главному шуленге предписываю для договора выслать поверенных [ПЗДП, 18, 1796];

...предписываю тебе документы в указанное время представлять [ПЗДП, 26, 1798].

В качестве объекта действия при глаголах со значением распоряжения, прежде всего, выступает лицо, подчиненное субъекту действия и являющееся непосредственным адресатом распоряжения, приказа. Подобная семантика объекта действия выявляется в случае употребления глаголов *приказывать*, *велеть*, *предписывать* со значением 'отдать приказ, распоряжение' и в роли подлежащего субъекта действия, представляющего собой наделенное властью официальное лицо. Выражается такой объект действия формами Дат. п. существительного.

... *приказали Хабтагаеву послать сей указ* [НАРБ, ф. 120, 1792];

... *велено Лепешову послать оной указъ* [НАРБ, ф. 20, 1784];

... *велено Иванову следовать в селенгинский завод* [НАРБ, ф. 20, 1792];

... *приказано повытчикамъ написать репорты* [НАРБ, ф. 20, 1797];

... *предписываю Чайкину книги представлять ...* [ПЗДП, 26, 1798];

Приказали Чайкину сыскать цехового Иванова [НАРБ, ф. 20, 1797];

Главному шуленге предписано денги в руки тункинскимъ братскимъ не давать ... [ПЗДП, 17, 1796];

Приказать сержанту Богданову Старкова не отправлять из Верхнеудинска в заводы... [ПЗДП, 46, 1791].

Объектом может выступать и учреждение как официальное лицо в форме существительного в дательном падеже.

Приказали Кабанской земской избе послать сей указъ [НАРБ, ф. 20, 1796];

Приказали Верхнеудинской избе присобрать мещан [НАРБ, ф. 20, 1796].

Другим объектом при глаголах распоряжения является инфинитив, обозначающий то действие, которое необходимо исполнить адресату распоряжения. В свою очередь инфинитив указывает на другие объекты действия, вовлеченные в сферу исполнения приказа.

... *приказать взыскать с мещан денег* [ПЗДП, 73, 1790];

... *от обитчиков защитить и взятых насильно лошадей приказать отобрать* [ПЗДП, 86, 1785].

Таким образом, у глагола *приказать* в канцелярском языке исследуемого периода формируется социокультурная составляющая семантики субъекта действия: эта сема 'лицо, наделенное властью'. Ранее эта сема была присуща глаголу *велеть*, который в XVIII веке постепенно начинает ее утрачивать и приобретать значение бытового приказа.

При характеристике субъектно-объектных отношений в конструкциях со значением распоряжения нельзя не отметить наречия, указывающие на степень категоричности побуждения. Для усиления семантики пре-

скрипций в языке забайкальской деловой письменности XVIII века регулярно используются такие наречия, как *немедленно*, *неотложно*, *неотменно*, *непомедля*, *неудержно*, *неупустительно*, у которых приставка *не-* в данной словообразовательной модели подчеркивает значение неукоснительного выполнения приказа.

По указу Ея Императорскаго Величества приказали <...> отрепортовать немедленно [ПЗДП, 4, 1776].

Велеть отобранные того Чечкинова тавары неудержно к нему возвратить [ПЗДП, 100, 1797].

В сем суде приказали послать сей указ непременно ... [ПЗДП, 49, 1785].

велеть отрепортовать немедленно [ПЗДП, 1, 1725];

велено взыскать <...> погодные деньги немедленно [НАРБ, ф. 20, 1787];

велено <...> повеление учинить непременно [НАРБ, ф. 262, 1723];

велено прислать деньги неотложно [НАРБ, ф. 262; 1722].

В зависимости от характера исполнения того или иного требования исследуемые слова можно подразделить на две группы: 1) наречия с общим семантическим признаком 'срочность, немедленность исполнения распоряжения': *непомедля*, *немедленно*, *неудержно*; 2) наречия с общей семой 'строгая обязательность исполнения распоряжения': *неотменно*, *неупустительно*, *неотложно*.

Отметим, что в предшествующий XVIII веку период подобные образования с префиксом *не-* приказному слогу были неизвестны, они использовались в книжно-литературных произведениях [Майоров, 2006, с. 120–131]. Актуализация указанного семантического признака происходит в результате употребления наречий с приставкой *не-* в деловой письменности XVIII века, а точнее – в ее распорядительных жанрах, и новый семантический признак неукоснительности исполнения распоряжения был связан с понятием запрета. В принципе любое предписание сопряжено с запретом или ограничением: отдать распоряжение, приказать что-либо исполнить подразумевает и требование исключить любые обстоятельства, препятствующие выполнению приказа. Отрицание свободных, своевольных действий имплицитно заложено в семантике приказа, и анализируемые наречия эксплицитно выражают это в том случае, когда они употребляются в сочетании со словами, непосредственно передающими значение распоряжения, или в синтаксических конструкциях с соответствующим модальным значением.

В заключении следует подчеркнуть, что, распорядительные документы XVIII века свидетельствуют о семантических изменениях в сущ-

ектно-объектных отношениях при глаголах волеизъявления. Можно сделать вывод, что на формирование значения субъекта основное воздействие оказывает семантика имени, выражающего субъект. При глаголах волеизъявления в распорядительных текстах XVIII века в этой роли выступают имена существительные, обозначающие официальные лица, наделенные властью, а также какие-либо государственные учреждения, имеющие в своем распоряжении нижестоящие инстанции. В бытовом приказе, выражающемся глаголом *велеть*, субъектом действия являются лица, которые в определенных речевых ситуациях в силу сложившихся обстоятельств присваивают право распоряжаться, отдавать приказания. Объектом действия при глаголах со значением распоряжения выступает существительное, обозначающее лицо, подчиненное субъекту и являющееся непосредственным адресатом приказа, и инфинитив, обозначающий то действие, которое необходимо исполнить адресату распоряжения.

Литература

- Батурина Н.А. Семантика глаголов, отражающих социальные отношения (на материале южноуральской письменности XVIII века) // Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска. Челябинск, 2004.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1992.
- Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М, 2006.
- Матаева Ю.А. К вопросу о субъектно-объектных отношениях в простом предложении в южноуральской деловой письменности XVIII века // Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска. Челябинск, 2004.
- Миронова А.А. Эволюция жанра объявления в XIX веке (по материалам государственного архива Курганской области – ГАКО) // Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска. Челябинск, 2004.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003.
- Русская грамматика. М., 1982. Т. II.
- Теория функциональной грамматики. Субъектность и объектность. М., 1992.

Источники

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАЧО – Государственный архив Читинской области
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия
ПЗДП – Памятники Забайкальской деловой письменности XVIII века. Улан-Удэ, 2005.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

МЕТОДИКА КОММУНИКАТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЖАНРА ИМИДЖЕВОЙ СТАТЬИ

Е.И. Клинк

Ключевые слова: коммуникативное моделирование, имиджевая статья, дискурс, жанр.

Keywords: communicative modeling, image article, discourse, genre.

Данная статья входит в цикл публикаций по проблеме моделирования жанра имиджевой статьи¹. Задача данной статьи – представить методику коммуникативного моделирования в ее проекции на построение модели жанра имиджевой статьи и показать ее поэтапное осуществление.

В современной лингвистике сущность методики коммуникативного моделирования заключается в построении моделей объектов лингвистической природы с точки зрения их отнесенности к процессу коммуникации. Объектами моделирования становятся составляющие коммуникативной ситуации, рассматриваемые сквозь призму различных взаимоотношений (текст с позиции говорящего, текст с позиции слушающего, взаимодействие процессов вербализации и понимания, макро- и микросреда текста и т.д.). Коммуникативные модели строятся на основе комплексных методик с привлечением теоретических положений прагматической лингвистики, теории дискурса, когнитивной и компьютерной лингвистики (см., например: [Олешков, 2007; Мясников, 2011; Чернышова, 2009; Bott, 2007; Fernandez, 2007 и др.]). Основной задачей таких моделей является преодоление противоречий между положениями вовлекаемых в подобный анализ научных парадигм. При этом смыслообразующей идеей «объединения» этих положений является признание коммуникативной природы исследуемого объекта. Именно особый статус объектов, имеющих коммуникативную природу, их неоднородность и сложность диктуют возможность применения в процессе моделирования различных вариантов методики.

---

¹ См., например: [Клинок, 2011а; Клинок, 2011б; Клинок, 2011в; Клинок, 2013].

В данной работе важнейшим основанием методики является рассмотрение жанра в дискурсивном аспекте (см., например: [Askehave, Nielsen, 2005; Mikaelyan, 2008; Седов, 2009]).

Дискурсом для жанра имиджевой статьи является **PR-дискурс**, понимаемый нами как ситуация взаимодействия базисного субъекта PR и определенных групп целевой аудитории. **Жанр имиджевой статьи** – составляющая дискурса, отражающая представление базисного субъекта PR о коммуникативной ситуации и выражающаяся в виде конкретных текстов. Для нас важным является то, что структура дискурса содержит набор компонентов, воспроизводящихся в тексте и отражающих событие участников коммуникативного процесса. Текст, таким образом, «моделирует в виде вторичной текстовой реальности ситуацию действительности» [Качесова, 2011, с. 260]. Для определения данного процесса мы используем понятия **воспроизведения / отражения**, а указанные компоненты называем **факторами дискурса**, или **дискурсивными факторами**. Данное понятие представляется нам более удачным для описания исследуемого феномена, чем, например, широко распространенное в филологической науке понятие «жанрообразующие признаки», поскольку оно подчеркивает природу и происхождение данных компонентов.

Таким образом, методика основана на коммуникативно-дискурсивной интерпретации процесса жанрообразования. Целью данной методики является построение модели жанра имиджевой статьи, способной адекватно продемонстрировать жанровые признаки имиджевой статьи, отражающие компоненты ситуации, стоящей за конкретными текстами.

Методика включает в себя следующие этапы:

I этап. Жанровый анализ текста, который подразумевает, в первую очередь, выявление отраженных в нем дискурсивных факторов, а во вторых – собственно текстовых факторов (тема, композиция, стиль).

II этап. Сопоставление результатов анализа, сделанного на I этапе с существующим жанровым каноном. Объяснение предполагаемых причин отступлений от жанрового канона (в случае, если таковые наличествуют) исходя из представлений о функциональной природе тех или иных жанровых элементов текста.

III этап. Установление взаимосвязей между жанровыми факторами.

IV этап. Обобщение и анализ результатов, полученных на предыдущих этапах и построение на этой основе инвариантных способов моделирования жанра имиджевой статьи.

Продемонстрируем поэтапное применение методики коммуникативного моделирования жанра имиджевой статьи. В качестве примера возьмем статью «Эксперты выбрали лучших» («Эксперт», №10-2008).

1. Задачей первого этапа является анализ жанровых (собственно текстовых и дискурсивных) факторов конкретно взятого текста.

К **текстовым** мы относим выдвинутые еще М.М. Бахтиным три «столпа» жанра – тему, композицию, стиль; к **дискурсивным** – предмет отображения и целевые компоненты. Обратимся к дискурсивным факторам:

а) предмет отображения определяем в соответствии с предложенным А.А. Тертычным перечнем разновидностей данного фактора (см.: [Тертычный, 2011, с. 14–20].

В статье «Эксперты выбрали лучших» репрезентируется наиболее часто встречающаяся в текстах имиджевых статей разновидность предмета отображения – событие, которое в терминологии PR называется информационным поводом. В рассматриваемой статье главным событием стала церемония вручения награды «Супербренд-2007», где компания «Лудинг» была удостоена престижного звания;

б) целевая установка рассматриваемого текста является коммуникативно-имиджевой, то есть, с одной стороны, это информирование о важном для компании событии (получение звания «Супербренд»), а с другой – информация передается таким образом, чтобы служить цели формирования в сознании аудитории положительного образа данной компании. Целевая установка реализуется с помощью включения в текст лексических и синтаксических сигналов, передающих семантику значимости описываемого в статье события: «...*состоялась торжественная церемония вручения награды “СУПЕРБРЭНД-2007”, где компания “ЛУДИНГ” и ведущий бренд, коньяк “НОЙ” ЕРЕВАНСКОГО КОНЬЯЧНО-ВИННОВОДОЧНОГО КОМБИНАТА АРАРАТ, были удостоены этого престижного звания*»; «*Титул “СУПЕРБРЭНД” маркам присваивает независимый Экспертный совет, в который входят авторитетные представители общественных деловых кругов, ведущие специалисты в области бизнес-аналитики, маркетинга, рекламы и дизайна*» и др.

Далее перейдем к текстовым факторам:

а) тема является текстовым отражением информационного повода. Иными словами, содержание данных факторов совпадает. Различие же состоит в том, что информационный повод является компонентом затекстовой действительности – это то реальное событие, послужившее основой для создания текста; тема, в свою очередь, представляет собой собственно текстовую категорию;

б) композиция типовой имиджевой статьи состоит из шести структурных компонентов:

- заголовок;
- вводный абзац или лид-абзац;
- основной текст;
- адресная часть (контактная информация);
- элементы фирменного стиля (логотип, слоган и т.д.);
- справочная часть (содержит дополнительную информацию о предмете статьи);
- иллюстрации (фото- и другие изображения).

В статье «Эксперты выбрали лучших» фиксируем классический вариант структурирования текста. Единственным отступлением является отсутствие адресной части; предполагаемые причины этого будут рассмотрены на 2-м этапе методики;

в) стилистической особенностью жанра имиджевой статьи является наличие большого количества 1) высокоинформативных единиц и 2) языковых единиц, в семантике которых заключена положительная оценка:

Высокоинформативные единицы (собственные имена, цифры, даты и т.п.) не являются основными и лишь «конкретизируют новостной факт» [Кутенева, 2011, с. 144]. Тем не менее, они воспроизводят важную для аудитории информацию и способствуют формированию паблицитного капитала субъекта PR. **Языковые единицы с положительной семантикой** используются для усиления положительной характеристики описываемого объекта, а, значит, также служат цели формирования имиджа PR-субъекта.

Наибольшей информативностью в имиджевой статье обладает лид-абзац, поскольку его прямая функция – представить основную информацию о событии в сжатой, концентрированной форме: «**7 февраля** в Зале приемов **ТД “ГУМ”** на Красной площади состоялась торжественная церемония вручения награды “**СУПЕРБРЭНД-2007**”, где компания “**ЛУДИНГ**” и ведущий брэнд “**НОЙ**” **БРЕВАНСКОГО КОНЬЯЧНО-ВИННО-ВОДОЧНОГО КОМБИНАТА АРАРАТ**, были удостоены этого престижного звания» и др.

Приведем примеры языковых единиц с семантикой положительной оценки: «**торжественная церемония** <...> были удостоены этого **престижного звания**»; «**определения сильнейших брэндов**»; «**авторитетные представители**»; «**ведущие специалисты**»; «ООО “**ЛУДИНГ**” – **крупнейший в России импортер на рынке алкогольной продукции**» и др.

Итак, на первом этапе решена задача моделирования факторов, которые создают облик жанра имиджевой статьи.

2. Второй этап методики является сопоставительным и предполагает сравнительный анализ реального текста с существующим жанровым каноном и объяснение предполагаемых причин отступлений от жанрового канона на основе представлений о функциональной природе жанровых факторов. На данном этапе применения методики мы устанавливаем значимое отсутствие важнейших, характерных составляющих жанра имиджевой статьи или же присутствие элементов, не характерных для данного жанра; объясняем причины подобных трансформаций, используя в качестве квалифицирующего фактор цели.

Итак, на содержательном уровне статья «Эксперты выбрали лучших» вполне соответствует жанровому канону: в ней описывается событие, являющееся актуальным и важным для субъекта PR.

Расхождение с жанровым каноном наблюдаем на формальном уровне – в статье отсутствует один из традиционных для данного жанра композиционных элементов, а именно – адресная часть.

Адресная часть выполняет информативную функцию – представляет справочные сведения о контактных лицах, у которых можно получить дополнительную информацию о товаре, услуге, организации.

Отсутствие в данной статье адресной части объясняется следующим. Во-первых, «ЛУДИНГ» – крупная и известная компания («ООО «ЛУДИНГ» – **крупнейший** в России импортер на рынке алкогольной продукции»), поэтому она не нуждается в детализированной презентации, ее легко идентифицировать и без дополнительных сведений. Следствием масштаба деятельности компании является особенность устройства обратной связи с различными группами целевой аудитории. Маловероятно, что у рядового потребителя есть необходимость вступать в прямой контакт с представителями компании, скорее всего, их взаимоотношения ограничиваются рамками «продавец-покупатель». Таким образом, необходимость включать в текст адресную часть редуцируется. Во-вторых, сознательное опущение адресной части позволяет в некоторой степени нивелировать манипулятивный характер сообщения, повысить степень его объективности, поскольку в таком случае авторство текста не приписывается кому-то конкретно, а значит, идеи, представленные в нем, тоже не принадлежат какому-то одному субъекту.

Таким образом, на втором этапе решена задача установления текстовых трансформаций (нарушений жанрового канона в процессе воспроизведения факторов в тексте) и их причин.

3. На третьем этапе мы моделируем взаимосвязи между жанровыми факторами. Задачей данного этапа является построение иерархической системы, отражающей взаимодействие факторов, их взаимовлияние друг на друга.

В воспроизведении дискурсивной ситуации задействовано множество факторов, совокупность которых позволяет наиболее полно репрезентировать реальный коммуникативный акт. На данном этапе применения методики мы анализируем процесс и результат взаимного влияния выделенных ранее факторов. В этом плане определим два уровня моделирования:

а) первое направление – моделирование взаимодействия факторов, которые в тексте выражены вербальным способом.

Главенствующим среди всех факторов является целевая установка. Она обуславливает выбор способов подачи информации, композиционное устройство текста и, следовательно, весь его конечный облик в целом. Именно целевая направленность определяет отступления от жанрового канона – трансформации текста на формальном и содержательном уровнях. Это связано с функциональной природой тех или иных элементов текста – все они предназначены для выполнения какой-либо конкретной задачи.

Второй по своему определяющему значению фактор – предмет отображения. Данный фактор непосредственно связан с ситуацией реальной действительности и с автором текста, то есть имеет двойную детерминированность. Так, с одной стороны, автор сам решает, о чем он будет писать, с другой же – предмет отображения является заданным и воспроизводится в тексте как то реальное событие, которое произошло в жизни субъекта PR (получение награды, смена руководства и т.д.). По сути дела выбор производится из ограниченного числа вариантов.

б) второе направление в рамках третьего этапа – моделирование соотношения разноуровневых (вербальных и невербальных) компонентов текста.

В данном случае нас будет интересовать взаимодействие изображений (фотографий) и вербального текста. В статье «Эксперты выбрали лучших» имеется пять фотографий, на которых запечатлены представители компании «Лудинг», держащие в руках дипломы и призы, полученные по результатам участия в программе «Супербренд», а также люди с бокалами на фоне рекламного баннера коньяка «Ной».

Изображения не являются самостоятельным элементом текста, они лишь дополняют вербальный текст, помогают раскрыть его смысл. О.В. Скогорева называет такую функцию изображения функцией навига-

ции: «... сама фотография должна нести самостоятельную информацию, дополняющую текст, помогающую его осмыслить, проанализировать, дочитать до конца» [Скогорева, 2009, с. 195]. Мы полагаем, что помимо задачи ориентирования читателя, изображение решает и другую задачу, являющуюся первичной – привлечение внимания. Яркий визуальный ряд способен остановить на себе взгляд читателя и повысить шансы статьи быть прочитанной.

Итак, на третьем этапе установлена иерархическая зависимость жанровых факторов. Факторы вступают в следующие виды отношений:

- отношение подчинения (целевая установка является главенствующим среди остальных факторов);
- отношение комплементарности (невербальные и вербальные компоненты).

4. Четвертый этап методики является заключительным. Его задача – выявление инвариантных способов моделирования жанра имиджевой статьи на основе данных о воспроизведенных в тексте факторах дискурса. Коммуникативная модель имиджевой статьи «Эксперты выбрали лучших» представлена в виде таблицы (табл. 1):

Статья «Эксперты выбрали лучших» («Эксперт», №10-2008)		
Жанровый фактор	Содержание	Отступления от жанрового канона
1. Цель	распространение информации о получении компанией «Лу-динг» звания «Супербрэнд» таким образом, чтобы она способствовала формированию в сознании аудитории положительного имиджа данной компании.	-
2. Предмет отображения	Тип предмета – событие (церемония вручения награды «Супербрэнд-2007»).	-
3. Тема	Вручение награды «Супербрэнд».	-
4. Композиция	– заголовок; – лид-абзац; – справочный абзац (содержит дополнительную информацию о программе «Супербрэнд»);	Отсутствует адресная часть

	– основной текст; – иллюстрации (фото).	
5. Стиль	а) высокоинформативные единицы; б) единицы с семантикой положительной оценки.	-
Взаимодействие жанровых факторов		
Условные обозначения:		
	Отношение подчинения	
	Принадлежность дискурсу	
	Текстовая принадлежность; взаимозависимость	
	Отношение комплементарности	

Таблица 1. Коммуникативная модель имиджевой статьи «Эксперты выбрали лучших» («Эксперт», №10-2008).

В тексте анализируемой имиджевой статьи реализована событийная. Событие – наиболее яркое проявление жизнедеятельности базисного субъекта PR, оно всегда представляет собой вполне понятный аудитории,

четко структурированный информационный повод для инициации коммуникативного акта. С другой стороны, событие легко представить таким образом, чтобы оно работало на приращение публичного капитала базисного субъекта, поскольку событие само по себе уже содержит элемент значимости, важности. Таким образом, присоединяясь к событию, «рисую» себя на фоне события, субъект PR повышает свои имиджевые характеристики.

Разработанная методика позволяет описать механизм взаимодействия жанровых факторов в процессе воспроизведения дискурса в тексте имиджевой статьи. На основе полученных результатов становится возможным выявление инвариантных моделей жанра имиджевой статьи. Научная значимость методики заключается в возможности спроецировать общую теорию моделирования на конкретный жанр и, таким образом, расширить существующие на сегодняшний день представления об этом жанре.

Литература

- Чачесова И.Ю. Текст как воспроизведенная аргументативная ситуация // Язык – Текст – Литература: коммуникативная парадигма. Барнаул, 2011.
- Клинк Е.И. Модель «Figure&ground» как способ репрезентации события в имиджевой статье // Сборник научных статей Международной школы-семинара «Ломоносовские чтения на Алтае». В 4-х ч. Барнаул, 2011а. Ч. III.
- Клинк Е.И. Модель «два субъекта» как способ организации текста имиджевой статьи // Сучасні наукові парадигми мови, літератури, юридичної лінгвістики та документознавства. Луганськ, 2013.
- Клинк Е.И. Параметры организации PR-текста как основа его когнитивной модели // Филология и человек. 2011б. №2.
- Клинк Е.И. Факторы PR-дискурса и их отражение в тексте (на материале имиджевых статей) // Речевая коммуникация в современной России. В 2-х тт. Омск, 2011в. Т. 2.
- Кутенева Т.А. Элементы взаимодействия PR-и журналистского дискурса в пресс-релизе // Речевая коммуникация в современной России. 2-х тт. Омск, 2011. Т. 2.
- Мясников И.Ю. Коммуникативное моделирование прессы : жанровая структура издания как ключ к структуре его дискурса // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Филология. 2011. № 3(15).
- Олешков М.Ю. Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2007.
- Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. Саратов, 2009.
- Скогорева О.В. Акцентирование содержания как средство навигации в печатных текстах СМИ // Филология и человек. 2009. № 2.
- Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2011.
- Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009.
- Askehave I., Nielsen A.E. Digital genres : a challenge to traditional genre // Information Technology&People. 2005. Vol. 18. No. 2.

Bott S. Information Structure and Discourse Modelling : thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Universitat Pompeu Fabra. Barcelona, 2007.

Fernandez R., Endriss U. Abstract models for dialogue protocol // Journal of logic, language and information. 2007. Vol. 16.

Mikaelyan M.E. Linguistic and pragmatic peculiarities of criminal discourse in the Internet // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2008. Вып. 6.

НАУЧНЫЙ «ПОДТЕКСТ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ: ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ЖАНР ДЕТЕКТИВА

Н.В. Бугорская

Ключевые слова: детектив, жанр, научное мышление.

Keywords: detective, genre, scientific thinking.

В настоящей работе предпринята попытка продемонстрировать изоморфизм научного и художественного мышления, отчасти подстегиваемая сомнениями в традиционном позиционировании науки и искусства как противоположных в своей основе культурных форм, но в большей степени – связанная с интересом к теме порождения в культуре тех или иных типов текста (жанров). В литературоведении вопрос о возникновении жанров рассматривается в основном как «внутреннее дело» литературного процесса в рамках проблематики исторической поэтики, при этом постановка проблемы может иметь несколько конфигураций.

Так, вопрос о появлении тех или иных типов текста с характерными элементами поэтики, по словам С.С. Аверинцева, мог решаться как вопрос об авторе-авторитете, когда «чтимое имя прикрепляется к чтимому тексту как ритуальный знак его чтимости («Давидовы псалмы», «Гомеровы гимны»), во всяком случае, его традиционной апробированности («Эзоповы басни»)» [Аверинцев, 1986, с. 109–110]. В такой перспективе генезис жанра может быть представлен как фиксация момента первого появления текста подобного типа, который затем формирует собственную традицию через копирование и воспроизведение основных элементов поэтики.

---

¹ В рубрике размещены статьи, написанные выпускниками Алтайского государственного университета в честь его 40-летнего юбилея.

Другой, вполне совместимый с первым, способ вести разговор о появлении жанров – интерпретация процесса возникновения последних в терминах взаимодействия традиции и новаторства в контексте смены литературно-художественных систем (скажем, смены романтизма реализмом). Новатором при этом выступает все тот же автор-авторитет, а текст рассматривается как порождение определенной эстетики. В частности в отношении детектива этот способ рассуждения представлен в работах ряда исследователей (О.Ю. Анцыферова, Ю.В.Ковалев и др.), отстаивающих тезис, что жанр детективной новеллы, родоначальником которого считается Эдгар По, мог возникнуть только в рамках эстетики романтизма, поскольку существует несомненная генетическая связь между жанрообразующими признаками детектива и романтической художественной системой [Анцыферова, 1994]. В таком ракурсе на вопрос, откуда берутся жанры, ответом будет: на базе традиции, обогащенной новациями¹.

Целью данной работы является стремление расширить рамки обсуждения проблемы происхождения жанров, рассматривая этот процесс в контексте функционирования общекультурных идей².

Предметом рассмотрения является жанр детектива, однако ввиду обширности материала в аргументативно-иллюстративной части работы мы ограничимся анализом классического детектива.

Традиционно начало детективного жанра связывают с серединой XIX века, а прецедентными текстами этого типа называют пять новелл Эдгара По, созданных в промежутке между 1840 и 1845 годами. Однако классическую фазу в становлении жанра относят скорее к концу XIX – первой половине XX века. Причем классический детектив часто идентифицируют как английский детектив. На наш взгляд, классический детектив не имеет локализации в пространстве, то есть это не обязательно английский детектив. Однако это уточнение симптоматично: в нем представлена связь с прототипическими для данного жанра текстами всемирно известных британцев Артура Конан-Дойля и Агаты

---

¹ Вариантом ответа на этот вопрос в рамках данного типа объяснения может быть также указание на отталкивание от традиционных (привычных) форм массовой литературы, разрушение этих устойчивых формул, в конечном итоге само становящееся формулой нового жанра.

² Стремление связать проблему жанра с широким культурным контекстом стихийно, без осознанной теоретической рефлексии, существует, по-видимому, с давних пор. Применительно к детективу, к примеру, Д. Сейерс усматривает связь между приобретением жанром детектива популярности и укоренением в общественном сознании идеи законности и правопорядка [Сейерс, 1990].

Кристи. Третьим автором, снискавшим себе славу одного из лучших детективных писателей, выступает Рекс Стаут, создатель серии романов о Ниро Вульфе, последние часто, вопреки американскому происхождению их автора, относят к традиции классического (английского?) детектива. В первом приближении определить суть классического детектива проще апофатически: классический детектив это не полицейский, не шпионский, не исторический, не женский (в данном случае имеется в виду не пол автора детектива, а структурные особенности текста) и пр., то есть вычитая из корпуса признаков те, которые внушают нам мысль о любовной истории, авантюрном или производственном романе.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что жанр детектива произведен от сциентистского мировоззрения.

В истории философии период с 40-х годов XIX по 40-е годы XX века – время появления и становления детективного жанра – можно назвать веком позитивизма. Позитивизм считается первой исторической формой философии науки, но по сути дела являет собой интеллектуальную моду, распространившуюся за пределы как философии, так и науки: для обозначенного периода он представляет собой философию культуры.

В истории философии принято выделять три исторические разновидности позитивизма: классический позитивизм (вторая половина XIX века), неполно представленный именами О. Конта, Дж.С. Милля, Г. Спенсера, Я. Молешотта, эмпириокритицизм (конец XIX – начало XX века), связанный с деятельностью Э. Маха и Р. Авенариуса, и неопозитивизм в двух своих направлениях (первая половина XX века). Родоначальником позитивизма считают французского социолога О. Конта. С 1830 по 1842 годы выходит в свет его шеститомное сочинение «Курс позитивной философии», где разрабатываются философские и научные основы позитивного мировоззрения, обосновывается включенность человеческого и социального мира в общую систему мироздания, подчиненность человеческих дел естественному ходу вещей и ориентация социологии на естественные науки. Однако расцвет позитивизма приходится на вторую половину XIX – первую треть XX века – время жизни создателя, несомненно, самого прототипического детектива Артура Конан Дойля (1859–1930) и время становления творческой манеры двух других авторов: Агаты Кристи (1890–1976) и Рекса Стаута (1886–1975), чьи знаменитые сыщики появляются соответственно в 1927

(мисс Марпл, рассказ «Вечерний клуб «Вторник»») и в 1934 (Ниро Вульф, роман «Фер-Де-Ланс») годах.

Идейной доминантой нового – позитивистского – мировоззрения является апология научного знания. Признание относительности нашего познания сочетается тем не менее с идеей познаваемости мира. Важной чертой научного знания является строгое подчинение воображения наблюдению, фундированность знания опытом. Ученые должны искать не конечную сущность вещей (выпад против традиционной философии, которую позитивисты клеймили как метафизику), а устанавливать связи между конкретными явлениями, постоянство же этих связей являет собой научные законы. Еще одной чертой научного знания является прагматизм: ученые перестают быть эрудитами и энциклопедистами, а становятся специалистами, производящими практически полезное знание.

Обоснование обозначенной гипотезы предполагает, помимо прочей аргументации, оспаривание упоминавшегося выше тезиса о генезисе детективного жанра из романтической эстетики. Рассмотрим, как характерные приемы нового мышления нашли свое воплощение в поэтике детектива, сопоставляя их с романтической эстетикой.

Сюжет.

Практически все исследователи признают, что в основе детективного сюжета лежит разгадывание загадки (раскрытие преступления). Исследователи, разделяющие позицию романтического происхождения детектива, связывают неукротимое желание его героя разгадать тайну преступления со стремлением восстановить погрязший нравственный закон, гармонизировать жизнь и возводят его к так называемому романтическому двоимирию, когда самоценная романтическая личность устремляется в иной мир - мир желаемого бытия, созвучный ее самоценному внутреннему миру [Волков, 1989, с. 154]. Данное объяснение представляется несколько натянутым. Раскрытие преступления часто свободно от этических оценок: иногда преступником оказывается отнюдь не злодей, а жертвой – аморальный тип, а справедливость восстанавливается именно в результате преступления, а не в результате выявления преступника, которого в любом случае ожидает наказание (хотя сыщик иногда помогает его избежать). Заостряя мысль, можно сказать, что детективные истории – это истории не о восстановлении справедливости, а истории о способах

установления истины (в гносеологическом, а не этическом смысле слова). Последнее, как известно, является целью научного познания¹.

Итак, на наш взгляд, идеология детектива производна не от романтической эстетики, а от научных ценностей и постулатов. Исходным посылом научного мировоззрения является представление о познаваемости мира, в противном случае деятельность ученого не имеет смысла и не заслуживает того уважения, на которое он претендует. Познаваемость мира на уровне поэтики детектива представлена характерным сюжетным поворотом: это обязательное раскрытие преступления, без чего, как признают все исследователи, детектив теряет свое типологическое жанрообразующее свойство. Причем познаваемость эта особого рода – она имеет черты научного метода². Как отмечает С.С. Ван Дайн, «Тайна преступления должна быть раскрыта сугубо материалистическим путем. Совершенно недопустимы такие способы установления истины, как ворожба, спиритические сеансы, чтение чужих мыслей, гадание с помощью «магического кристалла» и т.д. и т.п.», «способ убийства и средства раскрытия преступления должны отвечать критериям рациональности и научности... недопустимо вводить псевдонаучные, гипотетические и чисто фантастические приспособления» [Ван Дайн, 1990, с. 39, 40]. Результат познания, полученный при помощи обозначенных рациональных средств, должен иметь естественное объяснение, что подтверждает, к примеру, Р. Нокс: «Как нечто само собой разумеющееся исключается действие сверхъестественных сил» [Нокс, 1990, с. 77].

---

¹ Конечно, истина, будучи категорией гносеологической, в пространстве культуры нередко приобретает этические коннотации, что, по-видимому, заставляет читателя трактовать раскрытие преступления (установление истины) как однозначно благое дело, хотя подчас и не отвечающее идее справедливости или правосудия. Даже если жертва вызывает омерзение, а преступник заслуживает сочувствия, детектив, раскрывающий преступление, всегда остается *persona grata*. Эта неподверженность этическим оценкам являет собой важнейшее правило научного этоса.

² Антицидентистская критика науки тотчас укажет на строгость этого метода как на недостижимый идеал, не имеющий места в реальной научной практике. С этим трудно спорить, но в этом и нет необходимости, поскольку речь идет именно об идеалах и образцах, фундирующих идеологию. Впрочем, вопрос о строгости научного метода абсолютно легитимен как вопрос о логичности и корректности научного мышления. В этом отношении любопытна статья Н.Н. Вольского, в которой обосновывается идея о том, что построение детективного сюжета подчинено диалектической логике: ядром сюжета является диалектическое снятие противоречия (решение детективной загадки). [Вольский, 2006].

Анализируя структуру сюжета, Р. Остин Фримен выделяет четыре компонента: 1) постановка проблемы; 2) появление данных, необходимых для ее решения («улик»); 3) обнаружение истины, то есть завершения расследования детективом и обнаружение своего вывода; 4) объяснение, каким путем расследователь пришел к такому выводу, его логическое обоснование [Остин Фримен, 1990, с. 31]. Эта структура сюжета воспроизводит структуру познавательного акта, которая в свою очередь являет собой не что иное, как основные этапы реализации гипотетико-дедуктивного метода: постановку проблемы, констатацию фактов, выдвижение гипотез, призванных объяснить совокупность фактов, иначе говоря, найти их причину, проверка гипотез (версий), выбор наиболее подходящей из них в качестве истинной причины явления. Правда, во многих детективах мотивы выбора подходящей версии скрыты от читателя, вернее представлены в кульминационной части детектива: сначала становится известным *кто убил*, а затем лишь *почему именно он*, однако это не противоречит вышесказанному. Можно сказать, что состав сюжетных элементов детектива определяется структурой гипотетико-дедуктивного метода, а порядок их следования зависит от характера нарратива (разгадывание загадки, где отгадка настолько неочевидна, что требует разъяснения).

Система героев.

Определяя специфику героя, вернемся к уже упомянутой позиции Д. Сейерс, которая усматривает связь между приобретением жанром детектива популярности и укоренением в общественном сознании идеи законности и правопорядка. В подтверждение этому приводится тот аргумент, что «сегодня детектив процветает прежде всего в законопослушных англоязычных странах», а в Южной Европе, где закон вызывает у населения не столь теплые чувства, детективов выходит гораздо меньше [Сейерс, 1990, с. 45]. Возможно, не стоит сбрасывать со счетов и это обстоятельство, но, во-первых, распространение идеи законности и правопорядка также производны от общекультурной моды на позитивное мировоззрение, а во-вторых, идея закона и порядка, как правило, неотделима от симпатии к его блюстителям – хорошему полицейскому, умному следователю, порядочному и человечному, хотя и немного безалаберному «менту». Однако в классическом детективе симпатии распределены несколько иначе, так, что можно говорить об относительной автономии идеи порядка от идеи государственного его регулирования. Иначе говоря, данная идея носит более общий характер.

Правопорядок – забота государства и созданных им специальных структур. Однако главным героем является не служитель закона. Знаменитые детективы (Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, мисс Марпл, Ниро Вульф) – исключительно частные лица, из них только Пуаро бывший полицейский. Государство и закон выступают лишь вспомогательным инструментом, доказательством общественной полезности последствий основного интеллектуального акта – раскрытия преступления. Государство в этом вопросе находится как бы «на подхвате». Именно роль «подхвата» играют у великих детективов их «государственные двойники» – инспектор Лестрейд для Шерлока Холмса, старший инспектор Джепп для Пуаро, инспектор Кремер для Ниро Вульфа, великие сыщики призывают их для того, чтобы передать им преступника или чтобы использовать материальные ресурсы и преимущества власти в розыском деле. Нет смысла разводить функции поиска преступника и предания его для наказания, распределяя их между разными персонажами, если только это не мотивировано стремлением отделить интеллектуальное действие от практического эффекта.

Однако сервильная функция государственных служителей закона не единственная причина появления этих персонажей. Лестрейд, Джепп, Кремер имеют и другую нагрузку в структуре сюжета, которую они несут наряду с более симпатичными героями – компаньонами великих детективов: доктором Ватсоном, капитаном Гастингсом, Арчи Гудвином. Несомненно, верно то, что структурная роль этих симпатичных двойников исключительно велика: они организуют нарратив, выступают рассказчиками¹. Не случайно в серии романов А. Кристи про мисс Марпл у последней отсутствует компаньонка, а у истории – рассказчик. Но при этом главный смысл такой диспозиции состоит в том, чтобы «создавать фон для гения». Эта оппозитивность сверхинтеллекта и обывательского здравого смысла бросается в глаза, но трактуется по-разному.

Так, О.Ю. Анцыферова, развивая тему «романтического происхождения» детектива, вслед за Ю.В. Ковалевым усматривает в том ро-

---

¹ Наличие этого героя-рассказчика и в то же время alter ego читателя открывает перед автором детектива разнообразнейшие возможности для создания яркого комического эффекта. Это хорошо заметно, когда утрачивается данная повествовательная структура. К примеру, обаяние стиля Р. Стаута сильно страдает при экранизации его романов, где события не опосредуются злоязычной интерпретацией Арчи Гудвина, а предстают перед читателем в своей объективной данности. Остается только удивляться режиссерскому и актерскому мастерству создателей русской кинематографической версии истории о Шерлоке Холмсе, в которой удается сохранить юмор и обаяние текста в отсутствие специальной организующей этот эффект текстовой структуры.

мантическое противопоставление Интуиции, способной в свете озарений познать Истину, и Рассудка, вынужденного довольствоваться знакомством лишь с внешней оболочкой предмета [Анцыферова, 1989]. С этим можно согласиться, если поменять интуицию на метод, рацию, логос, а само противопоставление лишить «романтической прописки». Дело в том, что противопоставление обыденного и ученого сознания уходит в глубь веков, во всяком случае прочитывается уже в платоновской оппозиции знания и мнения, фундирует все научно-философское мироощущение.

Многими исследователями доктор Ватсон трактуется как «постоянный дурак» (В. Шкловский), «безмозглый» (Г.К. Честертон), «недалекий» (Х.Л. Борхес), «глуповатый» (А. Вулис), хотя другие (Н.Н. Вольский, И. Шайтанов, Ю.К. Щеглов) совершенно справедливо замечают, что Ватсон – вполне здравомыслящий герой, ничуть не глупее других и читателя. И если капитан Гастингс производит иногда впечатление простодушного человека, то уж Арчи Гудвина таковым не назовешь: он профессионально опытен, инициативен, хитер, но при этом все равно служит основной задаче – противопоставлению обыденного и научного сознания¹.

В той мере, в какой доктор Ватсон и его последователи не дураки, Шерлок Холмс и иже с ним – не романтические герои. Романтизму, с его культом индивидуального, с его представлением о человеке, противостоящем миру и обществу, нередко «выпадающем» из действительности, соответствуют особые типы героев: изгнанник, мятежник, чудак. Однако тип чудака оказывается очень устойчивым и резистентным к трансформациям художественной системы: романтизм уходит с авансцены литературной жизни, а герой остается. Это наводит на мысль о необязательности связи героя-чудака с романтической эстетикой. Представляется, что в детективе мы имеем дело с героем-интеллектуалом, ученым². Интеллект – это главное свойство знаменитых сыщиков. Можно сказать, что данные герои являются воплощением чистого разума, гипертрофированного интеллекта, что становится особенно очевидным на фоне их «подавленной» телесности (физиче-

---

¹ Н.Н. Вольский предлагает иную интерпретацию системы героев знаменитой троицы, «члены которой по воле автора идеально соответствуют трем типам (или моментам) мышления, описанным Гегелем в его «Логике»: Лестрейд – рассудочному (догматическому), Ватсон – диалектическому (отрицательно разумному), Холмс – спекулятивному (положительно разумному)» [Вольский, 2006, с. 32–35].

² Образы ученых-чуذاков, порой находящихся на грани сумасшествия, – вполне стереотипный образ и для современной культуры.

ская форма героев не соответствует силе их разума). Если у А. Конан-Дойля Шерлок Холмс еще являет собой гармонию физического и интеллектуального, то у А. Кристи и Р. Стаута признак физической мощи интеллектуальных героев нейтрализован: носителем разума является пожилая женщина мисс Марпл, неспортивный Пуаро, толстяк Ниро Вульф. «Легко заметить, что по меркам приключенческого романа герой детектива не обладает какими-то особыми “героическими” качествами, в этом отношении он просто слабак, не имеющий никаких шансов на победу “злых сил”. Авторы классических детективов хорошо чувствуют это различие между героями двух жанров и часто специально подчеркивают отсутствие физической силы, неуклюжесть, слабость и даже дряхлость персонажей, выступающих в роли главного героя детектива – великого сыщика. Достаточно вспомнить мисс Марпл у Агааты Кристи – милую старушку, расследующую самые зверские преступления во время вязания чулок и светской болтовни. Несмотря на свою физическую слабость, герой детектива – как и герой приключенческого романа – всегда побеждает своих часто физически более сильных противников, поскольку в детективе его преимущества лежат в другой плоскости. Он одерживает победу над “силами зла” благодаря мощи своего разума, изобретательности, логике» [Вольский, 2006].

Но «чистый разум» – это не только превосходный интеллект, но и «очищенность» от человеческих эмоций, в особенности тех, которые традиционно являются предметом литературы и двигателем сюжета, – от любви. И если автор детектива отступает от этого правила, то, по мнению многих, это не идет на пользу детективной истории и знаменитым сыщикам, «которые, вместо того чтобы делать свое детективное дело, вдруг начинают волочиться за хорошенькими девушками» [Сейерс, 1989, с. 71]. Наличие чувств, полагает Д. Сейерс, мешает развитию детективного сюжета [Сейерс, 1989, с. 70]. Впрочем, «немного любви» не помешает любой истории, однако право влюбляться или «волочиться за хорошенькими девушками» принадлежит исключительно «обычным героям»: доктору Ватсону, влюбчивому капитану Гастингсу, сердцееду и знатоку женской психологии Арчи Гудвину.

При этом трудно согласиться с другим защищаемым О. Анциферовой положением: герой детектива скорее всего не человек, а идеал. Для идеального героя он подчас слишком комичен и не лишен человеческих недостатков: Шерлок Холмс не знает элементарных вещей, удивляясь тому, что земля движется вокруг солнца, а не наоборот; Пуаро фатоват, местами самодоволен; мисс Марпл хотя и рисуется как

почтенная английская леди, но для последней слишком любопытна; Ниро Вульф – невообразимый гурман, панически боится автомобилей, по ночам же предпочитает не путешествовать, а спать, облачившись в желтую пижаму – неизменный предмет иронии его компаньона Арчи Гудвина. Идеализации героев препятствует и их эксцентричность, вполне укладывающаяся в схематику образа чудака-ученого, человека не от мира сего, род занятий которого искупает его ограниченность. Любопытно, что эксцентричность героя возрастает по мере того, как гипертрофируется его интеллект. По-видимому, эксцентричность – это некий компенсаторный механизм, который уравнивается образ, охраняя его от схематизма. Это нечто человеческое, уязвимое, личное: У Шерлока Холмса – игра на скрипке, у Ниро Вульфа – увлечение орхидеями и изысканное гурманство.

Возвращаясь к проблеме происхождения жанра детектива, заметим, что тот или иной тип текста, безусловно, не возникает на пустом месте, и преемственность нельзя сбросить со счетов, но не является ли романтическая традиция лишь случайной почвой для взращивания нового жанра? Отрицание «романтического происхождения» детектива между тем не означает, что его следует квалифицировать как реалистический жанр. Представляется, что жанр детектива вообще индифферентен к привычной литературоведческой систематике и не может быть определен в терминах романтизма или реализма, равно как и другого известного художественного метода.

Литература

- Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986.
- Анцыферова О.Ю. Детективный жанр и романтическая художественная система // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX–XX веков. Иваново, 1994.
- Ван Дайн С.С. Двадцать правил для писания детективных романов // Как сделать детектив. М., 1990.
- Волков И.Ф. Творческие методы и художественные системы. М., 1989.
- Вольский Н.Н. Загадочная логика. Детектив как модель диалектического мышления // Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск, 2006.
- Нокс Р. Десять заповедей детективного романа // Как сделать детектив. М., 1990.
- Остин Фримен Р. Искусство детектива // Как сделать детектив. М., 1990.
- Сейерс Д. Предисловие к детективной антологии // Как сделать детектив. М., 1990.

**«ГОМЕРИЧЕСКИЙ БОЙ» :
НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ И ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ**

В.В. Десятов

Ключевые слова: акмеисты, диалог, соперничество, факты биографии, имя.

Keywords: acmeists, dialogue, rivalry, biography facts, name.

Георгий Иванов об отношениях Мандельштама и Гумилева писал: *«В дореволюционный период сильнее всего на него влиял Гумилев. Их отношения в творческом плане (в повседневной жизни их связывала ничем не омраченная дружба) были настоящая любовь-ненависть. “Я борюсь с ним, как Иаков с Богом”, – говорил Мандельштам»* [Иванов, 1994, с. 618].

В конце 1920 года соперничество поэтическое осложнилось любовным – настолько, что дело дошло до ссоры, которую постарался сгладить юмористическими стихами тот же Георгий Иванов (см.: [Гильдебрандт-Арбенина, 1994, с. 455–456], [Иванов, 2009, с. 432–433], [Одоевцева, 1989, с. 144–145]). Позже он писал об этой истории: *«У Гумилева была любовница барышня Арбенина. Приехал Мандельштам <...> и влюбился в нее. Они – то есть Гумилев и М – стали на этот счет ссориться. “Заплати за меня” – Мандельштам Гумилеву в Доме Литераторов. Гумилев: “За предателей не плачу!”»* [Иванов, 2009, с. 692].

Впрочем, негативные эмоции удалось быстро преодолеть, тем более что объект страсти двух акмеистов – актриса Ольга Арбенина не осталась ни с одним, ни с другим поэтом, сделавшись спутницей жизни Юрия Юркуна. Согласно записям П.Н. Лукницкого, 1 января 1921 года Мандельштам пришел к Гумилеву и сказал: *«Мы оба обмануты»*. После чего *«оба они захохотали»* [Лукницкий, 1991, с. 115].

Фамилии фигурантов этой истории обыгрываются в ивановской «Басне»: *«В Испании два друга меж собой / Поспорили, кому владеть арбой. / До кулаков у них дошло, до драки, / Грызутся озверело, как собаки. / Приятелю приятель / Кричит: Мошенник ты, предатель / И негодяй и вор! / А все им не закончить спор. / Во время этих перипетий / Юрк... И арбу увез испанец третий. / Теперь, как об арбе ни ной, На ней катается другой»* [Иванов, 2004, с. 209].

Еще одно стихотворение Г. Иванова, посвященное этому же противостоянию, содержит намеки на стихи и жизненные обстоятельства друзей-соперников (в основном, Мандельштама): *«Сейчас я поведаю, граждане, вам / Без лишних присказов и слов, О том, как погибли герой Гумилев / И юный грузин Мандельштам. // Чтоб вызвать героя отчаянный крик, / Что мог Мандельштам совершить? / Он в спальню красавицы тайно проник / И вымолвил слово «любить».* // Грузина по черепу хрястнул герой, / И вспыхнул тут бой, гомерический бой. / Навек без ответа остался вопрос: / Кто выиграл, кто поражение понес? // Наутро нашли там лишь зуб золотой, / Вонзенный в откушенный нос» [Иванов, 2009, с. 432].

Мандельштам назван «юным грузином» потому, что, во-первых, он был моложе и экспансивнее Гумилева, во-вторых, недавно вернулся с Кавказа, и в-третьих, предыдущей его музой была грузинская княжна Саломея Николаевна Андроникова, петербургская красавица.

«Он в спальню красавицы тайно проник» – аллюзия на текст обращенной к Саломее мандельштамовской «Соломинки», которая начинается строкой «Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне...».

«Гомерический бой» – намек на образ Трои в канун разрушения из стихотворения «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (1920), обращенного Мандельштамом к Ольге Арбениной. Троянская война, как известно, началась из-за Елены Прекрасной. В таком контексте Гумилев играет роль мужа Елены Менелая (поскольку познакомился с Арбениной раньше), а Мандельштам – похитителя-Париса.

По поводу восьмой строки стихотворения мемуаристка Ирина Одоевцева пишет: *«Взрыв смеха прерывает Иванова. Это Мандельштам, напрасно старавшийся сдержаться, не выдерживает:*

– Ох, Жорж, Жорж, не могу! Ох, умру! “Вымолвил слово “любить”!»

Только на прошлой неделе Мандельштам написал свои прославившиеся стихи: “Сестры тяжесть и нежность”¹. В первом варианте вместо “Легче камень поднять, чем имя твое повторить” было: “Чем вымолвить слово «любить»”. И

---

¹ Вероятнее, что стихотворение было написано в марте 1920-го года [Мец, 2009, с. 567–568]. – В.Д.

Мандельштам уверял, что это очень хорошо как пример “русской латыни”, и долго не соглашался переделать эту строчку, заменить ее другой: “Чем имя твое повторить”, придуманной Гумилевым» [Одоевцева, 1989, с. 144]. Информация Одоевцевой подтверждается записями П.Н. Лукницкого [Мец, 2009, с. 568].

В нескольких стихотворениях, обращенных к Арбениной, Мандельштам ни разу не называет ее имя («И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка» [Мандельштам, 2009, с. 115]), а прежде «переименовывал» Саломею Андроникову: «Сломалась милая соломка неживая, / Не Саломея, нет, соломинка скорей» [Мандельштам, 2009, с. 95]. Более опытный оболъститель Гумилев в первый же день знакомства с Ольгой Арбениной избрал другую стратегию – «величальную»: «Я вчера написал стихи за присланные к нам в лазарет акации Ольге Николаевне Романовой¹ – завтра напишу Ольге Николаевне Арбениной» [Гильдебрандт-Арбенина, 1994, с. 429]. В стихотворении «Ольга» (которое Гумилев написал четыре года спустя, в 1920-м) имя адресата повторяется восемь (!) раз, причем снова проводится лестная параллель с высокородной особой – древнерусской княгиней Ольгой. Первая строка придумана по принципу «но мне ласкает слух оно»: «Эльга, Эльга! – звучало над полями <...>» [Гумилев, 1991, с. 299]. «И начинаются стихи с “Эльги”, а я всегда говорила, что так имя мое мне нравится больше» [Гильдебрандт-Арбенина, 1994, с. 455]. Кстати, в слове «полями» кроется уменьшительно-ласкательная форма «Оля» (тогда получается даже не восемь раз, а девять). Михаил Лозинский, услышав стихотворение, поздравил Арбенину: «Это была осень, потому что Лозинский вдруг меня поздравил с именинами. – “Вы ошибаетесь, Михаил Леонидович, мои именины были летом” – “А я имею в виду «Ольгу»» [Гильдебрандт-Арбенина, 1994, с. 455].

В 1921 году Гумилев, по свидетельству Ахматовой, говорил о поэзии Мандельштама с восхищением: «особенно восхищался стихами о Трое (“За то, что я руки твои”))» [Ахматова, 1989, с. 146]. В реакции на них Гумилева можно предполагать и личные чувства: он тоже, подобно Мандельштаму, не сумел удержать руки любимой женщины (Арбениной², Ахматовой – которая попросила у него развод в 1918-м).

¹ Ольга Николаевна Романова (1895–1918) – великая княжна, старшая дочь Николая II.

² Юрий Юркун же, по версии Арбениной, в день празднования Нового, 1921 года именно «сумел удержать» ее руки: «Юра сидел внизу, за другим столом. Закивал мне. Гумилев не велел мне двигаться. Я, кажется, обещала “только поздороваться”. Гумилев пока не

Воздавая должное поэтическому шедевру, Гумилев мог услышать в нем и отзвуки своих собственных стихотворений. Мандельштам воспроизводит характерно-гумилевскую синтаксическую конструкцию вместе с ее лексикой: «*За то, что я руки твои не сумел удержать, / За то, что я предал соленые нежные губы <...>*» [Мандельштам, 2009, с. 115]. Гумилев: «*<...> За то, что я горячими губами / Касался губ, которым грех неведом, // За то, что эти руки, эти пальцы <...>*» [Гумилев, 1991, с. 55]. (Стихотворение «Думы» из сборника «Романтические цветы», 1908). «*За то, что я теперь спокойный <...>*» [Гумилев, 1991, с. 223]. (Начало стихотворения «Юг» из сборника «Костер», 1918). Гумилевская реминисценция выглядит вполне естественно в тексте, который, собственно, и преломляет сквозь гомеровский сюжет любовное соперничество двух «мужей». Н.Я. Мандельштам писала: «*Группа стихов Арбениной посвящена конкуренции “мужей” и ревности, естественной в этой ситуации*» [Мандельштам Н., 1990, с. 206]. Закавыченное слово взято вдовой поэта из стихотворения «За то, что я руки...»: «*Ахейские мужи во тьме снаряжают коня...*» [Мандельштам, 2009, с. 115].

Ситуации любовного соперничества суждено было довольно комичным образом повториться много лет спустя, когда конкурентом Мандельштама стал Гумилев-младший, сын Николая Степановича – Лев Николаевич. В 1933–1934 годах оба они были влюблены в 25-летнюю поэтессу и переводчицу Марию Петровых. «*Осип Эмильевич и “Левушка-Гумилевушка”, “старец” и “младенец”, как говорили сестры <Петровых. – В.Д.>, бывало, приходили и вместе*» [Видгоф, 2006, с. 170]. Воспоминания Эммы Герштейн: «*Ревность, соперничество были священными атрибутами страсти в понимании Мандельштама.*

– *Как это интересно! У меня было такое же с Колей, – восклицал Осип Эмильевич. У него кружилась голова от разбуженных Левою воспоминаний о Николае Степановиче, когда в голодную зиму они оба домогались в Петрограде любви Ольги Николаевны Арбениной*» [Герштейн, 1998, с. 422].

Это соперничество Мандельштам отобразил в юмористическом сонете, написанном в начале 1934 года: «*Мне вспомнился старин-*

ушел. Он сказал, что возьмет часы и будет ждать. Я сошла вниз – у дверей Юра сунул мне в руки букет альпийских фиалок и схватил за обе руки, держал крепко. Я опустила голову, прямо как на эшафоте. Минуты шли. Потом Юра сказал: “Он ушел”» [Гильдебрандт-Арбенина, 1994, с. 460].

ный апокриф: / Марию лев преследовал **в пустыне**¹ / По той святой, по той простой причине, / Что был Иосиф долготерпелив. // Сей патриарх, немного почудив, / Маришной доверился гордыне – / Затем, что ей людей не надо ныне, / А лев – дитя – небесной манной жив. // А между тем Мария так нежна, Ее любовь так, боже мой, блажна, / Ее пустыня так бедна песками, // Что с рыжими смешались волосками / Янтарные, а кожа – мягче льна – / Кривыми оцарапана когтями» [Мандельштам, 2009, с. 335].

Если обращенное к Арбениной стихотворение «За то, что я руки...» воспроизводило сюжет «Илиады», то новое написано размером пушкинской «Гавриилиады» (пятистопным ямбом с мужскими и женскими рифмами). Сама форма сонета, редкая у Мандельштама, связана в его биографии с приобщением к акмеизму, основанному Гумилевым: в сборнике «Камень» вслед за стихотворением «Нет, не луна, а светлый циферблат...» идут сразу три сонета, датированные 1912-м годом. Дополнительный комизм в сонет 1934 года привносится тем обстоятельством, что Гумилева-сына (*Льва*) Мандельштам сделал как бы персонажем текста Гумилева-отца. Подразумеваем стихотворение «Невеста льва» из сборника «Романтические цветы»: «**Вот в пустыне** я и кличу: / «Солнце-зверь, я заждалась, / Приходи терзать добычу / Человеческую, князь! // Дай мне взоргнуть в тяжких лапах, / Пасть и не подняться вновь, / Дай услышать страшный запах, / Темный, пьяный, как любовь»» [Гумилев, 1991, с. 70].

Отмеченный комментатором [Гаспаров, 2002, с. 630] гумилевский подтекст («Константинополь» из сборника «Чужое небо») существен и в другом, трагическом произведении Мандельштама «Мастерица виноватых взоров...» (февраль 1934), также обращенном к Марии Петровых и названном Анной Ахматовой лучшим любовным стихотворением XX века [Ахматова, 1989, с. 128].

Еще более очевидны цитаты из Гумилева в начале стихотворения, написанного Мандельштамом в 1937 году (после окончания воронежской ссылки) и воспевающего последнюю музу поэта Лиллю Попову. Это, во-первых, реминисценции «Канцон» из сборника Гумилева «Колчан»: «С примесью ворона голуби, / Завороненные волосы, / Здравствуй, моя нежнолобая, / Дай мне сказать тебе голоса, / Как я люблю твои волосы, **Душные черно-голубые**. / В губы **горячие**

¹ Жирный шрифт здесь и далее мой. – В.Д.

вложено / Все, чем Москва омоложена <...>» [Мандельштам, 2009, с. 312].

«Канцоны. 2»: «*Печальный мир не очаруют вновь / Ни кудри душные, ни взор призывный, Ни лепестки горячих губ <...>*» [Гумилев, 1991, с. 186]. «Канцоны. 1»: «*Дорогая с улыбкой летней, / С узкими, слабыми руками / И, как мед двухтысячелетний, / Душными черными волосами*» [Гумилев, 1991, с. 185].

«Канцонам» в «Колчане» непосредственно предшествует стихотворение «Птица», изображающее некоего зловещего «голубя»: «*Вот я вижу – когти **стальные** / Наклоняются надо мной <...> // Если это голубь Господень / Прилетел сказать – Ты готов! – / То зачем же он так несходен / С голубями наших садов?*» [Гумилев, 1991, с. 185].

Столь же зловещие голуби – «с примесью ворона» – портретируют героиню в первой строке Мандельштама. Вторая строка делает облик героини металлическим: «*Завороненные волосы*». Воронить – «наводить, вызывать на стальной, чугуновой поверхности тонкий слой окислов железа в целях предохранения от ржавления и придания ей для отделки черного, темно-синего или коричневого цвета; чернить» [Евгеньева, 1981, с. 212]. Лиля Попова была убежденной сталинисткой – факт, подчеркнутый в финале стихотворения Мандельштама, любовь которого к ней граничит с ужасом: волосы у героини «душные», «с примесью ворона», а бровь «вязкая» («<...> *Бровью вяжи меня вязкою, / К жизни и смерти готовая, / Произносящая ласково / Сталина имя громовое <...>*» [Мандельштам, 2009, с. 312]).

«Душными» в художественном мире Гумилева могут быть не только волосы любимой: «*На Венере, ах, на Венере / Нету **смерти** терпкой и **душной***» [Гумилев, 1991, с. 425]. Надежда Яковлевна Мандельштам свидетельствует: «*Как и при всяком чтении поэтов, Мандельштам искал у Гумилева удач. Такой удачей он считал “На Венере, ах, на Венере”...*» [Мандельштам Н., 1990, с. 47].

Еще один вероятный источник первых строк мандельштамовского стихотворения – переведенный Гумилевым «Алмаз сердца», стихотворение из книги Теофиля Готье «Эмали и камней»: «*Один – ах, все влюбленный смеет, – / Улыбкой светлой ободрен, / Взял прядь волос, что голубеет / Чернее, чем крыла ворон*» [Гумилев, 2008, с. 29].

Надо заметить, что талант Гумилева-переводчика «Эмалей и камней» Мандельштам ценил высоко. В заметке 1926 года «Жак ро-

дился и умер!» он отозвался о работе Гумилева так: *«Высшая награда для переводчика – это усвоение переведенной им вещи русской литературой. Много ли можем мы назвать таких примеров после Бальмонта, Брюсова и русских “Эмалей и камней” Теофиля Готье»* [Мандельштам, 1993, с. 445].

Еще в 1920 году Мандельштам к Ольге Арбениной обращался: *«Я больше не ревную, / Но я тебя хочу, / И сам себя несу я, / Как жертву палачу»* [Мандельштам, 2009, с. 117].

Олег Лекманов об этом стихотворении и о «Мастерице виноватых взоров» пишет: *«Возлюбленная и диктатор окружены в стихотворениях Мандельштама сходным ореолом мотивов, потому что оба они – коварные мучители, истязаящие свои жертвы и лишаящие их дара речи»* [Лекманов, 2009, с. 255]. О том же – строка *«Дай мне сказать тебе голоса»*. Сталинистка Лиля Попова как бы сочетала черты возлюбленной и «палача», поэтому была идеальным объектом влечения-ужаса. Такое отношение к любви было у Мандельштама и Гумилева общим: последний посвятил множество стихотворений образам притягательных женщин-губительниц.

Литература

- Ахматова А.А. Листки из дневника // Ахматова А.А. Requiem. М., 1989.
 Видгоф Л.М. Москва Мандельштама. М., 2006.
 Гаспаров М.Л. Примечания // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М., 2002.
 Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб., 1998.
 Гильдебрандт-Арбенина О.Н. Гумилев // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994.
 Гумилев Н. Собрание переводов в 2-х тт. М., 2008. Т. 1.
 Гумилев Н. Сочинения в 3-х тт. М., 1991. Т. 1.
 Словарь русского языка. М., 1981. Т. 1.
 Иванов Г. Басня // Образ Гумилева в советской и эмигрантской поэзии. М., 2004.
 Иванов Г. Собрание сочинений 3-х тт. М., 1994. Т. 3.
 Иванов Г. Стихотворения. (Новая библиотека поэта). СПб., М., 2009.
 Лекманов О. Осип Мандельштам. Жизнь поэта. М., 2009.
 Лукницкий П.Н. Осип Мандельштам в дневниковых записях и материалах архива П.Н. Лукницкого // Звезда. 1991. № 2.
 Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1990.
 Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. М., 2009. Т. 1.
 Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1993. Т. 2.
 Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. М., 2009. Т. 1.
 Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1989.

ДЕРИВАЦИОННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ТЕКСТА В ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н.В. Мельник

Ключевые слова: лингвоперсонология, деривация, персоно-
текст.

Keywords: lingvopersonology, derivation, person-reflecting text.

Обобщая опыт французских персоналистов и работы Н.С. Трубецкого [Трубецкой, 1995], проецируя их идеи в область современного языкознания, В.П. Нерознак пишет о становлении новой лингвистической дисциплины – лингвистической персонологии [Нерознак, 1996], или лингвоперсонологии [Нерознак, 2003]. В настоящее время лингвоперсонология активно развивается, идет становление понятийно-терминологического аппарата, вырабатываются методы и методики исследования. Рассмотрению отдельных проблем данной отрасли знания с использованием предложенного В.П. Нерознаком термина посвящены коллективная монография «Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение» [Лингвоперсонология..., 2006], сборники научных трудов (например, «Вопросы лингвоперсонологии» [Вопросы..., 2007]), коллективное учебное пособие «Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку» [Лингвоперсонология..., 2009] и авторское учебное пособие Е.В. Иванцовой «Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности» [Иванцова, 2010].

Выделяются два аспекта лингвоперсонологии [Голев, 2007], которые коррелируют с двумя подходами к исследованию языковой личности: дедуктивным (с позиций личности) и индуктивным (с позиций языка) [Карасик, 2004]: персонология в лингвистическом измерении и лингвистика в персонологическом измерении.

Наше исследование выполнено в русле второго направления, в рамках которого предполагается описание языка, текста, речевой деятельности в персонологическом аспекте. Здесь сам язык (лексема, категория, текст, речевая деятельность) становится предметом изучения, но исследуется он сквозь призму характеристик личности. Язык функционирует в личностном универсуме [Мунье, 1999], или лингвоперсонологическом пространстве, а потому, согласно данному подходу, устройство языка, разнообразие типов речевых произведений и типов речевого поведения объясняется в том числе и разнообразием языковых личностей.

Традиционно текст изучается в разных аспектах, каждый из которых акцентирует его сущностные свойства. Так, в рамках структурно-семантического направления исследования текста обращают внимание прежде всего на такие черты, как связность и цельность текста, обладающего определенной структурой [Гальперин, 1981; Гиндин, 1971; Кухаренко, 1988, Лукин, 2005]. Дальнейшее развитие идей данного направления позволяет ввести понятие внутренней формы текста как формально-семантической структуры, как способа выражения содержания. Функциональное направление во многом сближается со стилистическим, в основе которого лежит выбор средств выражения из множества вариантов. Коммуникативное направление рассматривает текст как один из компонентов коммуникации, в которую ко всему прочему вводится и субъект – отправитель и получатель речевого сообщения [Ковтунова, 1986; Болотнова, 2007], что в большей мере соответствует антропоцентрическому подходу к исследованию языка и текста (см.: [Ворожбитова, 2005]) и рассмотрению текста в рамках лингвоперсонологии.

При изучении текста как персонотекста, то есть текста в аспекте проявления в нем свойств языковой личности автора и / или адресата, встает проблема метода и методики лингвоперсонологического анализа. Текст – результат речевой деятельности, позволяющий смоделировать процесс речепорождения, а из него – сконструировать разные способы, определяющиеся типом языковой личности. Подобно тому как язык репрезентирует себя через речь, человек выявляет себя через язык. Текст – языковой знак, сообщающий информацию о типе речевой деятельности, результат которой опредмечивается во вторичном тексте и позволяет реконструировать языковую личность через способ реализации потенций языко-речевой материи. Степень персонализации текста определяется разными факторами объективного и субъективного характера. В качестве ведущей детерминанты при исследовании вторичного текста как персонотекста выступает человеческий фактор: первичный текст обладает потенциалом деривационного развития, но выбор способов его реализации обусловлен в первую очередь языковыми способностями личности, особенностями ее восприятия (см., например: [Чернышова, 1998]). Лингвоперсонологический анализ является универсальным типом анализа и применим к любому тексту, независимо от его стиля, жанра и т. д. Первичный текст тоже может быть представлен с позиции отражения в нем личности, мы же исследуем прежде всего вторичный текст, так как это дает возможность сопоставления разных текстов с константами – исходными, текстами, а потому именно вторичный текст обладает наибольшим гносеологическим потенциалом, выступая как своеобразное зеркало видения языковой лич-

ности. Для описания персонной сущности текста необходимо ввести определенные лингвоперсонологические параметры, построенные по принципу оппозиций, способных дифференцировать тексты на шкале лингвоперсонологических различий согласно действующим тенденциям к персонализации (проявленности свойств языковой личности в тексте) и деперсонализации (нивелированию свойств языковой личности в тексте).

В соответствии с поставленными задачами был проведен эксперимент по созданию вторичного текста среди студентов 4 курса факультета филологии и журналистики. Задание было намеренно сформулировано максимально широко: *по предложенному тексту напишите вторичный текст*. Исходный текст представлял собой монолог князя Мышкина из романа Ф.М. Достоевского «Идиот».

В результате анализа полученных экспериментальных данных намечены критерии типизации персонотекстов, в тексте все названные параметры взаимодействуют, а необходимость их независимого друг от друга рассмотрения связана с более детальным их представлением.

Текстоцентрические критерии лингвоперсонологических различий во многом ориентируются на параметры дериватологического описания текста, но в свете лингвоперсонологии они получают другое осмысление, а потому позволяют дифференцировать тексты в аспекте проявления в них языковой личности.

Копиальный – креативный

Копиальный тип персонотекста является результатом речевой деятельности языковой личности, руководствующейся стратегией, которую можно обозначить как текстоориентированную в отличие от персонориентированной, причем направленной именно на первичный текст. В итоге появляются деперсонализованные персонотексты. Креативная личность по-иному расставляет акценты в своей текстовой деятельности, цель которой – самовыражение, проявление личностного начала, что выражается в персонориентированной установке, опредмечивающейся во вторичном тексте.

Копиальный

Проблема копиальной языковой личности заключается в неразвитом деривационном механизме свертывания – развертывания текста, она старается передать текст буквально, не выражая в нем своей авторской позиции и не оставляя никаких следов своеобразия собственной языковой личности:

Пытки, муки отвлекают от душевного страдания. Убивать за убийство большее наказание, чем само совершенное преступление. Когда тебя убивают, у тебя еще есть какая-либо надежда, что ты останешься

ся в живых и не умрешь (здесь и далее при воспроизведении вторичных текстов сохраняется орфография и пунктуация испытуемых.– Н.М.). Этот текст является почти копией исходного, с незначительными формально-содержательными трансформациями модификационного характера при сохранении функциональной эквивалентности.

Креативный

Для креативной личности характерно введение новой информации, выраженность авторской позиции и отражение своей неповторимой индивидуальности в созданных ею текстах. Креативность сказывается уже в выборе жанра вторичного текста, например, письма. В данном персонотексте содержатся фрагментарно копии исходного текста на формальном и семантическом уровнях (выделено жирным курсивом), креативность проявляется в функциональном плане: в тексте письма все эти компоненты приобретают иную значимость:

Письмо

*Здравствуйте, дорогой мой сослуживец! Пишу тебе из тюрьмы. Это последние дни моей жизни. **Вот сейчас – душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что наверно.** Мысли о смерти постоянно преследуют меня, как голлову кладешь под самый нож и слышишь, как он склизнет над головой. Это не моя фантазия, дорогой мой друг. **Я до того этому верю, что прямо вам скажу свое мнение. Убивать за убийство несоразмерно большее наказание. Наверно тут приговор, и в том, что наверно не избежишь, вся ужасная мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете.** Вот и прощаюсь с тобой, дописывая письмо, заканчивая фразой Христа. **Нет, с человеком так нельзя поступать!** (здесь и далее выделено нами с целью демонстрации результатов анализа. – Н.М.).*

Особенно ярко креативность воплощается в стихотворных вторичных текстах. В итоге креативный тип персонотекста выступает как персонализированный.

Содержательный – формальный

Форма и содержание также могут выступать как персоноразличительные признаки. При этом под формой имеется в виду внутренняя форма текста как способ воплощения содержания.

Содержательный

Во вторичных текстах может быть актуализирована содержательная составляющая, при этом под влиянием человеческого фактора реализация данной модели имеет свои варианты. Так, например, авторы вторичных текстов могут рефлексировать над темой текста, выделяя темы убийства, страдания, наказания, надежды и т.д., уровень осмысления проблемы мо-

жет также варьироваться: бытовой, философский, художественный, научный. При этом не уделяется внимания способу оформления содержания и форма исходного текста не оказывает влияния на оформление собственно, а вторичный текст строится по ономаσιологической модели.

Формальный

Рефлексия по поводу формы (внутренней формы) текста касается прежде всего его стиля, элементов словотворчества, манеры повествования, особенностей использования отдельных слов (*наверно*), то есть способа воплощения содержания. Она может быть выраженной (эксплицитной) и скрытой (имплицитной).

Эксплицитная рефлексия встречается, когда, например, автор вторичного текста оценивает идиостиль Ф.М. Достоевского:

Монолог Князя Мышкина, можно сказать, переполнен эмоциями, это подтверждает сама манера речи героя: несвязная, сбивчивая, тополивая.

Отмечу, что Федор Михайлович мастер подобных диалогов, разговорной речи, которая индивидуальна у всех героев, вскрывает при этом особенности личности персонажей.

Авторы данного типа персонотекстов обращают внимание на форму воплощения содержания первичного текста, однако она не накладывает отпечаток на производство вторичных. Таким образом, можно говорить о семасиологической модели текстовосприятия, но ономаσιологической модели текстопорождения. Тексты, ориентированные на форму, так же, как и тексты, ориентированные на содержание, могут быть персонализированными, но отличительная черта их в лингвоперсонологическом аспекте заключается в том, что именно в формальном типе персонотекстов в большей мере проявлено метатекстовое сознание создающей их личности.

Имплицитная рефлексия встречается тогда, когда автор вторичного текста подражает манере повествования писателя:

Смерть – часть жизни или ее продолжение, безумство, нелепость или приговор? Что я знаю? Что я могу знать о том, что непостижимо? Кто я? Что я? Сила, которая дала мне жизнь, убивает меня наравне с людьми. Завтра меня не станет... Да есть ли кому-то до этого дело? Что сильнее: скрежет лезвия по твоей шее, или ... по твоей душе?

В данном тексте представлена сбивчивая речь его автора, спонтанная, неподготовленная, насыщенная повторами на разных уровнях: морфемно-деривационном, лексическом, синтаксическом. При этом заимствуется сама форма монолога, напряженного поиска истины. В результате можно говорить о реализации семасиологической модели и текстопорож-

дения, и текстовосприятия, что, как мы наблюдали ранее, не всегда бывает симметричным.

Механический – осмысленный

Данная оппозиция реализуется в степени участия деривационного компонента языковой способности, ответственного за процедуры свертывания – развертывания речевого сообщения, и восходит к общезыковой антиномии производства – воспроизводства.

Механический

Иногда вторичные тексты представляют собой копии фрагментов первичного, по которым трудно судить, «пропущен ли текст через себя». Обилие цитат, по мнению авторов, служащих цели доказать то или иное положение, тоже не дает возможности увидеть, насколько глубоко осмыслена та или иная проблема:

Представьте себе пытку, при которой физическая боль настолько сильна, что забываешь о душевном страдании, и эта боль терзает тебя до тех пор, пока не умрешь. А ведь наибольшее страдание причиняют не телесные раны, а то, что понимаешь, что, вероятно, через какое-то время: может час, может десять минут, может полминуты, может прямо сейчас – душа расстанется с телом, и нет больше человека.

Данный текст является результатом текстовой деятельности, в цепи которой пропущено важное звено: исходный текст не был свернут, не был пропущен через «внутреннюю речь», а значит и не был понят. В итоге можно сделать вывод о том, что механический тип вторичного текста является деперсонализированным текстом, в котором личностное начало не проявлено, что является следствием не качества, а уровня развития языковой способности личности и приводит к доминированию тенденции к деперсонализации.

Осмысленный

В других же текстах результат рефлексии авторов эксплицирован (выделено жирным курсивом), исходный текст пропущен сквозь призму восприятия языковой личности, и это находит отражение в созданном ею тексте вторичном – в авторских размышлениях и в вопросах:

Впервые с этим текстом я столкнулась, когда читала роман Ф. М. Достоевского «Идиот». И перечитывала этот отрывок я не один раз – уж больно задевает, цепляет за живое. Что меня тогда поразило в рассуждениях Мышкина больше всего? Это актуальность его размышлений и в наше время и во времена, когда ни нас, ни Достоевского еще не было на свете.

По тому, как автор вторичного текста представляет содержание исходного текста, выделяя важные для себя компоненты, мы судим о не-

формальном прочтении текста, осмысленный тип является персонализированным текстом.

Внутритекстовый – затекстовый

Рефлексия носителей языка может быть направлена на текстовые категории или во внеязыковую реальность.

Внутритекстовый

Авторы вторичных текстов в своих размышлениях отталкиваются от первичного, не выходя за его пределы во внеязыковую действительность, акцентируют свое внимание на каких-то его компонентах. При этом в качестве аргументов авторов вторичного текста, подтверждающих их точку зрения, как правило, выступают цитаты из текста первичного:

***В тексте** говорится о двух ипостасях (сторонах) одного страдания. Одно из них позволяет надеяться на спасение («**приведите и поставьте солдата против пушки... он еще все будет надеяться**»), другая сторона – знаешь, что все равно умрешь («**но прочтите этому солдату приговор наверно, и он с ума сойдет**»). Далее автор делает вывод, что как раз второе (последнее) страдание человек не выдержит, возможно, в силу своей человеческой природы. **Ведь в конце текста** появляется фигура Христа, как сравнения.*

В тексте прослеживается направленность рефлексии автора вторичного текста на категории текста-стимула, что повышает степень семиотичности текстов данного типа, но снижает их персоноразличительный потенциал по сравнению с затекстовым типом персонотекстов.

Затекстовый

Авторы вторичных текстов, отталкиваясь от исходного, выходят за пределы текста, в качестве своих аргументов приводят факты из окружающей их действительности, из внеязыковой реальности, например, обращаясь к биографии Ф.М. Достоевского:

В данной отрывке автором поднимается тема смертной казни. Не случайно эта тема проходит через многие произведения Достоевского, так как он на собственном опыте ощутил ужас ожидания неминуемой смерти. В последние секунды он был помилован, но впечатление от пережитого осталось неизгладимым.

При этом авторы вторичных текстов могут апеллировать к конкретным историческим фактам, социально-политической действительности и т.д. Выход за пределы исходного текста свидетельствует о пониженной семиотичности данных вторичных текстов, с одной стороны, но о большем персоноразличительном потенциале – с другой.

Субъективный – объективный

Данная оппозиция связана с авторской модальностью. По мнению французского психолога, А. Бине, «... мы живем как бы между двумя мирами: между миром внешним, состоящим из материальных предметов и физических событий, и миром внутренним, состоящим из чувств и мыслей. <...> Но не все мы обладаем одинаковыми привычками, одинаковыми вкусами и, главное, одинаковыми темпераментами, одни из нас преимущественно живут во внешнем мире, другие во внутреннем [Бине, 1998, с. 264]. А. Бине предлагает первый тип обозначить как объективный, второй – субъективный.

Субъективный

В данных текстах эксплицирована позиция их авторов, они ясно выражают свое отношение к поставленной в исходном тексте проблеме, аргументируют свою точку зрения по поводу ее решения: *Во-первых, я не согласна с тем утверждением, что убивать за убийство нельзя. По-моему, так делать даже нужно!*

Маркерами субъективности здесь выступают употребление личных местоимений *я* и *мы* и соответствующих им притяжательных, выбор я-повествования и соответствующих личных форм глагола (*я думаю, я считаю, я имею в виду*), наличие вводных конструкций (*по-моему, сложно сказать, мне кажется, по моему мнению и т. д.*). В целом можно говорить о том, что субъективные персонотексты в большей степени персонализированы, чем объективные.

Объективный

В данных текстах авторская позиция по поводу поставленной в исходном тексте проблемы не проявлена. Реализации объективного типа способствует выбор повествования от третьего лица. Как правило, в текстах данного типа представлено объективное изложение содержания исходного текста: *В данном отрывке поднята проблема смертной казни, необходим ли, уместен ли данный вид наказания. Как писатель гуманист, Ф.М. Достоевский выступает категорически против подобного наказания как самого страшного, бесчеловечного. Его герой рассуждает о том, что для человека нет ничего ужаснее, как услышать смертный приговор, это отнимает последнюю надежду, приводит к сумасшествию.*

Тексты данного типа, по возможности, лишены авторской модальности. Вводные конструкции указывают на источник, исключая авторское мнение. В качестве ведущего аргумента используется отсылка к авторитетам: *Данную тему затрагивал не только Достоевский. Например, К. Дойл в «Записках о Шерлоке Холмсе» рассуждает, что не всякого человека нужно наказывать за преступление.* Тексты данного типа в значительной степени деперсонализированы.

Персоноцентрические критерии лингвоперсонологических различий, также опредмеченные во вторичных текстах, напрямую связаны с качествами языковой способности, определяемыми личностными характеристиками, то есть они являются в первую очередь персонными, но тем не менее и лингвистическими.

Рационально-логический – интуитивный (художественный)

Согласно Э.Б. Кондильяку, одни языки способствуют деятельности воображения, другие – анализу [Кондильяк, 1983]. Данная оппозиция находит дальнейшее раскрытие в учении В. фон Гумбольдта, с точки зрения которого можно говорить о направленности народа на чувственное или рациональное восприятие.

Рационально-логический

Примером реализации рационально-логического типа текста являются персонотексты, в которых эксплицирована установка на анализ первичного текста, например, путем выделения в нем разного рода оппозиций, противопоставлений:

Достоевский выделяет два типа людей: 1-ый – те, у кого есть еще надежда на спасение и следовательно до последней минуты они «живут», и не просто живут, а интенсивно испытывают наполняющие их чувства; 2-ой тип людей, по мнению Достоевского, самый несчастный из приговоренных к смерти. Это люди, которые знают, что умрут в определенный день, в определенный час.

Данный тип реализуется в выборе пропозициональной установки логического типа: *я думаю, я считаю*, с помощью маркеров: *во-первых, во-вторых; таким образом* и т.д., а также в выборе типа речи рассуждения, с характерной для него композицией.

Интуитивный (художественный)

Во вторичных текстах может быть представлено художественное (образное) осмысление проблематики оригинала:

Секунда перед смертью – безграничный временной отрезок, и этому можно посвятить целую главу какого-нибудь гениального романа. Например, так:

Секунда – отпечаток, точка на границе моей реальности, звон гильотины, свист пули, теплый удар в лицо... а потом ти-ши-на. Ни-че-го. Все.

Художественное восприятие действительности может быть реализовано и в стихотворной форме посредством поэтических образов. Такие тексты представляют собой не анализ исходного, а эстетическое переживание, выраженное в словесно-образной форме.

«Окультурный» – природный

Суть данной оппозиции хорошо представлена в трудах А.М. Пешковского: «В естественном состоянии языка говорящий не может задуматься над тем, как он говорит, потому что самой мысли о возможности различного говорения у него нет. Не поймут его — он перескажет, и даже обычно другими словами, но все это совершенно «биологически», без всякой задержки мысли на языковых фактах. Крестьянину, не бывшему в школе и избежавшему влияния школы, даже и в голову не может прийти, что речь его может быть «правильна» или «неправильна». Он говорит, как птица поет. Совсем другое дело человек, прикоснувшийся хоть на миг к изучению литературного наречия» [Пешковский, 1964, с. 234]. И там же о понимании: «Дикари просто «говорят», а мы все время что-то «хотим» сказать» [Пешковский, 1964, с. 237].

«Окультуренный»

Результат «наученности» виден в трехчастной композиции сочинения-рассуждения, рефлексиях по поводу жанра, стандартных фразах, клише, ярко выраженной установке на анализ текста:

Данный текст представляет собой отрывок из произведения Ф.М. Достоевского «Идиот», монолог князя Мышкина. Проанализировав отрывок вне контекста романа, мы можем сделать вывод, что перед нами рассуждение. В начале текста заявлена основная мысль: убивать за преступление большее наказание, чем само преступление.

Далее идет развитие темы, ссылка на другие источники и, следом, непосредственно мнение говорящего, который в своем рассуждении использует риторический вопрос, различные примеры (убийство разбойниками; смерть солдата перед пушкой, смертный приговор). Говорящий сопоставляет приведенные примеры и доказывает изначально заявленную гипотезу, подтверждая ее и ссылкой на речи Иисуса Христа. Заканчивается рассуждение категоричным выводом: «Нет, с человеком так нельзя поступать!»

В тексте широко представлены приемы, использованные автором с целью создания образа героя, что прежде всего заметно в лексическом и синтаксическом оформлении текста.

Прочитав выделенные фразы невозможно сделать вывод по поводу того, какой текст анализируется. Приведенные примеры представляют собой некие универсальные «болванки» для написания сочинений подобного рода. Все это является следствием сложившейся в настоящее время системы образования с ее установкой на стандарт, а не на индивидуальность. В итоге в полученных текстах мы видим результаты действия тенденции к деперсонализации.

Природный

В некоторых персонотекстах представлена непосредственная реакция на первичный, свободная от каких-либо канонов:

Человек жил, о чем-то мечтал, думал, любил, а чья-то рука взяла и оборвала эту ниточку. В таком случае, простите за грубость, собаке собачья смерть. Все обратимо в этой жизни. Если ты поднял руку на неприкосновенное, данное свыше, то когда-нибудь чья-то рука поднимется на тебя. А это уже страшно. Страшно, что мы можем решать за других, а этого права нам никто не давал. Каждому человеку предназначено свое. А убив, ты нарушаешь естественный ход событий. Мир и люди в нем становятся все ожесточеннее и вот это действительно – НАВЕРНОЕ.

В отличие от «окультуренного» типа персонотекста в природном типе доминирует тенденция к персонализации – к проявленности свойств языковой личности.

Профессиональный – наивный

Данную оппозицию можно, на первый взгляд, рассматривать как частное проявление предыдущей, однако она не имеет с ней прямых корреляций.

Профессиональный

При анализе профессиональной составляющей можно выделить категорию **интертекстуальности**, которая реализуется в обращении к литературно-художественному, библейскому, философско-психологическому интертексту и интертексту семиотического уровня. Кроме того, к профессиональной составляющей относится **лингвистическая терминология** (стилистические приемы, лингвистические термины), **подходы к анализу текста**: *Здесь используются различные средства для повышения внимания к данной теме (риторич. вопросы, наглядные примеры, различные тропы)*. Наличие интертекста, лингвистической терминологии в анализируемых персонотекстах является следствием филологического образования испытуемых.

Наивный

Современная лингвистика характеризуется интересом к повседневности, обыденности, в полученных персонотекстах данная оппозиций реализуется в способе аргументации представленной в тексте позиции: к обращению к житейской мудрости:

«Надежда умирает последней» – лозунг многих людей. Человек живет, пока эта надежда существует, она пронизывает все его существование. А если нет надежды на лучшее будущее, как прожить в этом мире?

Профессиональная принадлежность в данных текстах ни в чем не опредмечивается.

Спроецируем все вышесказанное на анализ вторичных текстов.

Текст: *По моему, этот отрывок наиболее явно показывает нам философию Ф.М. Достоевского. Как известно, Достоевский – религиозный писатель, он – философ христианства, гуманист. Основная тема этого отрывка – гуманность и милосердие, сострадание, вернее, отсутствие всего этого в мире и в тоже время важность, необходимость этого для мира и людей. (Ведь эти заповеди – главная отличительная черта христианства). Примером антигуманизма и антимилосердия Ф.М. Достоевский считает казнь, «убийство по приговору». Он выводит парадоксальную теорию: «убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье». Парадокс заключается в том, что убийство, какое оно ни было, все-таки убийство, и оно не может быть более ужаснее или менее. Так считает христианство. Ужас, по Достоевскому, в том, что «убийство по приговору лишает человека надежды на спасение, и это заставляет человека страдать еще сильнее, не только физически, но и духовно: «Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия?» В итоге Ф.М. Достоевский, подводя черту под своей теорией гуманности, говорит словами своего героя: «Нет, с человеком так поступать нельзя!»*

Комментарий. Автор данного текста обращает внимание в первую очередь на **содержание** текста, выделяет его тему; манера повествования писателя, его идиостиль остаются без внимания и на стиль вторичного текста влияния не оказывают, а потому можно говорить, что текст является результатом ономасиологической стратегии текстопорождения и ономасиологической стратегии текстовосприятия. В тексте в равной степени проявляются **антиномии внутритекстовое / затекстовое**. Причем в начале текста доминирует последняя, а в конце первая: рассуждение автора вторичного текста начинается с анализа творчества Ф.М. Достоевского в целом с выходом на философию, христианство, а затем все основные положения подтверждаются цитатами из представленного для эксперимента отрывка из романа. Логика доказательств подтверждает **рационально-логическое** прочтение исходного текста с установкой на его анализ. При этом автор не механически воспринимает текст, а «пропускает» его через себя, что свидетельствует об **осмысленном** его прочтении. Данный вторичный текст не является непосредственной реакцией на исходный, перед нами – результат «наученности», что свидетельствует об **окультуренном** восприятии исходного текста, несмотря на допущенные ошибки, которые, кстати, частотны в работах школьников и студентов (*более ужаснее*). При

анализе **профессиональной** составляющей или ее отсутствия можно выделить следующие черты текста: жанровые особенности (школьное сочинение-рассуждение с его композицией, клише, штампами, цитированием исходного текста). Автор осмысляет проблему с позиций Ф.М. Достоевского, апеллирует к философии христианства, старается ответить на поставленные вопросы **объективно**, для аргументации заявленных положений обращается к исходному тексту, цитирует его, оформляя с помощью жанрообразующих средств, что свидетельствует о **копиальности**.

Тип персонотекста: содержательный, внутритекстовый / затекстовый, рационально-логический, осмысленный, «окультуренный», профессиональный, объективный, копиальный.

Текст. Четверть секунды до смерти... *О чем может думать человек, который сейчас почувствует, почувствует смерть. Может, как у многих авторов: «...вся его жизнь промелькнула в тот миг перед его глазами...»? Или один только ужас, черный и всепоглощающий, будет владеть разумом? Или нельзя ее поймать, ту самую мысль перед смертью? Не поймать, не понять... Важнее мне понять саму эту глубокую причину страха. Глубокою оттого, что как бы ты не отбрехивался от вопроса: «Боишься умереть?» ответом: «Нет, ничуть!», **внутри тебя, глубоко внутри** (...может, там, где душа?) живет червячок страха, скользкий и мерзкий, и **грызет, грызет** себе нору туда, наверх, в сознание. И чаще всего выползает **в тот самый миг, в тот самый**, когда ты через четверть секунды почувствуешь смерть.*

*Неужели все ограничивается **страхом** боли, **страхом** уничтожения физической оболочки? Один человек говорил: «как так? **Это, получается, я умру и все?.. Это, получается, я даже не пойму, что такое смерть, как это «умирать»?** А если я пойму, то не смогу рассказать никому. Все! Был я и нет меня. И не чувств моих, не мыслей. А там уж либо среди ангелов на облаках, либо на чертовой сковороде, либо все, конец сознанию. И еще один индивид из рода человеческого покинул мир здоровых людей, и тело его будет предано разложению и так далее...».*

Комментарий. Данный вторичный текст является результатом семиологической стратегии текстовосприятия и семиологической стратегии текстопорождения, так как во вторичном тексте не только представлено осмысление проблемы, но сделано это в манере, максимально приближенной к идиостилю Ф.М. Достоевского (сбивчивая речь, имитирующая напряженный неподготовленный монолог, разнообразные повторы (корневые, лексические, синтаксические) и т.д.), то есть актуализирована **форма** исходного текста. При этом никак не представлена профессио-

нальная принадлежность автора вторичного текста, который высказывает свою точку зрения просто как рядовой носитель языка, что соответствует **наивному**, обычному восприятию проблемы. В тексте нет выхода за пределы исходного текста, он в большей степени **субъективен**, все авторские размышления находятся **внутри текста**. **Осмысление** проблемы не формально, но происходит не рационально-логическим путем, а интуитивным, **художественным** способом, автор вторичного текста как бы вживается в образ героя. При этом в сочинении отсутствуют штампы, клише, порой навязанные системой образования, оно соответствует авторской **природе**, его индивидуальности, **креативности**.

Тип персонотекста: формальный, внутритекстовый, художественный, осмысленный, природный, наивный, субъективный, креативный.

Данные персонотексты противопоставлены друг другу по ряду параметров. За типом персонотекста стоит языковая личность его автора, обладающая языковой способностью определенного качества. Таким образом, мы видим действие тенденций к персонализации и деперсонализации на уровне текстопорождения, в результате реализации разных порождающих стратегий возникает разнообразие вторичных текстов, обусловленное качественным отличием языковой способности создававшей их языковой личности.

Литература

- Бине А. Измерение умственных способностей. СПб., 1998.
 Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М., 2007.
 Вопросы лингвоперсонологии. Барнаул, 2007. Ч. 1.
 Ворожитова А.А. Теория текста : Антропоцентрическое направление. М., 2005.
 Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
 Гиндин С.И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971. Вып. 14.
 Голев Н. Д., Мельник Н.В. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы // Вопросы лингвоперсонологии. Барнаул, 2007.
 Иванцова Е.В. Лингвоперсонология : Основы теории языковой личности. Томск, 2010.
 Карасик В.И. Языковая личность : перспективы лингвистической персонологии // Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики. Тула, 2004.
 Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1.
 Кондильяк Э.Б. де. Сочинения в 3-х тт. М., 1983. Т. 3.
 Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
 Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку. Кемерово, 2009.
 Лингвоперсонология : типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул, Кемерово, 2006.
 Лукин В.А. Художественный текст : Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2005.

Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.

Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996.

Нерознак В.П. Лингвокультурология и лингвоперсонология // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура. Чтения 2002–2003. М., 2003.

Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. 1.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.

Чернышова Т.В. Понимание текста: внеязыковые (психофизиологические) и собственно языковые (коммуникативные) факторы // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.

«ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ» ЧИТАТЕЛЯ КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ КОМПОЗИЦИОННЫМ ПОСТРОЕНИЕМ ТЕКСТА

Н.В. Панченко

Ключевые слова: композиция, метатекстовая стратегия, художественный текст, читатель.

Keywords: composition, meta-text strategy, literary text, reader.

Энциклопедическая компетенция читателя, по мнению У. Эко, реализуется через знание адресатом кодов интерпретации и умение эти коды эффективно применять для интерпретации текста¹. По сути, компетенция слушающего (читающего), его текстовая компетенция, состоит во владении им набором стратегий дискурсивной актуализации текста. Читатель волен избрать любую из имеющихся в его распоряжении стратегий, однако успешность / неуспешность развертывания текста, согласно используемой стратегии, определяется и ограничивается не столько читательской компетенцией, сколько самим текстом: «Читатель не может использовать текст так, как ему, читателю, хочется, но лишь так как сам текст хочет быть использованным» [Эко, 2005, с. 21]. И далее: «... текст, сам по себе потенциально бесконечный, может породить лишь те интерпретации, которые предусмотрены его собственной стратегией

---

¹ «... читатель сопоставляет линейную манифестацию текста с системой кодов и субкодов, содержащихся в том языке, на котором текст написан <...> Эту сложную систему кодов и субкодов я называю энциклопедической компетенцией (competenza enciclopedica)» [Эко, 2005, с. 36].

<...> даже наиболее “открытые” из экспериментальных текстов управляют процессами своей свободной интерпретации и предопределяют заранее “ходы” М-Читателя» [Эко, 2005, с. 48]. Как отмечает В.Т. Садченко, «... “идеальным читателем” будет тот, кто сможет разгадать авторский код, то есть прочесть текст “правильно”, в соответствии с теми текстовыми индикаторами (векторами), которые были расставлены автором» [Садченко, 2009, с. 46].

Понятие стратегии включает в себя следующие составляющие: «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов» [Иссерс, 2006, с. 54]; прогнозирование «ситуации и поведения коммуникантов» [Иссерс, 2006, с. 55]. Коммуникантами в условиях художественноречевой коммуникации являются автор и читатель.

Традиционно понятие стратегии коммуникативной деятельности субъекта принято рассматривать по отношению только к одному участнику коммуникативного процесса – говорящему. Именно автор при создании текста организует последний таким образом, чтобы реализовать собственные интенциональные установки. Воспринимающий же в этой ситуации находится в зависимой позиции: его задача определить, разгадать авторскую стратегию, выявить основные тактические приемы построения текста. Однако рассмотрение лишь одной стороны коммуникативного процесса далеко не всегда является продуктивным. Так, современные художественные тексты изначально предполагают активную читательскую позицию и вполне соответствуют бахтинской идее об активном ответном понимании. О таких текстах У. Эко говорит, что они «могут не только свободно, по-разному интерпретироваться, но даже и создаваться (со-творяться, по-рождаться) в сотрудничестве с их адресатом» [Эко, 2005, с. 11]. Больше того, У. Эко считает, что читатель как активное начало представляет собой «часть самого процесса порождения текста» [Эко, 2005, с. 14].

Описывая коммуникативные стратегии русской речи, Т.Е. Янко указывает на инициативность не только автора, выбирающего ту или иную стратегию в зависимости от особенностей коммуникативной ситуации, но и активную позицию воспринимающего текст: «Читатель, осмелившийся озвучить письменный текст, часто имеет выбор при реконструкции коммуникативных стратегий, которые мог иметь в виду писатель. И приняв решение, читатель становится до некоторой степени соавтором писателя» [Янко, 2001, с. 14]. Число таких стратегий, которые находятся в распоряжении автора / читателя, всегда больше единицы. По крайней мере, активный субъект текстопорождающей деятельности мо-

жет организовать текст в направлении референта, жанра, используя фигуративную или метатекстовую практики. Любая стратегия призвана актуализировать текст в том или ином направлении: в направлении кода, референта, адресата, адресанта, метасообщения, контакта.

Данная статья посвящена описанию метатекстовой стратегии композиционной организации текста, являющейся достаточно традиционной для литературы второй половины XX века. Суть метатекстовой ориентации построения текста состоит в том, что основной текст объясняется другим текстом, принадлежащим иному литературному тексту, виду искусства или типу коммуникации. Метатекст – это своеобразный текст-интерпретант, объясняющий и определяющий композиционное построение исходного текста.

А. Вежбицка рассматривает метатекст как комментарий к основному тексту, комментарий, который сопровождает сообщение о предмете или возникает в голове слушающего при восприятии текста говорящего: «Высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании. В определенном смысле эти нити могут сшивать текст о предмете в тесно спаянное целое, высокой степени связности. Иногда они служат именно для этого. Тем не менее сами эти метатекстовые нити являются инородным телом. Это звучит парадоксально, но все-таки это именно так: хотя аргументом в пользу существования двутекста, состоящего из высказывания о предмете и высказывания о высказывании, может быть вскрытие связей между предложениями, между отдельными фрагментами, по своей природе двутекст не может быть текстом связным: при составлении семантической записи не только можно, но и *нужно* разделить эти гетерогенные компоненты» [Вежбицка, 1978, с. 404]. Интертекстуальность, связанная с понятием метатекста, понимается, по мнению И.П. Смирнова, как «интер<...>альное» понятие: «... смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [Смирнов, 1995, с. 11]. Сами же отношения между текстами концептуализируются как текстообразующие отношения.

В сущности, метатекстовая стратегия является своеобразной модификацией референциальной, так как метатекст – это текст, референтом которого является обрамляющий текст (А. Вежбицка [1978], В.А. Лукин [1986], М.В. Ляпон [2005]). «Два текста <...> не отсылают к одной и той же референтной среде; новая совокупность знаков не передает той же референтной информации, что и старая; однако при этом тексты состав-

ляют связный ансамбль, в линейной прогрессии которого последующее высказывание подхватывает, воспроизводит знаковые элементы из предыдущего. Возникает представление о двусоставном, гетерогенном – в проекции на социофизический мир – сверткесте. Знак, меняющий в процессе вторичного употребления свое значение, неизбежно выступает как показатель семантической трансформации, совершающейся на оси текст–текст. <...> С этой точки зрения, сопряженные между собой тексты всегда тяготеют к тому, чтобы установить эквивалентность двух знаковых функций – референтной и автореферентной (авторефлексивной). Интенция одного из таких текстов будет заключаться тогда в том, чтобы перейти в статус метатекста – интерпретировать или эксплицировать референтный смысл другого» [Смирнов, 1995, с. 8].

Любая стратегия направлена на прогностическое выстраивание текста и создание своего варианта его композиционного построения. Актуализация стратегии происходит не только по воле читателя и не только благодаря использованию этой стратегии автором в процессе порождения текста, но в связи с активным поведением самого текста, проявляющимся в наличии особых единиц – *актуализаторов* – основным признаком которых является нахождение их на границе текстового пространства данного текста и не-текста по отношению к данному. В целом актуализатором композиционного построения может стать любой элемент текста, разрушающий границы данного реально существующего текста и являющегося одновременно органичным и чужеродным по отношению к исходному тексту. Эти элементы располагаются на границе текстового пространства. В этом смысле граница текстового пространства приобретает новое значение: значение создания / разрушения текста.

Актуализаторы как единицы композиционного построения текста обладают текстообразующим потенциалом, распространяющим свое влияние проспективно и ретроспективно в текстовом пространстве, что предопределяет их способность к композиционному построению текста [Панченко, 2007а; 2007б].

К метатекстовым актуализаторам относятся компоненты текста, одновременно являющиеся частью данного вербального текста и входящие в иное пространство – литературное, культурное, коммуникативное и пр.

Метатекстовая стратегия композиционного построения имеет свою систему актуализаторов – прецедентных феноменов, включающих прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентную ситуацию (подробнее см. об этом в работах В.В. Красных

[2003], В.И. Карасика [2004], Д.Б. Гудкова [1999; 2003] и др.), а также прецедентный артефакт (например, красная гвоздика в советском дискурсе).

Метатекстовая стратегия реализуется в современной художественной прозе в двух своих разновидностях: 1) организация текста как диалога с одним прецедентным феноменом – с реальным культурным текстом или с ситуативным обобщенным текстом; 2) текст организуется как диалог текстов, прецедентных ситуаций, прецедентных высказываний и прецедентных имен.

1. Композиционная организация текста как диалога с одним прецедентным феноменом. Стратегия, направленная на соотнесение с одним текстом, или типом текста, прецедентной ситуацией, прецедентным именем, прецедентным феноменом представлена, например, в рассказе В. Пелевина «Зигмунд в кафе». Парадийное восприятие Зигмунда Фрейда актуализируется в конце текста, когда становится известно имя наблюдателя и то, что этот наблюдатель – попугай. Ретроспективно все текстовые элементы выстраиваются в пары, все получает свое объяснение: парность персонажей, их манипуляции, стремление что-то создать, разрушить, растерянность, физиологическая загаженность и т.д. Все это актантные признаки при предикативном – ‘З. Фрейд’. Данный композиционный вариант актуализируется в начале текста – его заглавии, затем актантный признак ‘парность’ трижды модифицируется на протяжении текста, демонстрируя различные возрастные и социальные периоды сексуальности человека, его беспорядочной деятельности. Цепь свободных ассоциаций в конце текста пародийно мотивируется состоянием тревоги из-за загаженности клетки попугая и его случайными поворотами шеи. Диалог с прецедентными феноменом посредством прецедентного имени носит пародийный характер.

Подобное же соотнесение с одним текстом представлено в рассказе В. Пелевина «Психическая атака (Сонет)» через прецедентное высказывание, сосредоточенное в эпиграфе из В. Маяковского «Я вывожу страниц свои войска», с чем ретроспективно соотносится и название. Символическая замена буквенных символов иконическими, их строгая выстроенность (как в сонете) соотносится со строго организованным лесенкой стихом Маяковского и декларациями футуристов о создании нового языка поэзии, ничего общего не имеющего с естественным практическим языком.

Таким образом, диалог с одним прецедентным феноменом может носить различный характер, объединяющим началом является то, что смена актантов при предикативном признаке не приводит замене этого

признака, трансформация затрагивает область модуса, не приводя к изменениям основного предикативного признака.

2. Композиционная организация текста как диалог с множеством прецедентных феноменов. Стратегия, направленная на соотношение с комплексом текстов, объединенных по какому-либо признаку: Петербург (Т. Толстая, например «Река Оккервиль», «Соня» и др.); тема искусства (Т. Толстая «Сирень»); мифология (рассказы Л. Улицкой). Особенностью данной стратегии является то, что сами прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные ситуации различны, выступают в роли актантных признаков, а предикативный признак – это нечто их объединяющее, тематически или модально.

В качестве примера рассмотрим рассказ Т. Толстой «Сирень». В данном случае комплексным метатекстовым актуализатором является прецедентный артефакт 'сирень', представленный в культуре в виде различных прецедентных текстов – стихов, картин и пр. Весь текст организован как компендиум текстов, посвященных сирени. С самого начала текста предикативный признак 'сирень' сопровождается 1) темпоральным актантом 'давно', в прошлом, что реализуется за счет целого комплекса прецедентных феноменов: прецедентное высказывание («*отцветло уж давно*»); разных видов прецедентного дискурса – исторического («*Сирень в России появилась в восемнадцатом века, но в моду вошла в середине девятнадцатого: стали закупать и высаживать французские сорта, и, наверно, не было такой усадьбы, где бы лиловые и белые кусты не теснились у крыльца*»); научного («*далее везде*»); прецедентных имен («*Фет, Тютчев, Гончаров <...> художники Поленов, Максимов*»). Прецедентные тексты с указанием авторов К.Р. и Блока вводят, помимо темпорального актанта, еще два – мнемонический ('вспоминания в эмиграции': «*об отчизне я вспомнил далекой*»... (К.Р.)) и аспектуально-темпоральный (мимолетность, краткость: «*Открывая окно, увидел я сирень, // Это было весной – в улетающий день*» (Блок)). Последний актант развертывается за счет прецедентных высказываний из романа Гончарова «Обломов». Ассоциативно к последнему прецедентному феномену прикрепляется еще один актант – локативный (место, где цветет сирень – это кладбище: «*Что стало с Обломовым? Где он? Где? – На ближайшем кладбище под скромной урной покоится тело его, между кустов в затишь. Ветви сирени, посаженные дружеской рукой, дремлют над могилой...*»). Далее следует инструкция по разведению сирени, скрепляясь с предыдущими прецедентным феноменом ассоциативно: «*Знает ли "дружеская рука", что сирень предпочитает суглинистую почву?*». Эти своеобразные диалогические отношения между прецедентными феноме-

нами в тексте являются способом продвижения в тексте. Дальнейшее построение текста по-прежнему предстает как взаимодействие разно-природных прецедентных феноменов, бытующих в разных типах дискурсов – поэтическом, прозаическом, изобразительном, «огородническом», бытовом, историческом, научном, филологическом.

При сохранении предикативного признака ‘сирень’ динамика композиционного построения обеспечивается сменой актантов: 1) ‘давно – сейчас’; 2) ‘мимолетность – постоянность’; 3) ‘смерть – жизнь’; 4) ‘воспоминание, ностальгия – актуальное любование, украшательство’. Каждый из этих актантов представлен своим набором прецедентных феноменов, что в совокупности создает энциклопедический образ сирени. Сам способ соединения разных прецедентных феноменов в тексте основывается на принципе ассоциативной смежности.

Этот рассказ представляет собой своеобразную энциклопедию русской художественной культуры, где собраны как произведения поэтические, так и изобразительные. Читателю предлагается разгадать эти энциклопедические отсылки к феноменам культуры, опознать их. Текст, организованный по принципу гипертекста, жанрово может быть соотносен с энциклопедической статьей, где собраны разные культурные пласты, из разных эпох. Тем самым в уже существующие тексты способны вплестись и новые элементы на основе тематической общности, в данном случае представленной предикативным признаком ‘сирень’.

Метатекстовый предикат – ‘сирень’ – заявлен уже в названии рассказа (наиболее сильной позиции текста) и тематически объединяет все текстовые фрагменты. Все построение текста представляет собой смену актантов при сохраняемом предикате. Сам предикат представляет собой прецедентный феномен, включающий в себя и прецедентное имя, и прецедентную ситуацию, и прецедентный текст. Актанты постепенно развертываются в тексте на основе операции добавления. Множество поэтических текстов, к которым отсылает прецедентный артефакт, реализовано в основном поэзией XIX – начала XX веков, кроме того, изобразительные прецедентные тексты представлены картинами Поленова, Врубеля и др. В этом же ряду в орбиту прецедентных феноменов втягиваются и современные тексты, к которым непосредственно не отсылает данный рассказ. Это позволяет сделать используемый метажанр энциклопедической статьи, объясняющей не только то, что уже создано, но и то, что вписывается в традицию или противоречит ей. Фактически сирень превращается в историю русского художественного поэтического и изобразительного творчества, вплоть до пародийной инструкции – символа технологического XX века.

Изотопия данного композиционного варианта создается за счет энциклопедического движения от *тогда* к *сейчас*, образуя принципиально открытую структуру. Способ отбора и репрезентации прецедентных феноменов позволяет читателю включиться в процесс порождения текста и расширить список прецедентных текстов, включив туда не упомянутые автором все иные прецедентные феномены, как вербальные тексты, так и тексты изобразительные и тексты просто увиденные (обрывание сирени в парках, выращивание и выведение разных сортов сирени и др.).

Принципиальная открытость композиционной структуры создается, во-первых, за счет ассоциативно-смежного способа соединения прецедентных феноменов и за счет возможности опознать / не опознать все прецедентные феномены, представленные в тексте (часть из них употреблена с указанием источника, часть – анонимно). Это позволяет читателю осуществить замену того или иного композиционного элемента на другой, хорошо ему известный. Данный тип текстов представляет собой тип текстов с открытой композиционной структурой, в отличие от текстов первого типа, являющихся текстами с закрытой композицией.

Прецедентные тексты, входящие в состав данного текста, могут быть прямо процитированы, могут узнаваться или только угадываться. В любом случае, если читатель и не сможет идентифицировать все эти тексты, тем не менее, он вполне способен интерпретировать данный текст. Достаточно узнавания всего нескольких прецедентных феноменов, идентификации их, чтобы быть в состоянии выстроить композиционный вариант этого текста в соответствии с метатекстовой стратегией.

В первом случае незнание прецедентного феномена ведет к нереализации метатекстовой стратегии, она не будет актуализирована. Во втором случае незнание отдельного прецедентного феномена не приводит к неприменению метатекстовой стратегии в принципе, а только к уменьшению числа актантов при композиционном предикате. Другими словами, в первом варианте реализации метатекстовой стратегии прецедентный феномен активен, а во втором – выполняет фоновые функции.

Следующие примеры демонстрируют использование прецедентных феноменов других видов искусства. Актуализатором метатекстовой стратегии композиционного построения в рассказе Л. Улицкой «Счастливые» является отрывок текста, репрезентирующий фотографии на могильных памятниках (*«Дорога, не оставляя места для сомнений, приводила их к кирпичной ораде, проводила под аркой и оставляла на опрятной грустной тропинке, по обе стороны которой, среди зелени, или снега, или сырого нежного тумана, их встречали старые знакомые: Исаак Бенционович Гальперин с ярко-синими глазками, закатно-малиновыми*

щеками и голубой лысиной; его жена Фаина Львовна, расчетливая женщина с крепко захлопнутым ртом и трясущимися руками; полковник инженерных войск Иван Митрофанович Семерко, широкоплечий, как Илья Муромец, прекрасно играет на гитаре и поет и такой молодой, бедняга; потом со стершимися бабушкой и дедушкой Боренька Медников, два года два месяца; малосимпатичная семья Крафт, рослые, неповоротливые, белотелые, объявившие о себе вычурно стройными готическими буквами; необыкновенно приветливые старики Рабиновичи с рифмующимися именами – Хая Рафаиловна и Хаим Габриилович, всегда в обнимку, со светло-серыми волосами, одинаково поредевшими к старости, сухие, легкие, почти праздничные, взлетевшие отсюда в один день, оставив всех свидетелей этого чуда в недоумении»).

Статус актуализатора этому фрагменту придает двойственность и противоречивость восприятия, возникающая из несоответствия описания фотографий мертвых людей как людей живых, встречи с которыми стали для персонажей рассказа постоянными и привычными. Одновременно вполне конкретные реальные действия описаны как постоянные, имеющие вневременной характер, застывшие в одном и том же положении (используется форма глагола настоящего времени, предложения характеристики, при чем характеризуется не столько внешность человека, что мы можем получить из представления по фотографии, а его характер, особенности поведения, привычки).

В то же время двойственность этого фрагмента задается не только тем, что он выполнен в настоящем времени (в конце концов, фотография навсегда запечатлевает какое-то изображение), но и отсутствием маркирования того, что перед нами фотографии мертвых людей, более того, изображения, помещенные на могильных памятниках. Дорога, которая якобы не отставляет «места для сомнений», как раз и заставляет сомневаться читателя, что это за дорога и куда она ведет.

Конечный эпизод текста также представляет собой своеобразный фотокадр: *«Они сидели за круглым столом, покрытым жесткой, как фанера, скатертью. Посреди стола торжествовала вынутая из буфета вазочка с самодельными медовыми пряниками. За спиной Матиаса в углу стоял детский стульчик, на котором пятнадцатый год висела маленькая коричневая курточка, собственноручно перешитая им из собственного пиджака. Левое плечо, то, что к окну, сильно выгорело, но сейчас, при электрическом освещении, это было незаметно».*

Актуализатор метатекстовой стратегии трансформирует все элементы текста рассказа в набор кадров из семейного альбома, располагающихся в определенной последовательности. Повторяемость действий и

событий мотивирована перелистыванием этого альбома бесконечное число раз, постоянным возвращением к одному и тому же (Берта регулярно видит одни и те же послеобеденные сны по воскресеньям; идентичность и постоянная повторяемость сборов на кладбище, поездка в трамвае, дорога к могиле, посещение сына и т.д.). Таким образом, актуализатор не только задает композиционную организацию следующего за ним текстового материала в метатекстовом режиме, но и трансформирует предшествующие элементы текста в данном направлении. Метатекстовый композиционный вариант создает не повествовательный режим, а режим соположения кадров (фотографий) в семейном альбоме.

Одновременно текст представляет собой бесконечное прокручивание одних и тех же эпизодов, как многократный просмотр киноплёнки. Особенностью этого «кинотекста» является минимальное присутствие речи персонажей, незначительность объема которой сближает ее функционально с титрами в «немой фильме».

Обращение к немому изобразительному тексту характерно для текстов Л. Улицкой. Текст рассказа «Бронька» композиционно организован именно данной стратегией как ведущей. Актуализатор находится в конце текста: изменившаяся Бронька достает альбом с фотографиями и сама объясняет (едва ли не впервые заговорив), кто был отцом ее многочисленных детей, причину ее многолетнего молчания и загадочного поведения («*Перед Ириной лежала горка фотографий, так же далеко отстоящих от подлинной жизни, как Бронька в сером деревенском платке, с ребенком, завернутым в тяжелое ватное одеяло, слева от крыльца, почти сорок лет тому назад, – с той только разницей, что эти фотографии были лживы и реальны, а облик Броньки того времени правдив, но не воплотим*»). В свете этого становится понятным молчание Броньки, вся настоящая жизнь которой протекала в старых фотографиях, куда ее с помощью монтажной техники поместил фотограф. Несмотря на то, что актуализатор находится в конце текста, он трансформирует все текстовые элементы в направлении альбомной композиции, мотивируя преобладание статальных ситуаций над акциональными ситуациями.

Кроме того, это не просто альбом, а произведение винтажного искусства. Роли, которые изображала Бронька, декорации, которыми была окружена ее жизнь, не имеют ничего общего с реальностью. Искусственность, сопровождает Броньку не только на винтажных фотографиях, но и в ситуации рождения ее многочисленных детей.

Ведущей стратегией композиционного построения текста Л. Улицкой является метатекстовая стратегия, так как каждый фон становится метатекстом, объясняющим последующий. Количество таких

вставок может быть бесконечным. Поэтому герои часто не могут разговаривать, они лишаются слова. Это тоже характеризует рассказы Улицкой как метатексты.

В текстах Л. Улицкой метатекстом, объясняющим и организующим композиционное построение основного текста является текст другого рода или вида искусства, чаще изобразительного (фотография, картина), иногда театрального (кино или сценическое действие), мифологический текст и т.д.

Каждый из видов метатекстовой стратегии создает свою изотопию. Композиционный вариант первой изотопической разновидности отличается диалогической изотопией. Второй тип изотопий – это метаизотопия. Текст создается из метатекстовых единиц; его композиционное построение – это движение от прецедентного текста (высказывания, ситуации или имени) к другому прецедентному феномену.

Особенностями всех композиционных вариантов, образуемых той или иной стратегией, является неспособность каждого из них окончательно объяснить текст, завершить его, одновременно невозможностью объединить эти варианты в пределах одного текста как интенционально целостного образования. Характерная черта современных текстов состоит в отказе от композиционного центра, от единой организующей точки зрения. Такие тексты предполагают активное сотрудничество читателя, автора и текста и «способность текста подтверждать (или по крайней мере не опровергать) широчайший диапазон интерпретационных предположений» [Эко, 2005, с. 65], которыми являются варианты композиционного построения.

Литература

- Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII.
- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
- Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? М., 2003.
- Лукин В.А. Художественный текст : Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2005.
- Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст (К типологии внутренних отношений). М., 1986.
- Панченко Н.В. От единиц текста к единицам композиции // Филология и человек. 2007а. № 1.
- Панченко Н.В. Состав единиц композиции текста (на материале русской прозы конца XX – начала XXI века) // Сибирский филологический журнал. 2007б. № 4.

Садченко В.Т. Вторичный семиозис в художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук. Хабаровск, 2009.

Смирнов И.П. Порождение интертекста : Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб., 1995.

Эко У. Роль читателя. Исследование по семиотике текста. СПб., 2005.

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

СМЫСЛОВАЯ ДИФФУЗНОСТЬ ИДИОГЛОССЫ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Л.А. Петрова

Ключевые слова: художественный текст, контекстуальное поле, идиоглосса, глоссарий, диффузность смысла.

Keywords: literary text, contextual field, idiogloss, glossary, diffuseness of sense.

Исследованию условий, при которых происходит концептуальное обогащение слова, его превращение из языковой единицы в единицу художественного масштаба, посвящено немало работ (см., в частности, работы С.В. Бековой [Бекова, 1973], Т.А. Бычковой [Бычкова, 2004], В.Д. Лютиковой [Лютикова, 2000], В.П. Никишаевой [Никишаева, 1998], О.И. Северской [Северская, 2007], Е.А. Скоробогатовой [Скоробогатова, 2012] и др.). Однако для того, чтобы слово стало носителем культурно значимой информации, оно должно выполнять функцию опорного компонента. Его смысловой объем может быть раскрыт только при изучении всего творчества художника как системы, уникальность и эстетическая значимость которой обусловлены идейно-тематической направленностью, образно-речевым строением, жанровой спецификой. Такие слова принято называть ключевыми. Ю.Н. Караулов и Е.Л. Гинзбург предлагают термин идиоглосса: «Ключевое слово в широком смысле, называемое нами идиоглоссой (ср. ряд терминов – идиолект, идиостиль, идиома, идиосинক্রазия), – это также единица текста, но одновременно это и обязательная единица индивидуального авторского лексикона, заряженная потенцией раскрыть читателю не только то, какой мир воссоздает автор, но и то, как он это делает» [Караулов, Гинзбург, 2001].

Для каждого писателя система идиоглосс глубоко индивидуальна, поскольку отражает личность художника слова, его отношение к действительности. Смысловые доминанты, передаваемые с их помощью, раскрывают смысл художественного образа, художественную идею, вербализуя как интенции креативной деятельности языковой личности, так и познавательные стратегии. Однако исследование художественной картины мира не ограничивается изучением творчества одного художника. Поэтому, на наш взгляд, ключевые слова и идиоглоссы следует разграничивать. Идиоглоссы имеют более широкую представленность в художественном пространстве и характеризуются глубокой смысловой диффузностью. Это такие лексические единицы, которые отличаются большой частотностью употребления в творчестве разных авторов, определяют векторы художественного обобщения и передают смысловую полноту эстетических трансформаций в концептуально-лексической системе.

Смысловая структура идиоглоссы и характер взаимодействия ее компонентов во многом зависят от частеречной принадлежности. Так, имена существительные обладают наибольшей смысловой валентностью, а процесс семантического осложнения слова обусловлен спецификой видения мира, движением художественной мысли. Выступая в совокупности своих понятийных свойств, эмоционально-экспрессивных значений, имя прилагательное служит образной конкретизации художественных идей, проявляет себя в перспективе художественного целого и потому способно выполнять функцию лейтмотива (в контексте творчества как одного писателя, так и нескольких). Глагол, самая сложная и самая емкая часть речи, аккумулирует большую потенциальную силу экспрессии, так как обладает широкими возможностями описания жизни в ее развитии, движении. Ключевые глаголы имеют определяющее значение для идейно-образного строения художественного текста, поскольку являются средством сопряжения конкретно-событийного ряда произведений и аналитически обобщающей авторской мысли. В роли идиоглосс могут выступать и слова категории состояния. Большинство слов этой части речи образовано от качественных прилагательных, от которых они унаследовали не только общность лексического значения, но и стилистическую активность, способность к смысловому обогащению. Идиоглоссы, выраженные этой частью речи, способны нести значительный эмоционально-

оценочный заряд, придавая эстетике состояния идейно-художественную значимость.

Проведенный анализ сатирических и юмористических рассказов начала XX века показал возможность определения тех лексических единиц, которые можно включить в гипертекстовый глоссарий этого периода. Поскольку они выступают в качестве смысловых и эмоционально-оценочных доминант, рассмотрим их узусальное значение с учетом функционирования в художественном пространстве начала XX века (полный глоссарий см. в:[Петрова, 2006]).

Человек. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда.

Дурак. Глупый человек.

Умный. Обладающий умом, весьма толковый.

Душа. 1. Основа психической жизни человека; жизненное существо человека. 2. Внутренний, психический мир человека. 3. Свойство характера, основные черты личности, а также человек с теми или иными свойствами.

Любовь. 1. Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. 2. Чувство привязанности, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством.

Нежность. Ласковость и мягкость в отношениях к кому-н.

Обида. Несправедливо причиненное огорчение, оскорбление.

Радость. 1. только ед. Чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение. || Внешнее проявление этого чувства. 2. Событие, предмет, возбуждающие такое чувство.

Сон. 1. Периодически наступающее физиологическое состояние, противоположное бодрствованию, на время которого полностью или частично прекращается работа сознания. || перен. Однообразие, серость, застой, отсутствие движения вперед, перемен.

Тоска. Сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой.

Революция. Переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу.

Отчизна. Отечество, родина.

Родина. Отечество; страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит.

Жизнь. 1. Состояние организма в стадии роста, развития и разрушения. || Физиологическое существование человека и животного. 2. Время от рождения до смерти человека или животного. 3. Развитие чего-н.; события, происходящие с чем-н. существующим. 4. Деятельность общества и человека во всей совокупности ее проявлений, или в ее отдельных проявлениях, и ее внутреннее содержание.

Слово. Единица речи, представляющая собою звуковое выражение отдельного предмета мысли.

Мысль. Продукт деятельности разума, рассуждения; идея.

Небо. 1. Видимое вверху над землей пространство в виде свода, купола; небосвод. || Окружающее землю сферическое пространство, место кажущегося расположения светил, как астрономическое понятие. 2. В различных религиозных представлениях – это пространство, где пребывают боги, сверхчеловеческие существа, рай.

Частотность данных идиоглосс, их функциональная универсальность позволяют выйти за пределы индивидуально-авторских концептуально-лексических систем и развиваться в коллективном ментальном пространстве, определять механизмы лингвокогнитивных процессов.

Ученые выдвигают положение о том, что концепт вступает в отношения с другими концептуальными образованиями (см.: [Кошарная, 2002; Павлова, 2004]). Это свойство исследователи называют концептуальной валентностью. Концептуальная валентность может быть потенциальной или реализованной, ее характер определяется культурной коннотацией. Концептуальная валентность рассматривается во взаимосвязи с компонентной моделью значения, включающей различного рода модальные рамки или фреймы. Отличительными характеристиками концепта являются интегративность – способность обеспечивать компрессию смысла за счет имманентного включения комплекса потенциально возможных ситуаций, сценариев, фреймов и т.д.; динамичность – способность развиваться, варьировать в соответствии с изменениями ментальной картины мира в целом; семиотическая вариативность.

На основе валентностных связей в концептосфере художественной картины мира в сатирико-юмористическом нарративе вычленяются концептуальные триады, например: «человек – душа – жизнь»; «человек – умный – дурак»; «родина – отчизна – русский»; «голова – лицо – глаза»;

«лицо – глаза – взгляд»; «ум – желание – любовь» и др. Связующими в концептуальных триадах выступают денотативные, понятийные, коннотативные или ассоциативные признаки идиоглосс, формирующие художественные парадигмы.

В качестве исходной в процессе декодирования концептуальных структур примем концептуальную триаду «человек – умный – дурак» и рассмотрим ее второе звено. Заметим, что художественные средства выражения знаний о человеке формируют объемный фрагмент семантического пространства в художественной картине мира. Этим объясняется их доминантная роль по отношению к структурной и функциональной характеристике идиоглосс.

В эмотивном пространстве художественного текста антиномия «умный – дурак» представлена лексическими парадигмами с ярко выраженной оценочной характеристикой.

Рассмотрим текстовые семантические поля, в которых функционируют парадигматические ряды лексемы *умный*. Как известно, семантическое поле в тексте имеет свою специфику: оно менее определено и более подвижно, обусловлено не жесткой языковой системой, а закономерностями строения и развертывания текста, актуальной значимостью его единиц, которые могут не принадлежать одному языковому семантическому полю. «Текст может нейтрализовать различия единиц, принадлежащих в языке разным полям, и, наоборот, дифференцировать то, что является подобными единицами» [Новикова, 2005].

Поскольку признак 'умный' относится к человеку здравомыслящему, понимающему не всякое доступное, имеющему ясный пронизательный ум, то мы учитываем все единицы, представляющие на языковом уровне данный сигнификат: *умный, умник, умница, человек большого ума, с головой* «умный, толковый человек», *светлая голова, ясная голова* «ясно, логично мыслящий человек», *умная голова, ясный ум, с головой* «об умном, толковом человеке», *иметь голову на плечах* «быть умным, сообразительным», *голова варит* «о догадливом, сообразительном человеке», *голова на месте, голова на плечах* «кто-либо умен, сообразителен, толков». Контекстуальная реализация перечисленных номинаций расширяет семантическое поле:

- умный – умеющий создать впечатление о себе как человеке начитанном, придерживающемся передовых взглядов: ... *Впрочем, сейчас я не совсем уверена в том, что эта женщина была умна. В те времена была мода на вдумчивость и серьезность, на кокетничанье отсутствием кокетства, на наигранный интерес к передовым идеям и каким-то*

«студенческим вопросам». Если женщина при этом была красива и богата, то **репутация умницы** была за ней обеспечена (Тэффи. О нежности).

- умный – умеющий поставить себя в выгодное положение, извлечь выгоду там, где это невозможно. *Швейцар вышел, а хозяйка продолжала: – Вон соседи у нас – какие умные люди, так за чистотой не гонятся. Нарочно даже у себя паркет выломали, чтоб никому не завидно было, два поросенка у них в комнате живут, да дров прямо бревнами со снегом навалили. А окно разбитое так наготове и держат – подушкой заткнуто, – как комиссия идет, они подушку вон и сидят в шубах. Так у них не то чтоб комнату отнимать, а еще их же жалеют: как это вы только живете тут? А они – что ж, говорят, изделаешь, время тяжелое, всем надо терпеть. Вот это головы, значит, работают* (Романов. В темноте). – *Как человек умный, так он из всего пользу сделает, а как дурак – ему ни от чего проку не будет, – сказал долго молчавший рабочий, уже покинутый всеми* (Романов. Наследство).

- умный – расторопный, умеющий вовремя оказаться в нужном месте и удовлетворить корыстные интересы: – *Умному человеку везде счастье, – сказал бывший торговец. – А вот такой дурак, как у этой старушки, что за пальтом ушла, так такого куда ни сунь, толку не будет... Как же можно, – место, надо сказать, паршивое, аптека – одно слово, а мы на одни порошки два пуда хлеба наменяли. – Умный человек и на плохом месте хороший оборот сделает, – сказал бывший торговец* (Романов, Несмелый малый). *Все помолчали. – Что ж так плохо? Ничего не было больше-то? – Быть-то было... Да мы схватились, когда умные люди все путное уже разобрали. Нам только одни книжки достались, отобрал какие потолще, да и сам не рад* (Романов. Наследство).

- умный – богатый, располагающий значительной суммой денег: – *Вот когда муж был жив да у меня в ушах бриллианты с кулак болтались, поверьте, совсем иначе ко мне люди относились. Что ни скажу – все умно было. Теперь небось никто не кричит про мой ум, а как вспомню, так и тогда все одни глупости говорила. Деньги – великое дело. Будь у вас деньги, вы бы тоже умнее всех были, и полковники бы у вас в гостях сидели, и приз бы за красоту получили* (Тэффи. За стеной).

- умный – сообразительный, умеющий найти выход в ситуации, необычность которой нередко обусловлена комическим положением ее участников: *Подбежала какая-то запыхавшаяся женщина, вся исписанная меловыми цифрами: на спине стояла большая цифра пять, а на груди и на рукавах другие цифры.*

- *Не начали еще выдавать? – спросила женщина.*

- *Нет.*

- *Новый магазин, значит. Мы сначала тоже путались, до драк доходило. А теперь заведующий прямо выходит и подряд на всех проставляет. В одной очереди пометили, в другую идешь.*

- *Сейчас устроим, – сказал какой-то здоровенный малый, вынув из кармана штанов кусок меду. – Без заведующего управимся.*

- *Спасибо, умный человек нашелся. Покрупней, батюшка, ставь* (Романов. Нераспорядительный народ).

Текстовое семантическое поле лексемы *умный*, следовательно, включает парадигматические ряды а) модный; похожий на вдумчивого, серьезного человека; кокетливый; красивый; как будто передовых взглядов; б) умеющий командовать; изворотливый; способный сделать так, чтобы «пяточки были целы»; из всего делающий пользу; в) не гонятся за чистотой; выломали паркет; держат в комнате поросят; навалили в комнате дрова со снегом; держат наготове разбитое окно; умеют показать, что они «герпят»; г) сделает оборот на любом месте; ему везде счастье; сделает для себя вдвое больше, чем другие (умный за это время два воза свезет); д) имеющий деньги; богатый; е) умеющий что-л. устроить; сообразительный; способный быть в нужное время в нужном месте (умный человек нашелся).

Реализация художественного концепта *умный* в перечисленных текстовых фрагментах происходит в результате противопоставления *умный* – *дурак*. Однако категориальным признаком в художественной интерпретации становится не ‘наличие ума’, а ‘поведение’. Отражая создавшуюся в начале XX века ситуацию кардинальных изменений в сфере социальных отношений, писатели меняют ментальный образ, наделяя его противоположным или дополнительным смыслом. Узуальные единицы, функционирующие в художественном тексте, из сферы интеллектуального переводятся в зону морально-этического признака. Субъект, которому приписывается ум как мыслительная способность, не реализует свои личностные качества. Характеризующие его лексемы актуализируют поведенческие ориентиры. Происходит переструктурирование ассоциативных векторов и в коллективном, и в индивидуальном когнитивном пространстве: изменяется набор валентных связей, разрушается стереотипный образ. В результате возникают когнитивные преобразования: *умный* становится *дураком*, *дурак* становится *умным*. Ср. функционирование фраземы *умная голова* в следующем контексте: – *Корежишь, Иван Семенович? – крикнул проезжавший по улице ломовой, обращаясь к работавшим на крыше. –*

Да, понемножку. Из топливного кризиса выходим, умные головы начальство наше; вот хороший дом и свежем (Романов. Дом № 3).

Концептуальная нагрузка данной идиоглоссы отражает диффузность художественной картины мира, определяет иронический и смеховой фон изображаемых событий. Недаром Д.С. Лихачев связывал существо смеха с раздвоением: «смех делит мир надвое, создает бесконечное количество двойников, создает смеховую «тень» действительности, раскалывает эту действительность» [Лихачев, URL].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о роли индивидуального подхода к интерпретации языковых фактов. Узуальное представление идиоглоссы расширяется за счет признаков, выделяемых на уровне личностной лингвокогнитивной компетенции автора, в результате чего усиливается стилистический и прагматический эффект художественного текста.

Литература

Бекова С.В. К проблеме идеологического словаря писателя: Семантико-стилистический анализ группы слов со значением цвета у М. Горького. Л., 1973.

Бычкова Т.А. К вопросу о словоупотреблении писателя (на материале произведения М.М. Зощенко). К., 2004.

Королюва А.В. Лінгвопоетичний і наративний коди інтимізації в художньому тексті (на матеріалі української та російської прози другої половини XIX – першої половини XX століть). К., 2003.

Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном изображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. М., 2001.

Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород, 2002.

Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/smeh/smeh-lihach.htm>

Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект. Екатеринбург, 2000.

Никишаева В.П. Опыт лингвостилистического анализа художественного текста. Бийск, 1998.

Новикова М.Л. Остранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста. М., 2005.

Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). Белгород, 2004.

Петров А.В. Предикатно-актантные поля в русском языке. Симферополь, 2012.

Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира. Симферополь, 2006.

Северская О.И. Язык поэтической школы : идиолект, идиостиль, социолект. М., 2007.

Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени). Харьков, 2012.

ОФИЦИАЛЬНОЕ И ДЕЛОВОЕ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЕ НАЧАЛА ТЕКСТА

О.П. Сологуб

Ключевые слова: официально-деловой текст, официальный, деловой.

Keywords: official business text, official, business.

Феномен официально-деловой речи на современном этапе его исследования, когда накоплен богатый, разнообразный фактический материал, должен получать более глубокое, сущностное толкование, направленное на выявление системных свойств официально-деловой речи, ее системообразующих единиц, внутренних начал, формирующих сущностную специфику данного феномена.

Настоящая работа посвящена характеристике официального и делового начал как ведущих текстообразующих начал в сфере официально-деловой письменной коммуникации, что отражено в самом определении *официально-деловой*¹. До сих пор каждое из этих начал не становилось отдельным, самостоятельным объектом исследовательского внимания; языковые, функционально-стилистические, коммуникативно-прагматические свойства текстов документов определяются исследователями, как правило, недифференцированно, без учета их соотносительности с официальным или деловым началом. Считаю, что выявление особенностей проявления указанных тенденций, описание средств их реализации позволит более четко определить специфику текстов документов, создать более точную типологию последних и в целом более ясно представить принципы организации официально-делового текста.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу проявлений официального и делового начал в тексте документа, определим суть исходных понятий.

В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой значение слова *официальный* определяется как 1. Правительственный или должностной // Исходящий от правительственных органов или должностных лиц. 2. Производимый по установленной форме, с соблюдением формальностей // Связанный с соблюдением установленных норм, фор-

---

¹ Данная проблема уже обсуждалась нами в наших предыдущих работах, см.: [Сологуб, 2011а, 2011б, 2011в]. Настоящее исследование носит обобщающий характер.

мальностей. 3. Не выражающий подлинного отношения, оценки; связанный только с внешней, формальной стороной чего-л. 4. Сдержанный, намеренно-бесстрастный, деловой (о тоне, о характере и манере обращения и т.п.) [Ефремова, URL]. Характеру нашего исследования соответствуют первое и второе определение. Опираясь на них, мы можем определить **официальное** как одно из организующих начал текста, выражаемое с помощью вербальных и невербальных знаков, употребление которых регулируется законодательными, нормативно-методическими актами и рекомендациями лингвистического характера, призванное придать значимость тексту, реализующему функцию инструмента регулирования общественных, государственных, производственных отношений на уровне различного ранга инстанций и должностных лиц, наделенных особыми полномочиями по принятию и реализации управленческих решений.

Слово *деловой* получает в словаре следующее определение: 1. Связанный со служебной деятельностью, с работой. 2. разг. Знающий дело; дельный // Свойственный занятому человеку; выражающий сосредоточенность, озабоченность каким-л. делом. 3. Пригодный для обработки, изготовления каких-л. изделий; подельный [Ефремова, URL]. Опираясь на первое определение семантики данного слова, более всего соответствующее характеру нашего исследования, мы определяем **деловое** как одно из организующих начал текста, способствующее выражению посредством вербальных и паравербальных знаков служебных, производственных отношений, предполагающих осуществление четких, согласованных, оперативных действий преимущественно исполнительского характера, направленных на эффективную организацию трудовой деятельности.

Обратимся далее к непосредственному сравнительному анализу проявления указанных начал в текстах различных документов.

В наибольшей степени официальное начало выражено в текстах законодательных, организационных документов, основная цель которых – определение принципов деятельности различных социальных, общественных, производственных структур от государства до отдельного лица, занимающего определенное служебное положение. Такими документами являются Конституция, кодексы законов, уставы организаций, положения, инструкции, правила и т.д. Деловое начало в максимальной степени выражено в электронной деловой переписке, в рабочих записях делового человека, в ад-

министративных объявлениях. Многие виды распорядительных (приказ, распоряжение, решение и др.) и информационно-справочных документов (акты, протоколы, служебные письма, записки) совмещают в себе официальное и деловое начала.

Анализ различных видов произведений официально-деловой речи¹ позволил выявить основные параметры, позволяющие дифференцировать официальное и деловое начала и языковые средства их выражения.

1. Содержательное наполнение. Основное содержание правовых, организационных документов с ярко выраженным официальным началом, как уже отмечалось, сводится к установлению основополагающих принципов деятельности от государства до отдельного должностного лица. Это во многом программные документы. Содержание деловых речевых произведений сводится к описанию текущих злободневных производственных проблем и путей их оперативного, эффективного решения.

2. Соотнесенность с временным планом. Официальные документы являются документами длительного пользования, их содержание не зависит от текущих обстоятельств. Дезактуализация временного плана порождает следующие языковые особенности:

1) перенос акцента с действия на качество, свойство, что выражается:

а) в переносе центра тяжести на имя: *Наименования Российской Федерация и Россия равнозначны; Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (К)²; Решения органов управления союза потребительских обществ по вопросам, определенным настоящим уставом, обязательны для являющихся его членами потребительских обществ (У);*

б) в использовании десемантизированных глаголов в сочетании с существительными, несущими основную смысловую нагрузку: *Человек, его права и свободы являются высшей ценностью (К); В период между общими собраниями представителей управление*

¹ Нами рассматриваются тексты, занимающие крайние точки на шкале «официальное – деловое». Анализ текста делового письма, совмещающего в себе официальное и деловое начала, произведен нами в работе [Сологуб, 2011а].

² Обозначения в скобках после примеров указывают на источник материала, при этом используются следующие сокращения: К – Конституция, У – Устав, ДИ – должностная инструкция, ЭП – электронная переписка, АО – административное объявление, Е – ежедневник. Примеры даются с сохранением авторских особенностей.

союзом **осуществляет совет** (У); *Настоящая должностная инструкция определяет функциональные обязанности, права и ответственность* Начальника отдела кадров (ДИ);

2) употребление глагольных форм настоящего времени в значении настоящего расширенного: *Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка* (К); *Союз потребительских обществ <...> является некоммерческой организацией, <...> действует на основании своего устава, имеет в собственности имущество, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные права* (У); *Начальник отдела кадров возглавляет работу по комплектованию предприятия кадрами рабочих и служащих требуемых профессий* (ДИ).

Текстам же делового характера, напротив, свойственна злободневность, оперативность; они призваны решать текущие насущные проблемы. По этой причине в них оказываются востребованными глаголы актуального настоящего времени, прошедшего, будущего времени совершенного вида, например: *Сообщаю, что с 13.05.2005 вступило в действие новое Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных бумаг; Сегодня день провели в архиве; Внесла также изменения по ЗАО «Ресурс», по которому сегодня отправлю информацию всем (ЭП); договор найма жилого помещения подписан, <...> жду от вас <...> анкеты (АО).*

Таким образом, мы имеем противоположные тенденции в плане выражения временного значения: официальное начало характеризуется вневременностью, деловое начало – актуализацией временных значений (преимущественно настоящего актуального и прошедшего результативного).

3. Личность / безличность. В официально-деловой сфере на первом плане всегда находится ситуация, подлежащая регулированию. Установка на регулирование ситуации со стороны официальных органов предопределяет такую особенность текста, как устранение личного начала, которая наиболее последовательно реализуется в официальных документах, где широко используются формы страдательного залога: *Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности; Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом* (К); *Союз как юридическое лицо считается созданным с момента его государственной регистрации; Союз образован в целях координации деятельности потребительских обществ* (У); *Начальник отдела кадров назначает-*

ся на должность и **освобождается** от должности в **установленном** действующим трудовым законодательством порядке приказом директора предприятия; Для решения оперативных вопросов по обеспечению производственной деятельности Начальнику отдела кадров может **выделяться** служебный автотранспорт (ДИ).

В сфере деловой коммуникации регулирование ситуаций осуществляется на уровне отдельных лиц, что обуславливает личность повествования, выражающуюся в использовании личных местоимений и личных глагольных форм: **Сообщаю, что <...>**; **А сохранение я не делал**; **Хочу пояснить порядок работы, когда я присылаю тебе** информацию об изменениях в списке аффилированных лиц (ЭП); **жду от вас <...>** анкеты (АО).

Итак, официальным текстам свойственно устранение личного начала, в деловых же текстах это начало представлено достаточно широко.

4. Модусное содержание. Поскольку регулирование общественных, политических, производственных и других видов отношений есть основное назначение документа, то главным проявлением модуса в официально-деловой речи является деонтическая модальность (волюнтативность, предписательность), образующая модальную рамку для предметно-фактуальной информации. Однако в деловых текстах активно проявляются и другие компоненты модуса: экспрессивность, оценочность, эмоциональность. Рассмотрим данные составляющие более подробно.

4.1. Волюнтативность, предписательность. В официальных документах данная функция реализуется косвенно, в форме констатации, при этом используются:

1) модальные глаголы, модальные слова, краткие прилагательные или страдательные причастия разрешительной либо запретительной семантики в сочетании с инфинитивом или отглагольным существительным: **Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица *обязаны обеспечить*** каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы; **Сбор, хранение, использование и распространение** информации о частной жизни лица без его согласия **не допускаются** (К); **Решения органов управления союза потребительских обществ по вопросам, определенным настоящим уставом, *обязательны*** для являющихся его членами; **Общее собрание представителей союза *не вправе принимать решение*** о вхождении и выходе из союза без представ-

ления указанных документов (У); Начальник отдела кадров **должен знать** законодательные и нормативные правовые акты; Начальник отдела кадров **имеет право давать** подчиненным ему сотрудникам **поручения и задания** по кругу вопросов, входящих в его функциональные обязанности (ДИ);

2) формы глаголов наст. вр. в значении настоящего расширенного: В Российской Федерации **признаются** политическое многообразие, многопартийность (К); Взаимоотношения союза с органами государственной власти **определяются** заключаемыми соглашениями (У); Начальник отдела кадров **несет ответственность** за результаты и эффективность производственной деятельности отдела (ДИ).

В деловой речи мы имеем прямое, порой категоричное, выражение значения предписания. При этом используются:

1) глаголы, обозначающие исполнительские действия; они употребляются, как правило, в форме инфинитива в сочетании с модальными словами с семантикой долженствования либо с перформативными глаголами: **необходимо выслать**, **прошу сообщить** (ЭП);

2) формы разговорного характера:

а) существительное вместо перформативного глагола: **Просьба подготовить** существенный факт по решению общего собрания уже по новой форме и **прислать** мне его на согласование (ЭП); **Просьба заносить** заявки (АО);

б) императив глагола: **Со сливов падает снег. Не стойте** на крыльце (АО); **Вышлите** пожалуйста нам наш экземпляр договора на аудит, если он подписан с Вашей стороны. Если нет, то **подскажите** в каком он состоянии?, иногда с использованием частицы пусть: **Пусть** Полина **высылает** сообщения для внесения в «Список» (ЭП);

в) инфинитив глагола: **Во время приема врача не отвлекать!**; **В верхней одежде не входить!** (АО); **проверить** почту (Е);

г) отглагольное существительное: **оплата** за контракт в Италию (Е).

4.2. Эмоционально-экспрессивное начало. Официальные документы лишены эмоционально-экспрессивных проявлений, поскольку главное их предназначение – максимально объективно, точно обозначить принципы деятельности общественного, политического объединения, учреждения, организации, должностного лица, представить фактуальную информацию.

Субъективное начало в деловой речи представлено в гораздо большей степени; здесь могут выражаться различные чувства, настроения, оценки, например, ирония, высказываемая по поводу невыполнения принятых обязательств: *Господа хорошие! Ваши работники не очень обременяли себя своими трудовыми обязанностями* (ЭП); возмущение: *Программа удалила всю базу за последние 12 месяцев. А сохранение я не делал последние 2 месяца. И это перед ангрейдом компьютера!* (ЭП); недовольство: *Кто не донес?!* (АО); сомнение: *Торты?; ?сырье*; осторожность: *Култашова Ольга (аккуратно!)*; положительное отношение: *Алла Павловна >:(* (Е) и пр. В качестве средств выражения указанных значений широко используются паравербальные знаки.

4.3. Метатекст. В деловой речи нередко случаи выражения автора к излагаемому содержанию, главным образом подчеркивается важность информации. Информация метатекстового характера выражается либо вербально: *Главным бухгалтерам!; Вниманию, главных бухгалтеров; Внимание!* (ЭП), либо невербальным путем, посредством выделенного, увеличенного шрифта, подчеркивания, восклицательного знака и пр.: *ПРОСЬБА ДОВЕСТИ ПОРЯДОК ДО ВСЕХ ДОЧЕРНИХ ОБЩЕСТВ; прошу предоставить реестры на отгруженную продукцию в ранее установленном порядке* (ЭП); *верхнюю одежду оставлять в гардеробе!*; *При себе иметь:* <...>; *Вход ЗАПРЕЩЕН!!!* (АО); *!НДС сколько к уплате, сколько к возврату; куколки-одежда!*; *Поддоны!!!; Масло растит. 3 т ближайшей машиной; служебная записка – заявка* (Е).

Таким образом, в официальных текстах реализуется основная модусная составляющая, свойственная официально-деловой речи, – предписательность; реализуется она в косвенной форме, в форме констатации. В деловых текстах предписание выражается прямо, порой категорично. Кроме этого, широко представлены и другие компоненты модуса: экспрессивность, эмоциональность, оценочность, выражается авторское отношение к тексту.

5. Наличие / отсутствие атрибутов официальности. Официальный характер документа выражается посредством использования целого ряда средств невербального характера, служащих опознавательными знаками его официальности. Такими знаками являются наличие герба (исполнение документа на гербовом бланке), печати, штампов, служебных отметок в виде индексов, числовых показателей. Эти невербальные знаки образуют отдельную группу единиц

официального функционирования языка (ЕОФЯ)¹. Атрибуты официальности широко представлены в официальных текстах. Так, например, законодательные акты оформляются на гербовых бланках, подписываются Президентом РФ. Текст Устава имеет отметки о его утверждении рабочим коллективом, о регистрации, закрепленные печатями и подписями руководителей.

Деловые тексты свободны от проявлений официальности. Главная интенция их авторов – изложить суть ситуации, выразить свое отношение к ней, поэтому текст составляется в достаточно свободной форме.

6. Процедура изготовления речевого произведения. О высокой / низкой степени официальности документов свидетельствует такой параметр, как процедура изготовления документа. При изложении содержания в официальных текстах необходима «высокая степень согласованности и взаимоувязанности предписываемых <...> норм, которые рассчитаны на длительный период действия и излагаются в систематизированном виде» [Егорова, Милованова, 2002, с. 14] – это требует большой аналитической работы профессионально подготовленных лиц и целых коллективов, осуществления многоступенчатой процедуры. Так, например, в законодательной деятельности процедура изготовления документа включает в себя следующие этапы: 1) подготовка законопроекта; 2) рассмотрение проекта Государственной Думой РФ; 3) принятие закона Государственной Думой РФ; 4) одобрение закона Советом Федерации РФ; 5) подписание закона Президентом РФ; 6) опубликование закона [Егорова, Милованова, 2002, с. 15]. Предназначенность таких документов для сведения всех членов общества предусматривает особые каналы связи: они доводятся до общественности путем опубликования. Организационные документы также составляются компетентными лицами (ведущими специалистами, с обязательным участием юриста), многократно обсуждаются, согласовываются, затем подписываются руководителем, заверяются печатью, оформляются грифом утверждения, регистрируются.

Авторами деловых текстов чаще всего выступают рядовые сотрудники, решающие текущие проблемы по урегулированию производственных ситуаций. Сотрудники общаются в свободном режиме, без соблюдения особых формальностей.

---

¹ Подробнее о единицах официального функционирования языка см. нашу работу: [Сологуб, 2009].

7. Языковое оформление текста. В официальных текстах, устанавливающих правовые основы деятельности государства, организации, должностного лица и пр., положения должны быть сформулированы предельно четко, ясно, полно, недвусмысленно. Программный характер этих документов обуславливает ориентацию их составителей на книжный язык, на широкое использование ЕОФЯ. Выше мы охарактеризовали группу невербальных ЕОФЯ. Обратимся к характеристике вербальных ЕОФЯ, широко реализуемых в официальных документах. Наиболее активно данные средства реализуются на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях. На лексическом уровне показателем официальности текста являются:

1) клише: *внешнеэкономические отношения, бухгалтерский учет, нормативные правовые акты, принципы налогообложения, внешнеэкономические связи* (К); *координации деятельности, имущественные права, представлять интересы, оказать услуги, нести обязанности* (У); *освободить от должности, в установленном порядке, руководящая должность, кадровая политика, рынок труда* (ДИ);

2) официонимы:

а) наименования учреждений, организаций: *Федеральное Собрание, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации* (К); *облпотребсоюз, Центросоюз РФ* (У);

б) наименования должностных лиц: *Президент Российской Федерации, Генеральный прокурор Российской Федерации, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации* (К); *Председатель совета потребительского общества, председатель правления* (У); *Начальник отдела кадров* (ДИ);

3) книжная лексика:

а) абстрактная лексика, отражающая ценностные ориентиры, отвлеченные действия и качества: *деяние, право, честь, отмена, выбор* (К);

б) организационно-производственная лексика: *координация, защита прав, оказание услуг, государственная регистрация, хозяйственные связи* (У);

в) специальная терминология, а именно:

– терминология государства и права: *форма правления, орган власти, форма собственности* (К); *государственный орган, местное самоуправление, некоммерческая организация, юридическое лицо* (У);

– юридическая терминология: *преступление, вина, задержание, заключение под стражу, свидетельские показания* (К); *имущественные пра-*

ва, организационно-правовая форма, кооперативная собственность, незаконно отчужденный (У);

– экономическая терминология: денежная эмиссия, федеральный бюджет, налогообложение, государственный займ, пошлина (К); расчетный счет, самостоятельный баланс, неделимый фонд, резервный фонд (У).

На синтаксическом уровне ярким показателем официальности является полнота, сложность предложений, что также свидетельствует о приверженности авторов книжной традиции оформления текста, например: *Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий (К); Союз потребительских обществ является некоммерческой организацией, юридическим лицом, действует на основании своего устава, имеет в собственности имущество, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные права и нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, в том числе арбитражном или третейском (У); На должность Начальника отдела кадров назначается лицо, имеющее высшее профессиональное образование и стаж работы по организации управления кадрами на инженерно-технических и руководящих должностях (ДИ).*

Показателем официальности текста является его тщательно разработанная композиция, что выражается в разбиении документа на общие и частные разделы (разделы, главы, части, статьи, параграфы и т.д.), оформленные посредством рубрикации. Так, например, текст Конституции разбит на два раздела, первый раздел включает в себя 9 глав, каждая глава состоит из статей, в которой выделяются отдельные пункты, а в некоторых из них возможна внутренняя рубрикация. Например, статья 71, включенная в 3-ю главу Конституции, содержит в себе целый ряд однородных распространенных членов предложения, оформленных рубрицированным способом:

В ведении Российской Федерации находятся:

а) принятие и изменение Конституции Российской Федерации и федеральных законов, контроль за их соблюдением;

б) федеративное устройство и территория Российской Федерации;

в) регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; гражданство в Российской Федерации; регулирование и защита прав национальных меньшинств;

г) <...>.

Текст Устава делится на отдельные фрагменты, раскрывающие различные стороны деятельности организации, предприятия, объединения (*1. Общие положения, 2. Цели и предмет деятельности союза, 3. Членство в союзе* и т.д.), в состав которых входят отдельные пункты (как правило, они равны отдельному ССЦ), внутри них возможна внутренняя рубрикация:

6. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЯ

<...>.

6.4. К исключительной компетенции общего собрания представителей относятся:

- принятие устава союза, внесение в него изменений и дополнений;*
- определение основных направлений деятельности союза;*
- <...>.*

Вопросы, отнесенные к исключительной компетенции общего собрания представителей, не могут быть переданы собранием на решение других органов управления союза.

Должностная инструкция имеет примерно такую же структуру, в нее включаются следующие разделы: *1. Общие положения, 2. Функциональные обязанности, 3. Права, 4. Ответственность, 5. Условия работы, 6. Сфера деятельности. Право подписи.*

Иной характер оформления текста мы наблюдаем в сфере деловых отношений, где, как уже отмечалось, главным является изложение сути вопроса, при этом не требуется соблюдения формальностей. Стремление изложить суть производственной проблемы обуславливает лексическое своеобразие деловых текстов, которое заключается в активном использовании следующих групп слов:

1) «производственной» лексики:

- а) наименований должностей: генеральный директор, главный бухгалтер, менеджер по продажам;*
- б) наименований структурных подразделений: отдел планирования, ревизионная комиссия, строительно-монтажная бригада;*
- в) наименований документов: договор, приказ, инструкция;*
- г) обозначений производственных действий, процессов: автоматизация, фильтрация, формовка, монтаж;*
- д) наименований инструментов, механизмов: генератор, пневмомолот, фрезерный станок и др.;*

2) указаний сроков, количества (что делает продуктивными имена числительные): *Письмо в сроки до 03.08.2005 предоставить сводную информацию по решениям налоговой, касающихся предоставления вычетов по НДС, вынесенных за период 01.01.2005 – 01.07.2005. Сообщаю, что*

с **13.05.2005** вступило в действие новое Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных бумаг от **26.04.2005** (ЭП); Жильцы ком-нат №№ **35 и 42** просьба обратиться к заведующей Екатерине Васильевне с **8:30 – 17:30 с 13:00 – 14:00** – обед либо по телефону **469-93-44** (АО);

3) наименований действий исполнительского характера конкретных организационных, исполнительских действий (*выслать, сообщить, предоставить информацию, подготовить ответ*);

4) собственных имен:

а) конкретных лиц: партнеров, исполнителей, руководителей и пр. (*Протокол собрания находится на согласовании у И.Ф.; За выкладывание отвечает Карпов З.Б.*) (ЭП);

б) предприятий, организаций (*Между ООО «Техмашинвест» и ОАО «Разрез Красногорский» был заключен договор поставки* (ЭП); *Строительно монтажные работы ведутся ООО НПП «ЭЛТЕМ»* (АО);

5) эмоционально-экспрессивная, разговорная лексика: *допотопные диски; подскажите* (ЭП), *не донес* (то есть не принес анкеты) (АО).

В силу своей оперативности, спонтанности деловые тексты нередко изобилуют различного рода лексическими сокращениями: *НДС, ОАО, руб., г., экз. список аф. лиц, эл. адрес, ув. жильцы, мед. осмотр по проф. вредности*. В деловых текстах часто употребляются неполные предложения, при этом недостающая информация восполняется адресатом из контекста общения, например: *Олег, сейчас 1С-базы выкладываются 5го, 15го или 25го? По-моему, некоторые из них старые? – За выкладывание отвечает Карпов З.Б., но вроде бы 3 раза в месяц; Какую версию оплачивала ваша организация? Номер счета, который был Вам выставлен?* (ЭП). Подобные диалоги максимально сближаются с разговорной речью. Особенно частотны эллиптированные конструкции в ежедневнике, при этом их объем может достигать всего лишь одного слова (*доклад*) или словосочетания (*проверить почту; оплата за контракт в Италию; цена на предоставляемый товар / услуги*).

В силу своей монотемности и оперативного характера коммуникации деловые тексты обычно не подвергаются со стороны авторов структурированию, отражающему логические операции, направленные на оформление смыслового содержания текста. Лишь порой выделяется текстовый блок с пометой *PS (P.S. Прошу направить новое Положение о раскрытии информации всем своим дочерним обществам)*, что соответствует традициям личной переписки. Лишь в тексте административного объявления мы наблюдаем определенную структуру (*выделяется заголовок объявление, внимание, Библиотека информирует!* и пр.), основное содержание,

которое иногда оформляется в виде рубрик, например: *Ув. жильцы, договор найма жилого помещения подписан, просьба обращаться к заведующей Так же жду от вас*

- *флюорографию (справку)*
- *анкеты*

Кто не донес ?!; подпись лица (*Зав. общежитием № 8 Осипова*).

Однако данная структура не является обязательной и часто подвергается изменениям.

Таким образом, мы имеем две противонаправленные тенденции языкового оформления текста. В одном случае реализуется ориентированность автора на книжную традицию, что выражается в соответствующем отборе лексических средств, полноте синтаксических конструкций, разработанности композиции текста. В другом случае мы имеем «производственное» наполнение текста, компрессию лексических и синтаксических единиц, свободное изложение.

8. Дистанция на отдаление / сближение. В силу того, что официальные документы исходят из официальных инстанций, от должностных лиц, наделенных служебными полномочиями по регулированию производственных ситуаций, то все внимание коммуникантов переключается на саму ситуацию, здесь становятся неактуальными межличностные отношения, устанавливается дистанция на отдаление. Это определяет особый, официальный, тон общения, не предполагающий эксплицитных проявлений категории вежливости. В сфере деловых производственных отношений важным является поддержание добрых партнерских отношений, что является основой для установления дистанции на сближение. Это выражается в использовании формул вежливости: приветствия (*Добрый день!; Ирина, доброе утро!*), обращения (*Уважаемые коллеги!; Олег; Добрый день, Ирина; Уважаемые гости!*), извинения (*Приношу свои извинения; Прошу прощения!*), благодарности (*Благодарим Вас за помощь, Благодарим за понимание; Заранее благодарю; Спасибо!*), поздравления (*Поздравляю вас с Новым годом! Веселой елки, брызг шампанского, пушистых снежинок и новогоднего настроения!*) и пр.

Итак, рассмотрев основные параметры дифференциации делового и официального начал в тексте, мы можем констатировать: мы имеем две разные стратегии речевого поведения, отражающие различные уровни официально-деловой письменной коммуникации. На первом, официальном уровне, осуществляется правовое регулирование принципов деятельности государственных, производственных и других структур, должностных лиц. На втором, деловом, уровне регулированию подлежат текущие,

злободневные проблемы. Данные обстоятельства определяют характер текстообразующей деятельности и соответствующие типы документов.

Литература

- Егорова Н.А., Милованова М.В. Кодекс как вид документа // Секретарское дело. 2002. № 4.
- Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://tolsklovar.ru/p23766.html>
- Сологуб О.П. Взаимодействие официальной и деловой стратегий в тексте // Речевая коммуникация в современной России. Омск, 2011а. Т. 2.
- Сологуб О.П. Особенности проявления делового начала в тексте // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2011б. Вып. 15.
- Сологуб О.П. Особенности проявления официального и делового начал как основание для внутренней дифференциации произведений официально-делового стиля // Социальные коммуникации и эволюция обществ. Новосибирск, 2011в.
- Сологуб О.П. Официально-деловой текст в системно-структурном аспекте // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2009. Вып. 13.

ТИПОЛОГЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ МЕДИАТЕКСТОВ С ПСЕВДОСОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТЬЮ

Т.В. Чернышова

Ключевые слова: медиатекст, социальная оценочность, псевдосоциальная оценочность, дискредитирующие тексты, стратегия «игра на понижении», композиционные и языковые средства и способы моделирования негативной оценочности.

Keywords: mediatext, social value, pseudo social value, discreditable texts, strategy of “shorting”, compositional and linguistic means and techniques of negative evaluation modeling.

Взаимодействие нормативного и ненормативного, экспрессивного и нейтрального, информационного и воздействующего в медиакommunikации часто приводит к речевому конфликту, разрешение которого подчас невозможно без вмешательства правовых институтов общества.

Потенциальная конфликтность медиатекстов во многом обусловлена таким стилиеобразующим признаком изучаемых текстов, как оценочность – свойство медиатекста, благодаря которому отображаемая действительность (факт, событие, субъект) квалифицируется относительно опреде-

ленного стандарта по признаку «хорошо / плохо»¹. В свою очередь, именно повышенная оценочность газетных текстов часто приводит к развертыванию речевого конфликта. Представляется, что одна из причин порождения ситуации речевого конфликта на базе оценочного суждения состоит в том, что оценочность в обыденном сознании тесно связано с **критическим** осмыслением действительности, а критическое высказывание, даже если оно справедливое, часто приводит к возникновению и развитию речевого конфликта – еще большую актуальность это приобретает в текстах СМИ, где оценочное высказывание воспринимается не как частное, субъективное мнение, а как мнение, социально одобренное, устоявшееся – как некое общественное мнение, способное повлиять на судьбу человека и оттого особенно болезненно воспринимаемое [Чернышова, 2011, с. 68–85].

Поскольку характер оценочности медиатекстов часто провоцирует речевой конфликт и становится объектом изучения лингвиста-эксперта, хотелось бы остановиться на этом подробнее, поскольку, на наш взгляд, оценочность в текстах СМИ может выполнять как **конструктивную**, так и **деструктивную** функции. Первая строится на пересечении двух составляющих:

- а) аргументативной, опирающейся на систему фактов, характеризующих социально значимое событие;
- б) эмоционально-оценочной, представляющей собой экспрессивный комментарий автора к фактологической информации.

Вторая – деструктивная – строится на пересечении следующих составляющих:

- а) полном или частичном отсутствии аргументативной базы и системы фактов, характеризующих социально значимое событие;
- б) концентрации внимания читателя на отрицательных сторонах личности и деятельности субъекта речи через систему эмоционально-оценочных вербальных и невербальных средств, в основном, инвективной направленности.

Такого рода оценочность мы предлагаем называть **псевдосоциальной** [Чернышова, 2011, с. 68–85]: текст, содержащий псевдосоциальную оценочность, опирается, как правило, на систему характеристик главного героя публикации, задача которых – целенаправленное снижение его образа как человека (а не как официальное лицо).

На наш взгляд, псевдосоциальная оценочность тесно связана с такой формой воздействия как манипуляция, под которой обычно понимается

¹ О вариативности оценочной квалификации действительности см. в работе: [Карасик, 2012, с. 152–165.]

«вид психологического воздействия, направленный на побуждение адресата к совершению определенных манипулятором действий в результате скрытого внедрения в психику объекта целей, желаний, намерений, установок, отношений, не совпадающих с теми, которые адресат мог бы сформировать самостоятельно» [Михалева, 2004, с. 15].

Таким образом, манипуляция связана с прямым или косвенным воздействием на волю, чувства, эмоции воспринимающего субъекта. Механизмы манипулирования достаточно сложны и плохо поддаются лингвистическому описанию. Не случайно большая часть исследований, посвященных манипулятивному воздействию, принадлежит, с одной стороны, перу психологов, определяющих манипуляцию как «тип социального, психологического воздействия», «социально-психологический феномен» (Дж. Саймон, Х. Брейкер, М. Кентор и др.) [Психологическая манипуляция, URL], а с другой, – социологов и политологов, говорящих о манипуляции как одном из «способов управления людьми путем создания иллюзий или условий для контролирования поведения» (Э. Шостром, С.Г. Кара-Мурза и др.) [Манипуляция массовым сознанием, URL]). Попытки лингвистов изучить это сложное явление ограничиваются либо описанием отдельных задач, стоящих перед говорящим по отношению к адресату сообщения (поведенческий аспект): например, *отвлечь внимание, создать проблему – предложить решение, держать людей в невежестве и посредственности, усмивать чувство вины* и т.п. [Хомский, URL], либо перечнем некоторых способов манипулирования – основного инструментария манипулятивного языка – с учетом его уровневой организации. Так, в работе А.А. Даниловой называются способы манипулирования за счет лексико-семантической вариативности, использования эвфемизмов и дисфемизмов в качестве имплицитного способа оценки события в СМИ, построения искусственного ассоциативного поля вокруг события посредством эмоционально маркированных эпитетов, повторов, использования метафор и т.п. [Данилова, 2009], то есть, по сути, описывает различные средства и способы создания текстовой выразительности, которые могут выполнять разные функции (и не только манипулятивные).

Нашему отношению к манипуляции близко определение этого явления психологом и публицистом В. Ценевым, утверждающим в своих работах, что манипуляция – это не что иное, как потакание нашим слабостям или давление на них, а потому она всегда строится на нашем отношении ко всему сказанному и показанному. Кроме того, речевое общение вообще пронизано манипуляцией: «В разной степени все мы

обладаем знаниями о том, какой результат последует за нашими сигналами, нашими стимулами (слова и жесты, эмоции и оттенки голоса). И, в большинстве случаев, независимо от качества и точности нашего знания, мы передаем внешнему миру сигналы, уже основываясь на своем предположении об ответных реакциях. Как следствие, все мы манипулируем. Каждый из нас ежедневно совершает сотни и тысячи манипуляций, передавая во внешний мир строго такие стимулы, какие желательны и полезны для нас» [Цнев, URL]. Наконец, важным для понижения манипуляции является и следующее высказывание автора: «...манипуляция в этом случае выступает как адаптивный (приспособительный) механизм межличностной (и **социальной**) коммуникации, который учитывает специфику реакций на стимулы и всегда подбирает наиболее эффективные коммуникативные стратегии, позволяющие гибко и точно "настраиваться" на индивидуальность собеседника, **либо же на социальную индивидуальность общества (менталитет, традиции, национальный характер)**» [Цнев, URL] (выделено мною. – Т.Ч.).

Таким образом, манипуляция как целенаправленный стимул любой природы обязательно преследует какую-либо цель и эта цель направлена на побуждение к появлению некоторой реакции адресата на письменное или устное сообщение автора текста. Представляется, что в текстах с псевдосоциальной оценочностью такой целью является сознательное снижение образа описываемого субъекта речи. Подобные медиатексты, часто получающие статус конфликтных (спорных), можно назвать текстами **дискредитирующего** типа.

Как следует из словарных дефиниций, *дискредитировать* кого-либо означает «подрывать доверие к кому-, чему-л.; умалять авторитет кого-л., значение чего-л.» [Современный словарь иностранных слов..., 2003, с. 217]. Тексты дискредитирующего типа, как правило, направлены на реализацию стратегии «игры на понижение» [Михалева, 2004, с. 13], основным «строительным материалом» которой в изучаемых текстах являются тактики обвинения, обличения и оскорбления, подчас маскируемые под социальную оценочность, а на деле обладающие псевдосоциальной природой. Нам близко определение коммуникативной стратегии как некоего плана «оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающих объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые в свою очередь обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определенных языковых средств» [там же]. При этом сам факт, послуживший поводом для дискредитации, может

быть каким угодно – не обязательно отрицательно характеризующим субъекта речи: главное то, как этот факт оценивается автором публикации.

Как же работают языковые механизмы дискредитации, направленные на реализацию стратегии «игры на понижение» в медиатексте?

Полагаем, что специфика этих механизмов обусловлена, как минимум, двумя составляющими: с одной стороны, особенностями **протекания коммуникативного речевого акта** в медиасфере (А), а с другой, – типичной для данной сферы структурно-логической и языковой **организацией медиатекста** (Б), вытекающей из его стилеобразующих признаков [Чернышова, 2011, с. 264–275; 2013, с. 291–297].

Остановимся на этом подробнее.

А. Наиболее важным **объективным** условием, определяющим своеобразие коммуникативного речевого акта в медиакоммуникации, на наш взгляд, является **фактор публичности** развертывания конфликтной речевой коммуникации, обусловленный вынесением обсуждаемых проблем за «границы» конфликтующих сторон с привлечением третьих лиц, в роли которых могут выступать представители различных профессий (врачи, судьи, чиновники), политических партий и общественных объединений; ученые, политики, политологи и социологи, на авторитетное мнение которых ссылается автор публикаций; частные лица, как правило, выражающие «общественное» мнение (*известно, как говорят, как утверждают, люди говорят* и под.); освещением конфликтной ситуации в СМИ и публичных выступлениях (на совещаниях, собраниях трудового коллектива и т.п.); спонтанным эпизодическим обсуждением в межличностном общении и на страницах периодических изданий (слухи, сплетни и прочие неавторизованные источники, мнение которых вводится в текст при помощи таких речевых структур, как *достоверные источники утверждают, «история (была) рассказана нам сплетником...», как нам стало известно, как поговаривают слухмейкеры, по имеющейся информации, по некоторым данным, всплыли слухи, злые языки поговаривали, по слухам*¹, и т.п.);

К важным **субъективным** факторам медиакоммуникации, видимо, относится человеческий фактор, роль которого определяется **психологическим состоянием** конфликтующих сторон, **наличием** явного или скрытого **конфликта** между ними, обостряющегося при стечении неблагоприятных обстоятельств; провокационным сигналом в развертывании речевого конфликта в сфере медиакоммуникации, в качестве которого может выступать **негативная оценочная лексика**

---

¹ Подробнее о неавторизованной информации: [Осетрова, 2010].

(фразеология), влекущая за собой сознательное или неосознанное нарушение пишущим правил и норм речевого поведения, принятых в публичной сфере социального взаимодействия, либо распространение **негативной** (порочащей, позорящей) **фактологической информации** о субъекте публикации [Чернышова, 2011, с. 68–85].

Б. Как известно, продукт речевой коммуникации – текст – включает в себя структуры двух типов: рационально-логические, соотносящие текст с действительностью, и эмоционально-риторические, направленные на адресата, апеллирующие к его воспринимающему сознанию воздействующего на его чувства, эмоции [Одинцов, 1980, гл. 4]. Взаимодействие рационально-логических и эмоционально-риторических структур характерны для текстов воздействующего типа, в том числе и для текстов медиакommunikации.

Анализ спорного текста дискредитирующего типа предполагает извлечение из него системы языковых единиц, с одной стороны, содержащих утверждение об этих фактах, а с другой – оценивающих эти факты, то есть представляющих собой высказывания комментирующего типа с ярко выраженной негативной оценочностью [Чернышова, 2013, с. 291–297].

В текстах, содержащих социальную оценочность, фактологическая информация служит основой авторской аргументации и оценки. Напротив, стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, как правило:

I. или не содержит аргументации и фактологической информации, но изобилует негативной авторской оценочностью; построенное таким образом высказывание представляет собой обобщенное отрицательное суждение говорящего, опирающееся на национальные аксиологические представления и не поддерживаемое в медиатексте системой доказательств (фактов) (тексты I типа);

II. или приводимые в качестве аргументов факты сами по себе не являются дискредитирующими, но становятся таковыми, благодаря эмоционально-риторическим структурам, ориентированным на создание негативно-оценочной тональности текста, в свою очередь, ориентированной на реализацию дискредитирующей коммуникативной стратегии. Приводимым в публикации фактам дается субъективно-оценочный комментарий, направленный на заведомо отрицательную оценку поведения личности субъекта речи, снижающую его статус, хотя сама описываемая ситуация может быть истолкована по-разному (несовпадение «серьезности» приводимых фактов и оценочного комментария) (тексты II типа);

III. или приводимые факты не имеют прямого отношения к субъекту речи, однако сопровождающий их авторский оценочный комментарий способствует проекции этих фактов на личность героев публикации [Чернышова, 2013, с. 291–297] (тексты III типа);

IV. или публикация основывается на фактах из частной жизни субъекта речи (псевдосоциальная оценочность), не имеющих отношения к его общественной деятельности (см. об этом: [Чернышова, 2011, с. 104–111]) (тексты IV типа).

Анализ изучаемых текстов с целью выделения их типологических признаков проводился по следующей схеме, объединяющей несколько методических процедур, направленных на комплексное описание изучаемого объекта:

1. Определение оценочного потенциала заголовочного комплекса как относительно самостоятельного элемента текста, который, с одной стороны, выполняет контактоустанавливающую функцию (то есть привлекает внимание читателя к публикации и поэтому должен как-то выделяться на общем нейтральном фоне своей необычностью, экспрессивностью), а с другой, – обозначает тему публикации, то есть в своей структуре содержит языковые элементы, отсылающие к содержанию текста в целом [Накорякова, 1994, с. 70].

2. Констатация факта, послужившего основой для оценочного комментария.

3. Выделение на основе текстового анализа речевых актов (далее – РА), с помощью которых реализуется стратегия на понижение (стратегия дискредитации).

4. Описание структурно-логических особенностей текста и их роли в формировании стратегии «на понижение».

5. Характеристика средств и способов, реализующих стратегию дискредитации (языковых и композиционных).

6. Учет единичности/множественности публикаций оценочного типа, посвященных одному и тому же субъекту речи.

В данной статье представлена подробная характеристика текстов первого типа, однако при выделении типичных признаков текстов дискредитирующего типа учитывались и другие типы текстов, анализ которых содержится в других публикациях [Чернышова, 2011, 2012, 2013].

***

Примером текстов, в которых отсутствие дискредитирующих фактов компенсируется негативной оценочностью эмоционального типа, могут служить публикации ИА «Атмосфера», в частности – тексты,

посвященные экс-председателю КСНД (Краевого совета народных депутатов) Алтайского края А. Назарчуку¹.

1) Авторская оценочность проявляется уже на уровне заголовка: «*Возвращение “джедая”*: Назарчук планирует вновь заняться алтайской политикой?». Ироническая, насмешливая, тональность текста актуализируется через лексему «джедай», содержание которой разъясняется в конце анализируемого текста: «*Но, видимо, Александра Н. до сих пор не покидает идея возрождения, как это однажды случилось с героем Лукаса из саги “Звездные войны”, и триумфальное восхождение под бравурную музыку на трон губернатора региона*».

2) Поводом, ставшим основой для оценочного комментария, послужило выступление А. Назарчука в защиту алтайских лесов. Замечание об этом содержится в первой части статьи: «*Однако показывать, что “порох в ягодицах” у него еще есть, Назарчук решил на примере алтайских лесов. При этом в проблемах он обвинил различные ООО и ОАО, которые занимаются заготовкой леса. Мол, это они во всем виноваты*». Читателю не удастся узнать, где, когда и при каких обстоятельствах это происходило, что свидетельствует о том, сто данный повод – всего лишь коммуникативный ход, дающий автору свободу в выражении собственно мнения.

Факт, послуживший основой для оценочного комментария, и сделанные на его основе предположения о том, что А. Назарчук планирует вновь заняться алтайской политикой, решил воспользоваться своей пока еще не забытой известностью и авторитетом перед выборами губернатора в следующем году, как-то поучаствовать в политических процессах на уровне края, показал, что он хочет вернуться в игру. Он дал понять, что мол, имейте меня в виду, давайте будем договариваться; просто готовит «шаткую» платформу для поддержки «своего» кандидата и т.п., не сопоставимы ни в количественном, ни в качественном плане – второе явно преобладает и дает автору возможность «пофантазировать» на предложенную тему без всяких ограничений.

3) Речевой акт Дж. Серль определяет как интенциональное, целеустремленное, конвенциональное действие отправителя информации, который является одним их составляющих коммуникативного акта, наряду с коммуникативным действием, приемником информации и коммуникативной ситуацией [Серль, 1986, с. 171].

¹ Текст анализируемой публикации взят с сайта ИА «Атмосфера»: <http://www.asfera.info/news/one-76824.html>

Как указывалось ранее, стратегия на понижение реализуется в текстах за счет обвинения, обличения и оскорбления – речевых действий, актуализируемых в ходе таких РА, как репрезентативы (отражают положение дел в мире), декларативы (делают объявляемое положение дел существующим), экспрессивы (выражают психологическое состояние – в нашем случае они связаны с оценочным авторским комментарием) и директивы, обладающие побудительной направленностью в отношении адресата данного сообщения.

Поскольку декларативы и репрезентативы в подобного вида текстах строятся не на фактологической основе, а на приписывании субъекту речи каких-то гипотетических действий (А. Назарчук *планирует вновь заняться алтайской политикой, решил воспользоваться своей пока еще не забытой известностью и авторитетом перед выборами губернатора в следующем году, как-то поучаствовать в политических процессах на уровне края*), мыслей (*показывать, что «порох в ягодицах» у него еще есть, Назарчук решил на примере алтайских лесов; сам Александр Григорьевич упивался значимостью собственной речи и уже представлял, как его слова в корне меняют политику региона*), чувств и эмоций (*...выйдя на суд общественности с критикой, желчью, негативом и какими-то понятными только ему интрижками*), то их дискредитирующий потенциал часто реализуется через РА введения в заблуждение [Чернышова, 2011, с. 70–80; 2012, с. 194–201], благодаря которому пишущий и говорящий в сфере массовой информации «выражает одно, скрывает другое» и таким образом воздействует на ум и поведение адресата, направляя их в выгодное для себя русло [Рябцева, 2005, с. 261–263].

Оценочный комментарий приписываемых субъекту речи действий, мыслей и чувств реализуется через экспрессивы – оценочные РА, к числу которых, по мнению Е.М. Вольф, следует причислить не только РА, «обусловленные социальными конвенциями извинения, благодарности, поздравления и т.п.», но и «оценочные высказывания, принадлежащие индивидуальным субъектам, имеющие своей иллюкутивной целью **выразить эмоциональное состояние или произвести эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на одобрении и порицании в широком смысле слова**» [Вольф, 1987, с. 167] (выделено мною. – Т.Ч.).

Объектом порицания в анализируемом тексте выступают:

– факты из прежней общественной деятельности субъекта речи (*он же не просто житель края, а целый бывший председатель Алтайского краевого совета народных депутатов, бывший депутат Совета Федерации, бывший министр сельского хозяйства России... Но все-таки – бывший...; забыл, что как минимум он сам был у власти (возглавлял алтай-*

ских парламентариев), когда формировались эти структуры и эти законы. То есть он и сам приложил руку к созданию тех самых обществ, которые он теперь называет безответственными);

– особенности его повседневного поведения (уже на протяжении пяти лет особо нигде не «светился»); которого несколько лет не было видно и слышно; Александр Григорьевич в пору председателя зачастую демонстрировал не совсем адекватные действия – как словесные, так и механические);

– его высказывания, отнесенные к прошлой его политической деятельности («Когда я уходил, я сказал, что я из подворотни лаять не буду, но свою позицию я буду отстаивать открыто, через официальные каналы, в том числе через средства массовой информации», – заявил Назарчук.);

– внимание к его возрастным и психическим особенностям и т.п. (Назарчук чувствует, что форма у него есть, но возраст все-таки уже не тот, чтобы плотно заниматься политической возней. Да и ресурсов уже недостаточно; А сейчас уже, объективно говоря, возраст обязывает к чему-то более спокойному: работа на приусадебном участке, посиделки с внуками или даже правнуками; «Подобные случаи мании величия лечатся, но не быстро», – резюмировал сотрудник Алтайской краевой клинической психиатрической больницы № 2391, что находится по адресу: ул. Луговая, 19) и т.п.

4) Структурно-логическая организация анализируемого текста строится по схеме: тема → повод, послуживший основанием для развертывания темы, → оценочный комментарий. Весь текст группируется вокруг темы текста, которую можно сформулировать следующим образом: бывший видный алтайский политик решил вернуться к активной политической деятельности. Предложением, вводящим тему, может быть названо следующее: *По всей видимости, Назарчук решил воспользоваться своей пока еще не забытой известностью и авторитетом перед выборами губернатора в следующем году.* Развертывание темы представлено следующими структурными фрагментами: а) *Обозначил себя.* б) *Тряхнем стариной; Паровозом?*, основное содержание которых – предположение о том, каковы мотивы выступления А. Назарчука в защиту алтайских лесов.

Средством связи указанных фрагментов служат маркеры, свидетельствующие о предположительном характере приводимых в тексте утверждений, например: *по всей видимости, видимо, наверное, по всей видимости, по-видимому*, а также отсылки к мнению некоторых лиц, например: *сметается политолог Владимир Фурсов, как отмечают эксперты, между тем эксперты не уверены, алтайский справедливородец Владислав Вакаев,*

как сообщили рационально мыслящие депутаты АКЗС на условиях анонимности, резюмировал сотрудник Алтайской краевой клинической психиатрической больницы № 2391, что находится по адресу: ул. Луговая, 19.

5) Композиционно текст представляет собой существенную трансформацию факта, послужившего поводом для авторского оценочного комментария, объектом которого служит выступление А. Назарчука в защиту алтайских лесов. Трансформация «нулевого уровня» композиции осуществляется через такие интенсивные трансформационные факторы [Одинцов, 1980, с. 147–151], как **иллюстрация**, в качестве которой выступают факты из прежней общественной деятельности субъекта речи, его высказывания, отнесенные к прошлой его политической деятельности, его возрастные и психические особенности т.п. (см. выше), а также **адаптация** (экстенсивная и интенсивная), в соответствии с которой в тексте представлено «дискретное», «пунктирное» развертывание композиции, концентрирующее внимание читателя только на отрицательных характеристиках субъекта речи и фактах его прежней политической деятельности.

Языко-стилевой состав лексических и фразеологических единиц также ориентирован на негативную оценку личностных и деловых качеств субъекта описания. Снижение образа субъекта речи достигается за счет ряда приемов, создающих в тексте ироническую, насмешливую, саркастическую и грубо саркастическую стилистическую тональность за счет следующих стилистических приемов:

– Сравнение на основе противопоставления (приема контраста) с известным историческим персонажем и отечественной поп-звездой на основе сходства ситуации: *В политике войти в одну и ту же реку дважды удастся крайне редко. Уйти, хлопнув дверью, а потом зайти через парадную удалось, наверное, только Черчиллю. Видимо, это решил повторить и Александр Назарчук, который уже на протяжении пяти лет особо нигде не «светился». Но Назарчук – это не Черчилль. Он даже не Алла Пугачева, чтобы раз в два года говорить, что уходит со сцены, и вновь на нее возвращаться...; героями фильмов: Но, видимо, Александра Н. до сих пор не покидает идея возрождения, как это однажды случилось с героем Лукаса из саги «Звездные войны»; Наверное, сам Александр Григорьевич упивался значимостью собственной речи и уже представлял, как его слова в корне меняют политику региона. На деле же пламенная (разумеется, в кавычках) речь А.Г.Н. напомнила монолог актрисы Веры Марецкой в фильме «Член правительства» (СССР, 1939 г.): «Вот стою я перед вами, простая русская баба, мужем битая, попами пуганая, врагами стреляная, живучая!...».*

– Сравнение на основе отождествления высказывания с осуждаемым социумом поведением: *Между тем Назарчук, по-видимому, забыл, что как минимум он сам был у власти (возглавлял алтайских парламентариев), когда формировались эти структуры и эти законы. То есть он и сам приложил руку к созданию тех самых обществ, которые он теперь называет безответственными. «Это все равно, что нагадить в автобусе и возмущаться: кто нагадил в автобусе?»*, – смеется политолог Владимир Фурсов.

– Повтор как усиление (восходяще-нисходящая градация), например: *В конце концов, он же не просто житель края, а целый бывший председатель Алтайского краевого совета народных депутатов, бывший депутат Совета Федерации, бывший министр сельского хозяйства России. Поняли, да, какой человечиче! Но все-таки – бывший...*

– Перифраз, построенный с опорой на высказывание субъекта речи: *«Когда я уходил, я сказал, что я из подворотни лаять не буду, но свою позицию я буду отстаивать открыто, через официальные каналы, в том числе через средства массовой информации»*, – заявил Назарчук. *Справедливости ради стоит отметить, что слово он свое сдержал: из подворотни лаять не стал, нет! Он стал "лаять" прилюдно!*

– Эпитеты: *это классический ход такого прожженного политика; он просто готовит «шаткую» платформу для поддержки "своего" кандидата.*

– Использование стилистического сниженного потенциала лексики, фразеологии и разговорного синтаксиса для номинации субъекта речи и приписываемых ему действий в сравнительных оборотах других синтаксических конструкциях: *Тем более что возможностей для «сшибания» политических очков в далеко не самом благополучном регионе предостаточно (ср.: сшибать / сшибить: жарг. Раздобыть, достать, выпросить) [Химик, 2004, с. 598]; Вернуться в игру Назарчук решил, словно детская неожиданность, которая случается мгновенно, быстро, и к ней всегда не готов. Так и экс-председатель КСНД ни с того ни с сего выскочил как чертик из табакерки в сезон отпусков и летней жары, выйдя на суд общественности с критикой; Однако показывать, что «порох в ягодицах» у него еще есть, Назарчук решил на примере алтайских лесов; Но если предположить, что наш герой психически здоров – ну, предположим, что это так... и др.*

б) Наконец, на дискредитирующий характер данной публикации указывает и ряд других публикаций, выставленных на сайте ИА «Атмосфера» и посвященных данной теме и данному субъекту речи: «Хочу come back: опальный Назарчук возвращается к власти?» и «Опальный Назарчук вернется в политику в лице депутата БГД?» от 16.06.2013, выполненные в той же стилистической манере.

Полученные на основе комплексного анализа текстов результаты обобщены в таблице 1.

Тип текста	Оценочный потенциал заголовочного комплекса текста	Факт – основа оценочного комментария	Структурно-логическая организация	РА	Выразительные средства (композиционные / языковые)	Другие публикации
1	Стилистически сниженная оценочность текста актуализирована в заголовке	Количественная и качественная несоизмеримость факта и оценочного комментария	Упрощенная логическая схема: отсутствие аргументативной базы	Декларативы и репрезентативы строятся не на фактологической основе, а на приписывании субъекту речи каких-то гипотетических действий (через РА «введение в заблуждение»); цель экспрессивов - произвести эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на порицании каких-либо личных качеств или поведения субъекта речи	Совокупность выразительных средств направлена на реализацию стратегии «на понижение», то есть на сознательное снижение образа субъекта речи	Наличие аналогичных публикаций, появившихся одновременно с первой, свидетельствует о реализации стратегии на целенаправленное снижение образа субъекта речи

Таблица 1. Типологические признаки текстов дискредитирующего типа

Отмеченные признаки дискредитирующего текста могут оказаться полезными в ходе производства судебной лингвистической

экспертизы текстов дискредитирующего типа со слабой фактологической базой.

Литература

- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Данилова А.А. Манипулирование словом в СМИ. М., 2009.
- Карасик В.И. Субъектное оценочное позиционирование // Лингвистика речи. Медиастилистика. М., 2012.
- Манипуляция массовым сознанием. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BF%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D1%8F>
- Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
- Накорякова К.М. Литературное редактирование материалов массовой информации. М., 1994.
- Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980.
- Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде : речеведческий аспект. Красноярск, 2010.
- Психологическая манипуляция. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BF%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D1%8F>
- Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.
- Серль Дж. Классификация иллюкутивных актов. М., 1986.
- Современный словарь иностранных слов : толкование, словообразование, толкование, этимология. М., 2003.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб., 2004.
- Хомский Н. Десять стратегий манипулирования с помощью СМИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/manipulation3.htm>
- Цнев В. Определение манипуляции. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyberia.ru/psychodiary/manipulation>
- Чернышова Т.В. Вербальные маркеры неискренности в диалоге (по материалам спорных фонограмм, попавших в сферу судебного разбирательства) // Филология и человек. 2011. № 4.
- Чернышова Т.В. Стилистический узус современной газетной публицистики (позитивные и негативные тенденции) // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М., 2011.
- Чернышова Т.В. Современный медиатекст сквозь призму оценочности (на материале текстов, вовлеченных в сферу судебного разбирательства) // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 1.
- Чернышова Т.В. Медиатекст: введение в заблуждение как прием создания выразительности и как уловка // Стилистика сегодня и завтра: Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Плениарные доклады. М., 2012.
- Чернышова Т.В. Языковые механизмы дискредитации в медиатексте (по материалам лингвоэкспертной практики) // Развитие русского медиапространства : коммуникационные и этические проблемы. М., 2013.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИМЕННОЙ АКЦЕНТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

М.Г. Шкуропацкая

Ключевые слова: ударение, именная акцентуация, антропоцентрические акцентные варианты, активные процессы в области именного ударения, литературная норма.

Keywords: stress, nominal accentuation, anthropocentric accent options, active processes in the area of the nominal stress, literary norm.

Как отмечают авторы коллективной монографии, посвященной изучению активных процессов, происходящих в русском языке на рубеже 80-90-х годов XX столетия, при оценке публичной речи с точки зрения ее соответствия литературной норме, особое беспокойство вызывает ударение [Воронцова, 2000, с. 305]. Это связано с тем, что в публичной речи данного периода широкое распространение получили формы слов с ненормативным ударением, относящихся к разным частям речи. В разговорной речи таких форм с отклонением от места ударения в словах бывает настолько велико, что это вызывает тревогу и недоумение [Ударение, URL]. Обычно выделяется несколько причин такого отклонения. Одной из причин считается влияние на постановку ударения закона аналогии, по которому один тип ударения воздействует на другой. Другой весьма существенной причиной, вызывающей отклонения в ударении, является влияние на литературный язык диалектов (местных территориальных говоров). Некоторое влияние на литературное ударение оказывает бытовая разговорная речь (просторечие), а также отдельные слова из специальной лексики (речь моряков, медиков, нефтяников, почтальонов, и т.д.). Третьей причиной, вызывающей колебания в ударении, можно считать наличие в языке большого количества заимствованных слов и стремление к их русифицированию путем постановки в них ударения по аналогии с русскими или уже достаточно обрусевшими словами. В этот круг входят и случаи изменения ударения слов, принадлежащих к лексике пассивного запаса, при активизации их употребления. Все сказанное свидетельствует о том, что вопрос о системных и функциональных свойствах русского

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 12-04-00231 «Эволюция русского словесного акцента (последняя треть XX – начала XXI веков).

ударения является весьма сложным и до конца не решенным. И сама ситуация, связанная с нарушением акцентологических норм в современной русской речи, представляется далекой от односторонней интерпретации. В данной статье содержится описание акцентологических вариантов имен существительных, обладающих разной частотностью употребления, полученных в эксперименте с носителями русского языка, и их интерпретация с позиций системных свойств русского ударения.

Вначале охарактеризуем эти свойства. Язык представляет собой систему, находящуюся в состоянии динамического равновесия, между элементами которой существуют достаточно жесткие зависимости. Системные связи в области русского ударения характеризуются таким же неустойчивым равновесием. С одной стороны, ударение является размещаемым: оно не прикреплено постоянно к какому-нибудь определенному слогу или к определенной части слова (к основе или флексии) и в разных случаях может находиться на любом слоге словоформы и на разных морфемах. С другой стороны, оно строго определено для большинства слов и находится в слове в строго определенном месте, является устойчивым и неизменяемым. Это свидетельствует о несвободе ударения. На это свойство русского ударения уже обращалось внимание исследователей. Однако данные, полученные в эксперименте, свидетельствуют о том, что общее количество слов с акцентными вариантами составило 88,58%, что в 4 с лишним раза превышает системную вариативность [Шкуропацкая, 2013]. Не случайно один из исследователей русского акцента Л.Г. Зубкова отмечает, что «закономерности акцентной парадигматики в русском языке не лежат на поверхности. Чтобы быть выявленными, они нуждаются в специальном исследовании».

При анализе русского ударения в различных аспектах (см. например: [Зубкова, 1991; Трофимова, Филиппова, 2012]) было отмечено, что для правильного понимания системного характера ударения необходимо рассмотреть комплекс факторов, гипотетически способных оказать влияние на размещение словесных акцентов.

Кратко рассмотрим наиболее важные аспекты, выделенные в звуковой форме слова, в том числе и в его акцентной структуре, опираясь на работы И.А. Бодуэна де Куртенэ, Р.И. Аванесова, Л.Г. Зубковой, А.А. Зализняка, В.Л. Воронцовой, Е.Б. Трофимовой, А.В. Суперанской и др.

«В своем характерологическом аспекте звуковая форма слова представляет собой, как пишет Л.Г. Зубкова, единство общего, особен-

ного и отдельного. Неповторимое своеобразие звуковой формы слова в каждом языке создается не столько за счет неких уникальных черт, сколько благодаря тому, как преломляются и взаимодействуют в ней универсальные и групповые характеристики» [Зубкова, 1991, с. 5]. Русскому языку как языку флективно-фузионного типа присуще разноместное подвижное ударение. Необходимость в акцентном различении форм одного слова проявляется тогда, когда возникает опасность омонимии словоформ. Поэтому разноместное подвижное ударение в формах одного слова вполне возможно и закономерно в русском языке.

При изучении сущности словесного ударения в конститутивном аспекте исследователи исходят из диалектики звуковой формы слова как единства внутреннего и внешнего. Единство внутреннего и внешнего в звуковой форме слова, в том числе и в его акцентной организации, обусловлено положением слова в иерархии языковых единиц. «Фонетически слово структурировано как значащая единица, связанная конститутивными (конституентными) отношениями с морфемой и предложением. Внутренняя форма присуща слову как определенному типу связи морфем, внешняя как синтаксически неделимой части предложения-высказывания» [Зубкова, 1991, с. 6]. К разграничению внутренней и внешней сторон в акцентной организации слова подошел И.А. Бодуэн де Куртенэ, развивая учение о двух шагах постепенного членения единого языкового целого – фонетическом и семасиологически-морфологическом в их взаимосвязи, выражающейся в морфологизации и семасиологизации фонетических элементов, Бодуэн показал целостность и иерархический характер языковой структуры, вследствие которого значащие единицы языка «...могут выступать как неделимые единства или как совокупности, составленные из отдельных частей» [Бодуэн, 1963, с. 198]. Согласно Бодуэну, ударение может оформлять слово (синтагму) либо как синтаксическую единицу (синтаксему, составную часть предложения-высказывания), либо как морфологическую единицу (комплекс морфем). В первом случае оно является синтактизованным, во втором – морфологизованным.

В русском языке ударение выполняет обе функции. Не случайно в русской лингвистической традиции сложились разные подходы к описанию словесного ударения, в которых оно рассматривается то как ударение слогов, то как ударение морфем. Правомерность обоих подходов обусловлена тем, что звуковая форма слова, как и других значащих единиц, будучи единством непрерывности и прерывности, имеет одновременно и внешний и внутренний аспекты. Внешний аспект характеризует звуковую сторону единиц языка и речи в их непрерывно-

сти, целостности, внутренний аспект свойственен им как составным прерывным единицам.

Акцентная характеристика русского слова включает четыре функционально значимых составляющих: ударность / безударность, степень ударности, место ударения, его подвижность / неподвижность. Первые два признака характеризуют слово с внешней стороны как целостный компонент в отношении к предложению-высказыванию. Словесное ударение в русском языке – это признак полнозначительности слова. Семантически и синтаксически самостоятельные слова являются самостоятельными и в фонетическом отношении. Тем самым, словесное ударение в русском языке является лексикализованным, выполняющим классифицирующую функцию.

Поскольку с внутренней стороны слово представляет собой определенный тип связи морфем, то соответственно акцентная структура слова определяется в терминах морфемного ударения. В русском языке оно может падать на корень, суффикс, реже на флексию, еще реже на префикс и постфикс. «Так, преимущественное выделение ударением знаменательных морфем в именах существительных, которые как основные носители номинативной функции в тенденции имеют максимум знаменательности, связано с синтаксической самостоятельностью субстантивного корня, способного благодаря своему семантическому весу составить потенциальный минимум не только словоформы, но и предложения» [Зубкова, 1991, с. 9].

В целом соотношение акцентуации слова с его словообразовательной, словоизменительной, морфемной и слоговой структурой слова Л.Г. Зубковой характеризует следующим образом: «словообразовательная структура слова определяет его словоизменительную парадигму и морфемное строение. Длина слова в морфемах задает его длину в слогах, а место словоформы в словоизменительной парадигме – ритмическую структуру. Соответственно в акцентуации словообразовательный фактор – непосредственно или опосредованно – оказывается ведущим по отношению к словоизменительным, морфемным и слоговым характеристикам слова. Словообразовательная структура слова обуславливает акцентный тип и морфемное ударение производного слова» [Зубкова, 1991, с. 11–12]. Ввиду отмеченной многосторонности производного слова, его акцентная характеристика должна содержать указание на выделяемый ударением компонент его словообразовательной, словоизменительной, морфемной и слоговой структур. Для производного слова обязательно указание на акцентную характеристику производящей базы и словообразовательного форманта. Указание на

акцентный тип важно для изменяемых частей речи и указание на морфемное ударение – для неизменяемых слов и для изменяемых слов и форм слов с наосновным ударением.

При определении природы словесного ударения, кроме разноразрядных структурных характеристик слова, важно учитывать также парадигматические связи слова в лексической системе, так как акцентно структурированными являются не только отдельные слова, но и те микро- и макропарадигмы, которые образуются на основе деривационных, лексико-грамматических и лексико-семантических связей между словами.

Мы провели самостоятельное экспериментальное исследование с носителями языка по выявлению зависимости русского ударения от следующих факторов: фонетического (количества слогов в слове), морфемного (характера морфемной структуры), словообразовательного (словообразовательной структуры слова). В ходе данного исследования ставилось несколько задач: 1) задача выявления вариативных зон и характера вариативности в сознании носителей языка (на материале начальных форм имен существительных); 2) задача сопоставления этих зон с акцентными вариантами в системе языка и 3) задача интерпретации полученных результатов в конститутивном и парадигматическом аспектах с учетом антропоцентричности самого интерпретируемого материала. В качестве источника для сплошной выборки акцентных вариантов использовался Орфоэпический словарь под ред. Р.И. Аванесова [Аванесов, 1987]. Отбирались все единицы, имеющие акцентные варианты: как с нормативной пометой (*и, доп.*), так и с пометой, указывающей на ненормативность употребления (*не рек., неправ., грубо неправ.*). Учитывались также пометы типа (*устар., проф., поэт.*), отражающие ситуативную норму. На данном этапе исследования были рассмотрены только начальные формы имен существительных. На основе проведенного анализа были сформированы три экспериментальных списка, включающих имена существительные в начальной форме без сведений об ударении (по 92 лексем в каждом списке). Эти варианты образуют несколько групп в зависимости от оценки варианта в Орфоэпическом словаре: 1) равноправные варианты (с пометой *и*); 2) второй допустимый (с пометой *доп.*); 3) второй не рекомендуется (с пометой *не рек.*); 4) второй неправильный (с пометой *неправ. грубо неправ.*).

В качестве информантов выступили студенты высших учебных заведений - носители средне-литературной нормы, образующие языковую среду, в которой в значительной мере отражается вариативный

потенциал языка, в целом, и эволюция словесного акцента, в частности. Эксперимент проводился в письменной форме. В инструкции содержалось задание, сформулированное следующим образом: «В предложенных существительных расставьте ударения. Если, по вашему мнению, в каком-либо слове возможен еще иной вариант ударения, укажите его. Укажите свои: пол, возраст, место рождения».

В настоящей статье описываются результаты пилотажного эксперимента, проведенного на 50 носителях русского языка – студентах филологического факультета Алтайской государственной академии образования (г. Бийск Алтайского края), родившихся в Бийске или проживающих в Бийске не менее 4-5 лет. На 276-ть стимулов-имен существительных было получено 13800 реакций, из них отказов – 53, что составляет 0,38% от общего количества реакций. Отказы были получены на 37 стимулов, затруднение вызвали заимствованные имена существительные *аполлог*, *апоплексия*, *афазия*, *камбала*, *пандемия*, *кодак*, *мезостих*, *мимикрия*, *апоплексия*, *скумбрия*, *сомали*, *табу*, *фанза*, *филер*, *филистимляне*, *флюорография*, *хавбек*, *чарльстон*, *юкагиры*, *вальдишпел*, а также следующие русские слова: *братина*, *бряцание*, *заголовок*, *изобретение*, *обух*, *осока*, *опошление*, *паропровод*, *приданое*, *сажень*, *сивуч*, *соболезнование*, *сплохи*, *упрочение*, *чесальщик*, *щепоть*.

Среди имен существительных, отобранных для эксперимента, оказалось: 97 – двухсложных слова, 105 – трехсложных слов, 37 – четырехсложных слова, 20 – пятисложных слов, 4 – семисложных слова.

Поскольку зависимость места ударения в слове определяется в первую очередь от количества слогов, рассмотрим каждую группу слов, выделенных по этому признаку, в отдельности, учитывая при этом и другие факторы. Исследование по выявлению зависимости русского ударения от фонетических и морфологических факторов, выполненное Е.Б. Трофимовой и Е.Ю. Филипповой на материале словаря З.А. Потихи [Трофимова, Филиппова, 2012], показало, что в двухсложных словах явно прослеживается влияние морфемной структуры слова. Это выражается в том, что в существительных ударным оказывается первый слог, чаще всего корневой. Правда, перевес ударных первых слогов весьма незначителен. Это обусловлено тем, что среди двусложных структур довольно часто встречается тип ББ (корневая морфема, состоящая из двух слогов. – *М.Ш.*), и слова с такой структурой имеют ударение чаще на второй слог. Следовательно, и в существительных ударение тяготеет к первому слогу только

тогда, когда этот слог корневой, а второй – флективный. Анализ морфемной структуры слова дает также возможность установить вторичную зависимость ударения существительного от его рода: в двусложных существительных женского рода ударение тяготеет к первому слогу, в существительных мужского рода – во второму.

Рассмотрим, в какой мере в материале, полученном в эксперименте, прослеживаются уже выявленные закономерности и обнаруживаются новые с учетом того, что объектом рассмотрения является не кодифицированная, а средне-литературная норма произношения, носителями которой, по словам О.Б. Сиротининой, являются студенты высших учебных заведений. Экспериментальные существительные по составу морфем в слове и по количеству слогов в составе морфемы распределился следующим образом:

1) ББ с ударением на первом слоге: *дОллар (0,02)*, *рАкурс (0,02)*, *рАпорт (0,02)*, *фОрум (0,02)*, *сОкол (0,041)*, *сУффикс (0,041)*, *сИлос (0,06)*, *Обух (0,065)*, *мОлох (0,069)*, *Овен (0,086)*, *Обух (0,08)*, *кОдак (0,13)*, *бИтум (0,16)*, *рЕвень (0,19)*, *кОклюш (0,2)*, *сАрльстон (0,25)*, *лЕмех (0,28)*, *фИлер (0,35)*, *бОндарь (0,42)*, *стЮард (0,51)*, *щЕпоть (0,56)*; *Искус (0,72)*, *щАвель (0,78)*, *слАлом (0,96)*;

2) ББ¹ с ударением на втором слоге: *арбУз (0)²*, *лосОсь (0)*, *портфЕль (0)*, *тотЕм (0)*, *помОст (0,02)*, *экспЕрт (0,02)*, *нектАр (0,04)*, *процЕнт (0,041)*, *чардАш (0,063)*, *пошЫб (0,08)*, *хавбЕк (0,08)*, *цыгАн (0,086)*, *сАжень (0,21)*, *вальдинЕн (0,26)*, *визИрь (0,28)*, *недУз (0,39)*, *сивУч (0,42)*, *партЕр (0,53)*, *столЯр (0,61)*, *квартАл (0,76)*, *вермАхт (0,78)*;

3) БГ с ударением на первом слоге: *бИта (0)*, *вЕрба (0)*, *рОвня (0)*, *бАржа (0,02)*, *дрЕма (0,02)*, *пЕшня (0,56)*, *прОйма (0,063)*, *стрОпа (0,16)*, *чЕрва (0,19)*, *Унты (0,25)*, *свЕкла (0,315)*, *фОльга (0,041)*, *тУфля (0,61)*, *фАнза (0,66)*;

4) БГ с ударением на втором слоге: *раджА (0,08)*, *пихтА (0,68)*, *хвоЯ (0,84)*;

5) БВ с ударением на первом слоге: *тАльник (0,086)*, *трАвник (0,16)*, *стАртер (0,56)*, *плАнер (0,75)*, *лОмоть (0,81)*,

¹ Буквенные символы обозначают: А – приставка, Б – корень, В – суффикс, Г – окончание.

² В скобках указываются коэффициенты вариативности, которые определяются путем отношения акцентного варианта, представленного меньшим количеством единиц, к акцентному варианту, представленному в экспериментальном материале большим количеством единиц.

6) БВ с ударением на втором слоге: *вахтЕр* (0,04), *шофЕр* (0,041), *руднИк* (0,19);

7) АБ с ударением на первом слоге: *бЕздарь* (0), *Отзыв* (0,043), *рАструб* (0,56);

8) АБ с ударением на втором слоге: *прирОст* (0), *позЫв* (0,02), *прогИб* (0,041), *призЫв* (0,06), *созЫв* (0,086), *прищУр* (0,38), *отсвЕт* (0,67);

9) Б(В)¹Г с ударением на первом слоге: *нОжны* (0,16);

10) Б(В)Г с ударением на втором слоге: *резьбА* (0), *лыжнЯ* (0,041).

Анализ показал, что существительных с ударением на первом слоге оказалось меньше (45,36%), чем существительных с ударением на втором слоге (54,64%), хотя перевес ударных вторых слогов оказался незначительным (9,28%). С учетом морфемной структуры слова материал распределился следующим образом: среди существительных с морфемной структурой ББ с ударением на первый слог оказалось 53,33%, с ударением на втором слоге – 46,66%; среди существительных с морфемной структурой БГ (корень + окончание) преобладают существительные с ударением на первом (корневом) слоге (82,35%), существительные с ударным окончанием составляют 17,64%; среди существительных, морфемная структура которых состоит из корня и суффикса (тип БВ), большинство составили существительные с ударением на корневую морфему (62,5%), существительные с ударным суффиксом составляют 37,5%; большую часть существительных, относящихся к типу АБ, составляют существительные с ударной корневой морфемой (70%), существительных с ударным префиксом – только 30%. Таким образом, при помощи ударения чаще всего выделяется корневая морфема (74,28%), приставки и суффиксы выделяются ударением в слове в одинаковом количестве (по 8,57%).

Сопоставительный анализ вариантов произношения данной группы слов, полученных от носителей языка экспериментально, со словарными данными, отражающими литературную норму произношения, показал, что средне-литературные и кодифицированные варианты произношения образуют зоны тождества (полного совпадения), варьирования (частичного совпадения) и контраста (расхождения в произношении). Зона тождества составила 10,3% от всех соотношений. В нее вошли следующие слова: *арбУз* (0), *бЕздарь* (0), *бИта* (0),

¹ Буква в скобках обозначает морфему, которая не образует самостоятельного слога.

вЕрба (0), лосОсь (0), портфЕль (0), прирОст (0), резьбА (0), рОвня (0), тотЕм (0).

В зону контраста (с процентной долей 10,3) вошли следующие существительные: *мОлох (0,069), чардАш (0,063), Овен (0,086), тАль-ник (0,086), рЕвень (0,19), кОклюш (0,2), чАрльстон (0,25), вальдшнЕп (0,26), фИлер (0,35), щАвель (0,78).*

Самой многочисленной (79,4%) и неоднородной по характеру соотносительности акцентных вариантов является зона варьирования, которую составили существительные с различными вариантами произношения. Среди имен существительных, вошедших в данную зону, в количественном отношении преобладает группа слов, у которых большую частотность имеет правильный (литературный) вариант произношения. Наибольший интерес вызывают слова, литературная норма произношения которых допускает дополнительные варианты. Среди них: *рОвня (0), Обух (0,065), хавбЕк (0,08), кОдак (0,13), Унты (0,25), бОндарь (0,42), пЕшня (0,56), щЕпоть (0,56); стАртер (0,56), отсвЕт (0,67), Искус (0,72), плАнер (0,75).* Как видно, языковое сознание носителей языка при выборе акцентного варианта в данной группе слов склоняется к ударению на первом слоге в двусложных словах, относящихся к типу ББ (*молох, овен, обух, ревень, коклюш, чарльстон, филер, щавель, кодак, щепоть, искус*); в словах, относящихся к типу БГ (*ровня, унты, пешня*) и в словах, относящихся к морфемному типу БВ (*тальник, бондарь, стартер, планер*). По сравнению с литературной нормой носители средне-литературной нормы чаще ставят ударение на корневую морфему в слове, чем на аффиксальные и флексийные. Если слово состоит из двусложного корня, то ударным чаще является первый слог (особенно, если в его составе содержится передне- или заднерядный гласный с прогрессивной аккомодацией, например *ревень, филер, щавель, щепоть, искус*). В этом ряду они уподобляются в произношении словам *силос, битум, лемех, стюард*. Ударение на втором слоге чаще всего поддерживается наличием сонорных согласных или стечением шумных согласных в первом слоге (как известно, согласные обладают большей смысловозначительной силой, чем гласные), например: *арест, вальдшнеп, вермахт, квартал, нектар, партер, портфель, процент, хавбек, чардаш, эксперт*. Кроме того, более высокая частотность ударности второго слова, по сравнению с первым, в словах *агент, атлет, арест* может быть связана с тем, что неприкрытый гласный [а] в составе первого слога подвергается качественной редукции в меньшей степени, чем прикрытый, а в словах *вальдшнеп, квартал, партер, помост, порт-*

фель, пошиб, процент, столяр, тотем, чардаш гласный в позиции первого предударного слога после твердого согласного, где нейтрализуются только две фонемы /o/ и /a/, обладает большей различительной силой, чем редуцированный гласный в позиции первого предударного слога после мягкого согласного, где нейтрализации подвергаются три фонемы /и/, /е/, /а/.

Группа трехсложных имен существительных является самой многочисленной по своему составу: она включает 105 лексических единиц. Анализ трехсложных имен существительных на материале кодифицированного словаря, выполненный Е.Б. Трофимовой и Е.Ю. Филипповой, показал, что зависимость места ударения от фонетической структуры слова проявляется, прежде всего, «как обусловленность ударения количеством слогов»: в трехсложных словах оно тяготеет преимущественно ко второму слогу [Трофимова, Филиппова, 2012, с. 92]. Анализ зависимости ударения от морфемной структуры слова показал, что «в прилагательных, существительных и наречиях наиболее часто акцентируется корень, приблизительно в два раза реже ударение падает на суффикс, на третьем месте по ударности оказывается флексия, и ничтожно малый процент отводится на префикс» [Трофимова, Филиппова, 2012, с. 93]. Трехсложные структуры имен существительных отличаются большим разнообразием. Наиболее употребительными среди них являются БВГ (*скотИна, холстИна*) и ББВ (*корАблик, фонАрик*), БВВ (*крановицИк*). «Поскольку вторым слогом в указанных структурах оказывается то корневой (Б), то суффиксальный (В) и именно этот слог характеризуется наиболее частым ударением, можно сделать вывод, что для трехсложных существительных наблюдается «отталкивание» ударения только от префиксов и флексий. Акцентировка корня и суффикса встречается приблизительно с равной частотой» [Трофимова, Филиппова, 2012, с. 95].

Рассмотрим, какое влияние оказывают фонетический и морфемный фактор на место акцентного ударения в словесном материале, полученном экспериментальным путем. При изучении зависимости места ударения от фонетических факторов – количества слогов в слове, слоговой структуры слова, характера конечной огласовки, качества гласных, количества и качества согласных в слове было выявлено следующее. Существительные с ударным первым слогом составили 25 лексических единиц: *ханжество (0)*, *засуха (0,02)*, *скупбрия (0,02)*, *трапеза (0,02)*, *фобия (0,02)*, *первенец (0,06)*, *амфора (0,08)*, *камфара (0,13)*, *кашица (0,13)*, *складчина (0,13)*, *алиби (016)*, *чи-*

стильщик (0,16), рефери (0,21), ступица (0,31), эллины (0,35), холодность (0,48), толика (0,64), пригоршня (0,65), дочушка (0,78), сполохи (0,96), мерильщик (0,96). Всего 23,8% от общего количества имен существительных этой группы.

Существительные с ударением на втором слоге составили 51 лексему: *таможня (0), индиго (0), послушник (0), посланец (0), неровня (0,02), предплюсна (0,02), нефтяник (0,02), чесальщик (0,02), зимовье (0,04), зимовщик (0,04), розанчик (0,04), торфяник (0,04), осока (0,06), туника (0,08), феномен (0,08), плешинка (0,08), якуты (0,11), церковка (0,11), ракушка (0,11), искринка (0,16), плешина (0,16), духовник (0,16), прядильщик (0,16), черпальщик (0,17), запасник (0,21), вербовщик (0,25), чувашки (0,38), огнище (0,38), браковщик (0,51), плавильщик (0,54), тефтели (0,61), рябинка (0,63), мытарство (0,68), страховщик (0,74), тутовник (0,81), знахарка (0,87), некролог (0,92), сполохи (1), апостроф (1), пуловер (1)*. Процентная доля данной группы составила 48,57%.

Существительные с ударением на третьем слоге составили 29 лексем: *аргумент (0), фейерверк (0), сантиметр (0), приговор (0), закуток (0), километр (0,02), астроном (0,02), алкоголь (0,04), берега (0,04), алфавит (0,06), коновязь (0,06), киноварь (0,08), призывник (0,13), сомали (0,16), ишиас (0,19), каталог (0,26), мезостих (0,28), ломота (0,27), быстрина (0,28), камбала (0,37), акростих (0,44), полчаса (0,42), диспансер (0,5), аполог (0,58), еретик (0,8), некролог (0,96), пуловер (1)*. Процентная доля данной подгруппы равна 27,61%.

Сопоставительный анализ вариантов произношения, полученных в эксперименте, с литературными нормами произношения, показал, что данные функциональные сферы имеют зону тождества (полного совпадения), зону варьирования (частичного совпадения) и зону контраста (полного несовпадения). В зону тождества вошли следующие лексические единицы: *стАтуя, снАдобье, хАнжество, зАсуха (0,02), скУмбрия (0,02), фОбия (0,02), тамОжня (0), индИго (0), нерОвня (0,02), предплЮсна (0,02), послУшник (0), нефтЯник (0,02), чесАльщик (0,02), послАнец (0), аргумЕнт (0), фейервЕрк (0), киломЕтр (0,02), сантимЕтр (0), астроном (0,02), приговор (0), закутОк (0)*. Всего 21,9%.

В зону контраста вошли следующие имена существительные: *ОгнИво (1), некрОлОг (0,92), спОлОхи (1), апОстрОф (1), пулОвЕр (1), мЕрИльщик (1)* (всего 5,7%).

Остальные существительные, составляющие 72,4% от общего количества имен, образуют зону варьирования. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что представления носителей языка о произношении большинства имен существительных либо полностью совпадает с литературной нормой, либо находится в том или ином приближении к ней.

Проведенный анализ показал, что в трехсложных именах существительных почти в два раза чаще акцентируется второй слог, по сравнению с первым и третьим, которые акцентируются примерно в одинаково мере (с небольшим перевесом на третьем слоге). Рассмотрим слоговую структуру слов. Слова с ударением на первом слоге имеют следующую слоговую структуру: первый слог - прикрытый открытый или неприкрытый открытый; второй – прикрытый открытый; третий – прикрытый открытый (*за/су/ха, при/горшня, сна/до/бье, спо/ло/хи, ста/ту/я, сту/пи/ца, то/ли/ка, тра/пе/за, фо/би/я, до/чу/шка, ка/ши/ца, скла/дчи/на, ре/фе/ри, э/ли/ны, о/гни/во, а/ли/би*). Исключение составляют слова *ам/фо/ра, кам/фо/ра, скум/бри/я, хан/же/ство, пер/ве/нец, хо/ло/дность, чи/стиль/щик*), в которых слоги могут быть закрытыми. Слоговая структура существительных с ударением на втором слоге, в одних случаях, совпадает с слоговой структурой слов с акцентом на первом слоге: *о/со/ка, спо/ло/хи, та/мо/жня, те/фте/ли, ту/ни/ка, чу/ва/ши, я/ку/ты, мы/тар/ство, цер/ко/вка, ра/ку/шка, не/ро/вня, пре/дплю/сна, по/слу/шник, ду/ри/ца, зи/мо/вье, и/скрин/ка, о/гни/во, о/гни/ще, пле/ши/на, хра/ми/на, сы/гро/вка*. В других случаях эти существительные имеют следующую слоговую структуру: первый слог – прикрытый открытый, второй слог – прикрытый закрытый, третий слог – прикрытый открытый (*би/рман/цы, зна/хар/ка, пле/шин/ка, ря/бин/ка*) или первый слог – прикрытый открытый, второй слог – прикрытый открытый или закрытый, третий слог – прикрытый закрытый (*бра/ко/вицк, ду/хо/вник, зи/мо/вицк, не/фтя/ник, ро/зан/чик, стра/хо/вицк, тор/фя/ник, ту/то/вник, ме/риль/щик, пла/виль/щик, пря/диль/щик, чер/паль/щик, че/саль/щик, по/сла/нец*). Существительные с ударением на третьем слоге имеют достаточно однотипную слоговую структуру: первый слог – возможны комбинации: неприкрытый и закрытый, неприкрытый / открытый, прикрытый / открытый; второй слог – прикрытый открытый, третий слог – прикрытый закрытый (*ал/фа/вит, а/но/лог, а/но/строф, ар/гу/мент, ди/спан/сер, ка/та/лог, ки/но/варь, ну/ло/вер, фе/йер/верк, а/кро/стих, ки/ло/метр, ме/зо/стих, не/кро/лог, сан/ти/метр, а/стро/ном, ко/но/вязь, при/го/вор, ал/ко/голь, е/ре/тик*,

за/ку/ток, при/зы/вник). Таким образом, слоговая структура слов, с акцентным ударением на каждом их трех слогов, характеризуется, с одной стороны, пестротой состава, а с другой стороны – единообразием. Оно заключается в том, что все слоги в словах с ударением на первый слог являются, как правило, прикрытыми и открытыми; слова с ударением на втором слоге имеют прикрытым и закрытым второй и/или третий слог; в словах с ударением на третьем слоге содержится стечение согласных в начале первого или второго слога и в конце третьего слога. Иными словами, строение слога при перемещении акцента в слове «слева направо» усложняется. Ударение «падает» на более сложные по структуре слоги.

Определение места ударения и для данной категории слов влиянием одного фонетического фактора, при всей его значимости, конечно, не исчерпывается. Слоговая структура представляет собой поверхностный слой лексемы, внешнюю ее форму, тесно связанную с внутренней формой – морфемной структурой слова. Рассмотрим влияние морфемного фактора на постановку акцента в трехсложных словах.

Данные слова имеют следующие морфемные структуры: ББГ (20 слов), БББ (17 слов), БВГ (14 слов), БВВ (9 слов), БВ(В)В (7 слов), ББ1Б2 (5 слов), ББВ (4 слова), БВ(В)Г (4 слова), АБГ (4 слова), (А)БВГ (2 слова), АБВ (2 слова), ББ(В)Г (2 слова), Б1оБ2 (2 слова). Данные структуры можно свести к нескольким основным:

- ББГ и ББ(В)Г к ББГ (всего 21 слово);
- БВГ, (А)БВГ и БВ(В)Г к БВГ – (всего 20 слов);
- БББ и ББ1Б2 к БББ – (всего 22 слова),
- БВВ и БВ(В)В – (всего 16 слов).

Слова с акцентом на первом слоге могут иметь следующую морфемную структуру (в скобках указано количество слов): **ББГ** (11), **БВГ** (4), **БББ** (2), **БВВ** (3). Ударным является только первый слог в составе корневой морфемы (всего 25 слов). В словах с акцентом на втором слоге обнаруживается следующая морфемная структура: **ББГ** (10), **БББ** (7), **БВВ** (2), **АБГ** (2), **АБВ** (1) – всего 22 слова; **БВГ** (13), **БВВ** (15), **А(Б)ВВ** (1) – всего 29 слов; сохраняется ударность слогового гласного корня, однако почти в полтора раза чаще ударной является суффиксальная морфема. В словах с ударением на третьем слоге выявляются следующие морфемные структуры: **БББ** (18), **ББГ** (3), **БВГ** (2) и **БВВ** (2), в которых почти в четыре раза чаще ударение падает на корневую морфему. Общий итог анализа влияния морфемной структуры на место ударения следующий: слова с ударным корнем

составляют 61,68% от всего состава слов, с ударным суффиксом – 29,9, с ударным окончанием – 6, 54, с ударной приставкой – 1,86. При этом в словах с ударной корневой морфемой ударение примерно в одинаковом соотношении падает на все три слога в трехсложных словах: (23 / 22 / 20), в словах с ударным суффиксом ударение главным образом падает на второй слог (0 / 29 / 3). Сопоставительный анализ акцентных характеристик слоговой (ритмической) и морфемной структур слова свидетельствуют о том, что характер и объем ударного компонента, его соотношение с безударной частью, объем и численный состав входящих в нее элементов зависят от структурной (слоговой) организации слова, а она в свою очередь коррелирует с морфемным составом слова. Вместе с тем морфемная и ритмическая структура слова представляют собой поверхностные, вторичные характеристики, благодаря взаимодействию которых словоформа предстает как некая морфо-ритмическая целостность. Однако первичным глубинным слоем словесной просодики являются словообразовательная структуру слова. Таким образом, изменения акцентных свойств компонентов словообразовательной, словоизменительной, морфемной и слоговой структур слова в зависимости от непроезводимости / производимости и от ступени словообразования осуществляется в тесном взаимодействии всех перечисленных структур. Поэтому сдвиги в словообразовательной структуре чаще всего влекут за собой изменение акцентной схемы, морфемного ударения и ритмической структуры. Чаще всего такая взаимосвязь наблюдается на первой ступени словообразования как наиболее активной в акцентном отношении [Палеева, 1988].

Рассмотрим место акцентного ударения в трехсложных словах в зависимости от словообразовательного фактора. Проанализированные нами слова являются вторыми (25 слов) или третьими (15 слов) звеньями словообразовательных цепочек. От односложных имен существительных было образовано 5 лексических единиц. При этом в двух словах ударение сохранилось на начальном слоге (*храм* – *храмина*, *дочь* – *дочушка*), в двух словах – перешло на второй слог (*нар* – *парная*, *прясть* – *прядильщик*), в одном слове – на третий слог (*час* – *полчася*). Наибольшую по численности группу мотивирующих слов составили двусложные имена существительные с ударением преимущественно на первом или втором слоге. При образовании производных имен существительных ударение в девяти случаях переходит с первого на второй (третий) слоги (*церковь* – *церковка*, *черпать* – *черпальщик*, *Бирма* – *бирманцы*, *быстрый* – *быстрина*, *дура* – *ду-*

рица, *Ересь* – *еретИк*, *каша* – *кашИца*, *мера* – *мерИльщик*, *плюсна* – *предплюсна*) или со второго на третий (*закут* – *закутОк*). В нескольких случаях на первой ступени словообразования ударение сохраняется на первом (*пЕрвый* – *пЕрвенец*, *чИстить* – *чИстильщик*, *знахарь* – *знахарка*) или на втором слоге (при этом акцент часто перемещается с корневой на словообразовательную морфему: *огОнь* – *огниВо*, *огОнь* – *огниИце*, *искрА* – *искриИнка*). В немногочисленных случаях в словах с ударением на третьем слоге при образовании производного на первой ступени словопроизводства акцент перемещается с третьего слога на второй: *страховАть* – *страховИщик*, *вербовАть* – *вербовИщик*.

На второй ступени словопроизводства при образовании суффиксальных существительных ударение с первого слога может перемещаться на второй (*браК* – *браковИк*, *неФть* – *нефтяИк*, *плавИть* – *плавИльщик*, *роЗа* – *розанчик*, *торф* – *торфяИк*, *тут* – *тутовИк*) или на третий слог (*дух* – *духовИк*, *звАть* – *призывИк*); сохраняться на втором слоге, однако с окончания переходит на суффикс (*зима* – *зимовИк*, *зима* – *зимовье*) или с одного суффикса на другой (*игрАть* – *сыгрОвка*). При образовании префиксальных производных акцент с первого слога может переходить на второй слог (*рОвный* – *нерОвня*, *слушАть* – *послушИк*) или на третий слог (*звАть* – *призывИк*), оставаться на третьем слоге, однако с суффикса переходить на корень (*говорИть* – *приговОр*).

Четырехсложные имена существительные представляют собой слова с ударением на первом слоге (*бИсерИнка* (0,35) *квАшЕние*, *роЖеница* (0,1), *рЫкание* (0,02) – всего 4 слова), с ударением на втором слоге (*афАзия* (014), *ваЯние* (0,04), *знамЕние* (0,04), *симмЕтрия* (0,04), *раздрОбленность* (0,08), *феЕрия* (0,19), *побАсенка* (0,25), *иконопись* (0,25), *придАное* (0,27), *сливОвица* (0,53), *квАшЕние* (1) – всего 10 слов), с ударением на третьем слоге (*индустриЯ* 90,02), *уточнЕнность* (0,02), *атмосфЕра* (0,04), *заголовОвок* (0,04), *юкагИры* (0,09), *щелковИца* (0,13), *веронИка* (0,17), *ягодИцы* (0,22), *украИнцы* (0,34), *базилИка* (0,35), *мимикриЯ* (0,42), *путепрОвод* (0,62), *бензопрОвод* (0,640), *христиАнин* (0, 82), *трубопрОвод* (0,96) – всего 18 слов). При этом наиболее высока частотность ударности слогов в составе корневой морфемы (23 слова); на втором месте по степени ударности находится суффиксальная морфема (8 лексических единиц).

При образовании производных существительных на третьей ступени словообразования происходят аналогичные процессы: 1) ударение сохраняется на втором слоге (*брыцАть* – *брыцАние*, *ва-*

Ять – ваЯние, икОна – икОнопись, полЕно – полЕнница, юрОд – юрОдивый); 2) ударение перемещается с первого слога на второй (с корневой морфемы на суффиксальную): *квАсить – кваиЕние, слиВа – сливОвица*; (ударение сохраняется на корневой морфеме (*бАсня – побАсенка*)); 3) дарение перемещается с первого слога на третий (*бИСер – бисерИнка, тОнкий – утончЕнность*). Все перечисленные имена существительные представляют четырехсложные слова.

Сопоставительный анализ вариантов произношения, полученных в эксперименте, с литературными нормами произношения, показал, что данные функциональные сферы не обнаруживают зоны тождества (полного совпадения), но имеют зону варьирования (частичного совпадения) и обширную зону контраста, куда вошла почти половина слов данной группы имен существительных (*рОженица (0,1), рЫкание (0,02), знамЕние (0,04), симмЕтрия (0,04), побАсенка (0,25), икОнопись (0,25), квАиЕние (1), путепрОвод (0,62), бензопрОвод (0,640), христиАнин (0, 82), трубопрОвод (0,96), веронИка (0,17), юкагИры (0,09)*).

Таким образом, на нулевой ступени ударными являются корень, суффикс, окончание. Преобладает ударение на корне. На первой ступени словообразования в словах представлены три типа ударения – корневое, суффиксальное и флексийное, при этом ударность корня значительно снижается, ударным чаще становится словообразовательный суффикс. Наибольшее разнообразие морфемного ударения наблюдается на второй ступени, где наряду с указанными типами ударным становится префикс. Для данной ступени словообразования, также как и для производных первой ступени, характерно преобладание наосновного ударения за счет увеличения частоты суффиксального ударения. Однако на следующей, третьей ступени доля корневого ударения резко увеличивается, поскольку в иерархии языковых значений на первое место выдвигается лексическое, и его значимость подчеркивается посредством акцентного выделения знаменательной морфемы. Соответственно, хотя производящие основы, а значит, и производные основы с повышением ступени словообразования постепенно усложняются, они в значительном количестве цепей постоянно являются ударными.

Подводя итоги проведенного пилотажного исследования, отметим, что экспериментальный материал обнаруживает систему, имеющую глубинное сходство с кодифицированной акцентной системой и, вместе с тем отличающуюся от нее. Общей тенденцией в ударении двух систем является тенденция к сохранению ритмического равно-

веса, которая заключается в тяготении ударения к центру со смещением во вторую половину слова. В экспериментальном материале данная тенденция особенно наглядно прослеживается в многосложных словах. Например, трехсложные слова с ударением на втором и третьем слогах составляют 76,19% от общего количества слов данной группы; четырехсложные слова с ударением на третьем слоге составляют 56,25% от общего количества четырехсложных слов. Следует отметить тот факт, что в сфере антропоцентрической орфоэпии отмеченные тенденции проявляются в большей степени, чем в кодифицированной системе, например в словах: некрОлог¹ (0,92), сплОхи (1), апОстроф (1), базилИка, бензопрОвод, братИна, быстрИна, веронИка, дурИща, духОвник, знамЕние, знахАрка, икОнопись, индустрИя, квАшЕние, оленИна, паропрОвод, путепрОвод, трудопрОвод, тутОвник, фенОмен, храмИна, христиАнин, церкОвка, юкагИры, ягодИцы.

Следующая закономерность, проявляющаяся как в кодифицированной системе, так и в сфере антропоцентрической орфоэпии, состоит в том, что ступень словообразования существенно влияет на акцентные свойства производящей базы и формантной части, основы и флексии, разных типов морфем и слогов (начального, срединного и конечного). Данная закономерность состоит в следующем: исходные слова, взятые в совокупности, равно как и производные одной ступени словообразования, обладают известным формально-семантическим сходством, нивелирующим частеречные различия. Элементы каждой из этих парадигм характеризуются некоторой акцентной общностью. Общая закономерность в экспериментальном материале проявляется следующим образом: имена существительные, образованные от имен существительных с ударением на первом слоге дают переход ударений на второй или на третий слоги, существительные, образованные от имен с ударением на втором слоге сохраняют именно это ударение достаточное для соблюдения равновесия.

Третья закономерность в смене ударения связана с морфологическими показателями. Она состоит в следующем. Поскольку длина словоформ в слогах увеличивается с усложнением их морфемного строения и для разных ступеней словообразования характерны разные ритмические структуры, то прикрепленность морфемного ударения к той или иной ритмической структуре и частота отдельных ритмических структур с определенным типом морфемного ударения меняется по мере повышения ступени словообразования. В эксперимен-

---

¹ Подчеркиванием обозначена литературная акцентная норма произношения.

тальном материале данная закономерность проявляется в том, что в трехсложных имена существительных с ударением на первом слоге оно обычно падает на корень, с ударением на втором слоге – на корень и суффикс, с ударением на третьем слоге – возвращается на корень. В четырехсложных словах с ударением на втором и третьем слогах под ударение попадает корневая или суффиксальная морфема. Акцентно активным компонентом словообразовательной структуры выступает главным образом формант, чаще всего суффикс.

Различия между экспериментальным материалом и словарными материалами заключаются как в оценке отдельных единиц, так и в характеристике определенных групп лексики. К числу таких групп относятся имена существительные, образующие зоны контраста. По экспериментальным данным, наибольшее количество таких слов составляют четырехсложные слова, произношение которых ни в одном случае не совпало полностью с кодифицированными вариантами произношения.

Литература

- Аванесов Р.И. Орфоэпический словарь русского языка : Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1987.
- Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. II.
- Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000.
- Зубкова Л.Г. Словесное ударение в характерологическом, конститутивном и парадигматическом аспектах // Вопросы языкознания. 1991. № 3.
- Палеева Т.И. Акцентная структура словообразовательных цепей : дис. ... канд. филол. наук, М., 1988.
- Русская грамматика : научные труды. М., 2005. Т. II.
- Трофимова Е.Б., Филиппова Е.Ю. Зависимость распределения словесного акцента от фонетических и морфологических факторов // Язык. Культура и межкультурная коммуникация, Ховд, 2012.
- Ударение. Наука и обучение. [Электронный ресурс]. URL: <http://nashol.cov2012011562886/udarenie.html>
- Шкуропацкая М.Г. Экспериментальное исследование вариативности ударения в начальных формах имен существительных в русском языке // Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров-основателей филологического факультета Алтайского государственного университета Иды Александровны Воробьевой и Владимира Дмитриевича Морозова. Барнаул, 2013 (в печати).

**ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ КАК ФОРМА ФИЛОСОФСКО-
ЭСТЕТИЧЕСКИХ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ИСКАНИЙ
ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

С.И. Якимова

Ключевые слова: поэтический диалог, философско-эстетические и духовно-нравственные искания, литература русского зарубежья Дальнего Востока, интеграционные процессы, межкультурная коммуникация.

Keywords: poetic dialogue, philosophical-aesthetic and spiritually-moral quest, Russian emigre literature of the Far East, integration processes, intercultural communication.

Поэтическое наследие писателей русского зарубежья Дальнего Востока представляет собой уникальную систему, основанную на глубоких внутренних связях и пересечениях, обусловленных сложной социокультурной динамикой эпохи в контексте глубинно востребованной полемики с гуманистическими традициями русской классики. Одной из особенностей литературы русского зарубежья Дальнего Востока, в отличие от западноевропейской ветви русской эмиграции, является необыкновенно высокая степень единения русских писателей, оказавшихся в окружении чужого языка и малознакомой культуры Востока.

Тенденция к единению русских писателей в Китае в 1920-е годы проявилась в создании многочисленных литературных кружков, объединений, журналов и газет, в выпуске совместных поэтических сборников и т.д. Объединяющим началом каждого из таких начинаний всякий раз становилась конкретная фигура почитаемого как в России, так и в эмиграции литературного деятеля, писателя или поэта.

Для русской эмиграции коррелятом национального самосознания всегда была русская культура. Начиная с Петровской эпохи, основную миссию выражения творческого потенциала русской культуры выполняла литература. Литературоцентризм, как характерологическая черта русской культуры, в XX веке с новой силой проявил себя в творчестве эмигрантов. Авангардные позиции литературы были обусловлены стремлением сопротивлявшихся процессу культурной интеграции эмигрантов сохранить свою «русскость». Ведь язык, слово всегда выступают основными признаками принадлежности людей к одной национальной группе. Именно русский язык, русское слово, устное и

печатное, связывало разбросанных по свету эмигрантов, создавая единственное в мире государство без границ – Россию за рубежом. *«Именно по этой причине, – подчеркивает один из крупнейших исследователей русской культуры за рубежом Марк Раев, – культурная жизнь и творчество в Русском зарубежье развивались по преимуществу, если не исключительно, в словесной форме»* [Раев, 1994, с. 22].

До настоящего времени малоизвестным и неизученным остается такой феномен поэтического творчества русских писателей-эмигрантов в Китае, как необыкновенно распространившиеся в практике тогдашней жизни поэтические диалоги между писателями, причем, как воображаемые, между поэтами-эмигрантами и классиками, так и протекавшие в режиме реального времени поэтические полемики внутри диаспоры. Поэтический диалог стал одной из эффективных форм единения творческих усилий россиян-литераторов эмиграции в осмыслении и переживании происходивших драматических событий эпохи, универсальным и весьма продуктивным способом самоопределения и самовыражения художника, оказавшего в окружении новой, совершенно особой, нежели русская, культуры. Полемизируя с корифеями русской классики, литературы Серебряного века, равно как и друг с другом, русские писатели восточной диаспоры осуществляли свои художественные искания, вырабатывали столь необходимые им в изменившихся социокультурных обстоятельствах философские и эстетические принципы сохранения и развития русской жизни и русской культуры и литературы в изгнании.

Обнаруженные в результате поисковой работы новые, богатые фактические материалы из творческого наследия русской эмиграции на Дальнем Востоке побудили нас к выявлению и анализу главных аспектов бытования русской литературы за рубежом в контексте русской классической традиции и основных тенденций развития отечественной поэзии Серебряного века.

Поэзия русского зарубежья Дальнего Востока проявила необыкновенный стоицизм, верность традициям русской классики, ее духовно-нравственным и художественным приоритетам. Среди поэтов-классиков, кому обращали свои поэтические послания русские поэты-эмигранты из Китая, были, прежде всего, А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев и др. Из современников – рано ушедшие из жизни, неизменные А. Блок и Н. Гумилев. Из поэтов дальневосточной диаспоры активную поэтическую переписку вели между собой Арсений Несмелов и Леонид Ещин, Валерий Перелешин и Лидия Хаиндрова, Марианна Колосова и Ольга Скопиченко, Арсений Несмелов и Всеволод Иванов. Поэты дальневосточной эмиграции, развивая эпистолярный жанр, адресовали друг другу поэтические

послания, вступали в уникальную поэтическую полемику, часто переходившую в феномен творчества. Что побуждало поэтов-эмигрантов к подобному? И чем объективно стали поэтические диалоги между современниками и классиками, а также поэтическая переписка современников, оказавшихся вне России, но не утративших с ней внутренних связей? Необходимость в моральной, творческой и духовной поддержке друг друга рождала поэтические диалоги современников-эмигрантов, чем в значительной мере способствовала их творчеству и жизни в изгнании.

Имя Пушкина стало духовно-нравственной опорой и ориентиром для русской эмиграции, как на Востоке, так и на Западе. Примером творческого и гражданского служения России А.С. Пушкин продолжал своим творчеством жить и духовно созидать в изменившихся социально-политических обстоятельствах, с ним сверяли свою жизнь и ценностные ориентиры многие поколения русских эмигрантов. В годы Великой Отечественной войны мотивы пушкинской поэзии проявили свое необыкновенное созвучие драматизму времени в стихотворении харбинской поэтессы Елизаветы Рачинской (8.07.1904, Тюсьбю, Финляндия – 23.01.1993, Лондон), опубликованном в сборнике «У родных рубежей» (Харбин, 1942). Проникновение «в смысл неторопливых строф» А.С. Пушкина открывает для лирического героя стихотворения «Пушкин» Е. Рачинской магию «таинственных созвучий» поэтических душ через века, наделяет его мир жизнеутверждающим пафосом:

*Вникаю в смысл неторопливых строф.
Как тон их верен, строг и полнозвучен...
И дивный ритм магических стихов
Душе моей таинственно созвучен.
Как был велик его мятежный дух:
Сто лет прошло – а песнь не отзвучала,
И так же все тревожит смертный слух
И шевелит в душе бессмертное начало*
[Рачинская, 1942, с. 113].

Нерасторжимый пушкинский синтез трагедийности и оптимизма, пронизывающий эти стихи, сближает эпоху Пушкина и эпоху послереволюционного раскола России.

Создавая литературу в лучших национальных традициях, сверяя ее с вершинными творениями русских классиков, русская дальневосточная эмиграция несла ее в страны Востока, способствуя взаимопроникновению и сближению двух культур и двух цивилизаций – западной и восточной.

Поэты-эмигранты воспринимали и ощущали русскую классику как вечную, временем проверенную ценность, именно в ней искали ответы на
196

сиюминутные вопросы жизни и творчества. Глубоко внутренней, творческой полемикой со стихотворением А.С. Пушкина «Пророк» пронизаны строки одноименного поэтического произведения Николая Шилова (псевдонимы: Герцог Лоренцо, Коля Шилов; ? – 1936, Шанхай):

*Я пробродил по бездорожью
Три тысячи седьмую ночь,
Устал, заснул и слово Божье
Услышал: «Встань! Гляди! Пророчь!»
Потом святая катастрофа
Страну родную потрясла.
И вяля я гласу Саваофа
И пробудился ото сна [Шилов, 1929, с. 1].*

Драматические реалии жизни соотечественников воссозданы поэтом конца 1920-х годов через призму пушкинских образов и мотивов. В стихотворении Н. Шилова звучат пушкинские мотивы высокого предназначения поэта-пророка, поэта-патриота и гражданина, без раздумий принимающего на себя груз моральной ответственности за судьбу страны и своего народа. Несмотря на пронизывающие стихотворение драматические мотивы горестного странничества, катастрофичности, вселенского пожара, горящего чертополоха и смрада, его мощный жизнеутверждающий пафос («*И зрю за этой гарью смрадной // Я воскресение страны*») роднит эти стихи с пушкинским жизнелюбием и светом.

Поэты русского зарубежья, живя на чужбине, открывали для себя и своих читателей-соотечественников в поэтическом наследии русской классики новые глубины и грани, учились у нее высоким, чистым и прекрасным чувствам, которые одни только и способны подвигнуть человека превозмочь непреодолимое. Алексей Ачаир (настоящая фамилия Грызлов; 05.09.1896, станица Ачаир близ Омска – 16.12.1960, Новосибирск) в 1939 году опубликовал в харбинском журнале «Рубеж» стихотворение, представляющее собой художественную ретроспекцию с очень знакомым и близким для всякого русского человека названием «Тургенев». Пронизанное глубокой ностальгией стихотворение до недавнего времени не было знакомо современному читателю-соотечественнику:

*Как шквал, запрокинув и вспенив
прозрачные волны руки,
встает предо мною Тургенев,
читающий тихо стихи.
Ласкается голос негромкий,
и вдруг разрывается вихрь.*

*И рушится сердце в обломки,
и кровь выступает на них.
И снова, как сказка, как небыль,
бесшумно проносится вновь –
в пространство ли, в вечность ли, в небо ль –
прозрачная тайна – любовь.
И скрытые ясною тканью,
как мир за стеклянной стеной,
немые, глухие рыдания
мне слышатся нежной струной.
Ни крика, ни стоны, ни вздоха, –
Что чуждые тешить сердца!..
Лишь гимн красоте одинокой,
не преданной словом певца [Ачаир, 1939, с. 14].*

Стихотворение преисполнено тонким, поэтическим пониманием мира чувств и переживаний большого русского писателя, создателя-мастера «тайной психологии». Перед нами – научно-поэтическое исследование творческой лаборатории русского классика, приверженного строгой сдержанности чувств, воплощающей их силу, глубину и искренность. Стремление остаться «вровень» с классикой, сохранить для последующих поколений высокую планку философско-эстетических и духовно-нравственных достижений отечественной культуры и литературы стало смыслом и целью дальнейших исканий русской поэзии в эмиграции.

Любовь и преклонение перед русской классической литературой творчески по-разному выражались в поэзии дальневосточной эмиграции. Порой это были шуточные, веселые стихи и куплеты, но за их внешней легкостью всякий раз скрывалась грусть и боль по прошлому, в котором осталось все самое лучшее. Всеволод Никанорович Иванов (19.11.1888, г. Волковыск Гродненской губернии – 09.12.1971, г. Хабаровск), незадолго до эмиграции проживая во Владивостоке, опубликовал в литературно-художественном приложении к воскресному номеру газеты «Русский край» от первого января 1922 года стихотворение «Литературная любовь». В нем перед лирическим героем, как в калейдоскопе, мелькают влюбленные пары из эпохи русской и мировой классики. Их чувства просты и вместе с тем истинны и глубоки. Пьянящее чувство любви из далекого прошлого пленит лирического героя и пробуждает в его душе надежды на высокое и светлое:

*Шампанского бокалы напиев,
Прочтем «Женитьбу Фигаро»,
Припомним, как любил Тургенев*

Всю жизнь Полину Виардо...
 При свете свеч, в своих мансардах,
 Подымет пенистый бокал...
 Был Пушкин в черных бакенбардах
 И Гончарову целовал...
 На зеркалах фигуры плоски,
 В зеркальных даях тонкий свет...
 Изячно посылал Жуковский
 А.А. Воейковой привет.
 Пролилась золотая пена
 На твой нарядный, черный бант...
 В Майорке обнимал Шопена
 Столь легкомысленный Жорж Занд.
 Вино искрится в жидком свете,
 Оно старо и нам пример...
 Любил седоволосый Гете
 Стихи Марианны Виллемёр...
 О память, память... Помоги мне...
 Еще стихи, еще портрет...
 Слилс друг с другом в вечном гимне
 Вновь повторяемый куплет...
 Слилс с рокочущим прибоем
 С лазурью пены переплет...
 Пойдем бродить на море двое
 И щуриться на яркий блеск [Иванов, 1922, с. 3].

Знаковые фигуры прошлого, представленные в бытовом, казалось бы, снижающем плане, явлены в стихотворении подлинно живыми, реальными и близкими с их глубоко искренними чувствами и переживаниями, заряжают жизнелюбивой энергетикой ту часть русской интеллигенции, что находилась на пороге своей вынужденной эмиграции. Ирония и балагурство, пронизывающие эти стихи, есть не что иное, как форма самозащиты от жестокости мира, раскалывающегося на ее глазах. Мировые традиции смеховой культуры возвращаются в актив поэтического арсенала русской эмиграции, способствуя в условиях кризиса общечеловеческих ценностей сохранению внутренней гармонии человека и мира.

В условиях напряженной социокультурной динамики, вызванной эмиграционными процессами, драматичнее становился и поэтический диалог с отечественной классикой, всегда олицетворявшей гуманистические основы человеческого существования, которое теперь разрушалось на глазах. В ответ на катастрофические проявления бытия поэтическая

полемика в стихах русских эмигрантов приобрела драматическое звучание. Трагизм эмигрантских судеб усиливал в сердцах изгнанников чувства сомнения, разочарованности, порой подвигал на протест. Вспыхнувшая философско-эстетическая полемика поэтической диаспоры и русской классики запечатлела тот непродолжительный период, когда эпоха Хаоса выразила свой скепсис в отношении к идеалам Космоса. Не соглашаясь с глубокими философскими утверждениями русской классики, Михаил Волин (Володченко Михаил Николаевич; 12.08.1914, станция Имяньпо КВЖД – 17.05.1997, Аделаида, Австралия) в стихотворении «Разговор с Тютчевым» формулирует свои острые вопросы к одному из ярких представителей русской классики:

*«Блажен, кто посетил сей мир
в его минуты роковые»...
Блажен ли, право? Страшный мир,
Где я бренчу еще на лире,
Уж слишком долог, слишком он
Хмельным вином отягощен.
И в жизни сей, где правит случай
И темный ангел Азраил,
Я не согласен с вами, Тютчев,
Что счастлив тот, кто посетил
Сей мир в минуты роковые.
Сказать по правде, всеблагие,
С меня довольно. Рвется нить.
Я место рад освободить! [Волин, 2001, с. 119–120].*

Глубинно амбивалентный, пронизанный скепсисом и безверием в силу разума мира и человека, этот поэтический диалог вместе с тем обнажает духовно-нравственную силу и верность лирического героя-поэта своему ремеслу, которое, как представляется его затуманенному сознанию, не в состоянии изменить мир к лучшему. Стихотворение, воссоздавая реальный трагизм неприкаянности эмигрантской жизни, истинную глубину человеческих страданий, граничивших с отчаянием, своим пафосом близко оптимистической трагедии. Если в самые безысходные моменты жизни человеческая душа устремляется к поэзии, к творчеству, значит, жизнь остается высочайшей ценностью, и борьба за нее продолжается. Поэтическое творчество, утверждает автор стихотворения, не есть «пир во время чумы», оно – источник света и добра, которые необходимы миру для сохранения жизни.

Драматизм переживаний отринутых родиной людей приводил их порой к ошибкам и заблуждениям. Поэзия сохранила и донесла до нас,

потомков, и эти грани жизни русских эмигрантов в Китае. Арсений Несмелов (настоящая фамилия Митропольский Арсений Иванович; 8(20).06.1889, Москва – 06.12.1945, Гродековская пересылка близ Владивостока) цикл своих стихов «Без России», изданный в Харбине в 1931 году, открывает полемическим стихотворением без названия:

*Свою страну, страну судьбы лихой,
Я вспоминаю лишь литературно:
Какой-то Райский и какой-то Хорь:
Саводников кладбищенские урны!* [Несмелов, 1990, с. 80].

Лирический герой исполнен горестных чувств утраты, необратимой разлуки с родиной, где у него не осталось ни одной родной души («*Не получить мне с родины письма // С простым, коротким: «Возвращайся, милый!»*). Боль утраты безмерна. Финал стихотворения со всей полнотой обнажает противоречивые чувства лирического героя к родной стране через его отношения с русской классикой:

*Уже печаль, и та едва живет,
Отчалил в синь ее безмолвный облак,
И от страны, меня отвергшей, вот –
Один пустой литературный облик*
[Несмелов, 1990, с. 80].

Самообман, как способ самоутешения через упрощение экзистенциальных вопросов бытия, не приносит облегчения лирическому герою: русская классика неотступно остается с ним и в изгнании. Сохраняя внутреннюю связь с русской классикой (И.С. Тургенев, И.А. Гончаров и др.), лирический герой вместе с тем в полной мере не осознает масштабность ее влияния, бравивирует ею. Безысходность и пустота внутреннего мира изгнанника, преисполненного чувства боли от утраты Родины, отвергшей его, рождают литературные ассоциации с классической темой «лишнего человека». Эти интертекстуальные связи свидетельствуют о философско-эстетическом, духовно-созидательном влиянии классики на литературу и жизнь русской диаспоры. Именно ей, русской классике, которая своими персонажами «шагнула» в реальную жизнь лирического героя-изгнанника, довелось стать тем необходимым в вынужденной эмиграции «спасательным кругом», «лучом света» в духовно-нравственных поисках и даже громоотводом на долгом и непростом пути эмигранта к надежде на новое обретение родины. Русская классическая литература, как последний якорь, хранила нерасторжимость связи диаспоры с Россией.

Поэтические диалоги поэтов русского зарубежья Дальнего Востока для своих современников-соотечественников актуализировали важнейшие

проблемы бытия и творчества, а для последующей эпохи запечатлели и сохранили широкую палитру бытования русской литературы XIX и XX веков в контексте драматических событий первой половины XX века. Эта нравственно-философская полемика с отечественной классикой органично дополнялась активным диалогом с поэтами Серебряного века, отразившими в своем творчестве проблемы нового, двадцатого, столетия.

XX век стал новой заметной вехой в развитии продуктивных, межкультурных, отношений между народами и странами азиатско-тихоокеанского региона. Пресловутая антитеза Восток – Запад на протяжении XX века обнаруживала свою все большую продуктивность в интеграционных процессах. Динамика социокультурных процессов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Северо-Восточной Азии в данный период в большой мере способствовала этому. Процесс взаимодействия культур и литератур существенно активизировался в эпоху Серебряного века. В это время Восток стал притягательным для многих русских поэтов и писателей, которые стремились через знакомство с философией, культурой и литературой Востока разгадать его загадку, приблизить себе и сопоставить со своим миропониманием малознакомое для своих соотечественников миропонимание народов соседних азиатских стран.

В художественном исследовании Востока творческое наследие Александра Блока и Николая Гумилева стало программным и базовым для российских писателей, оказавшихся в странах Востока. Поэтика восточной культуры и литературы, осторожно и трепетно осваиваемая русскими писателями и художниками, способствовала развитию межкультурной коммуникации, открывала новые горизонты и перспективы для развития художественного творчества в русском зарубежье Дальнего Востока.

Драматические социально-исторические события в России рубежа 1920-х годов, приведшие к эмиграции большей части россиян в страны Северо-Восточной Азии, главным образом в Китай, создали объективные предпосылки для усиления интеграционных процессов межкультурной коммуникации в этом регионе мира. Российская эмиграция принесла с собой в страны Востока свою, русскую, культуру и здесь, на новой почве, развивала ее в контексте другой культуры, обогащаясь сама и влияя на культуру страны, принявшей российских эмигрантов.

Жизнь россиян на Востоке, в окружении новой культуры, способствовала активизации русской научной и художественной мысли в исследовании истории России, выявлении ее глубинных корней, связанных с азиатской составляющей. В этой драматической ситуации достижения русской литературы Серебряного века стали для эмигрантов основой, прочным фундаментом в сохранении и развитии связей с утраченной Рос-

сией, надежным ориентиром в их подвижнической деятельности на благо России, ее будущего. Опираясь на художественные открытия Серебряного века, крепкой нитью связанные с русской классикой, русские писатели и журналисты за рубежом укрепляли преемственность гуманистической традиции в развитии отечественной культуры и литературы. Вместе с тем отечественная литература в окружении китайской культуры активно «входила» в новый историко-культурный контекст, способствуя развитию межкультурной коммуникации в этом регионе мира. В создании нового художественного пространства литература русского зарубежья Дальнего Востока в своем развитии шла «рука об руку» с журналистикой, сохраняя и преумножая свою органическую связь с историей России и русской классикой.

Историко-литературный процесс, направляемый и корректируемый социально-историческими сдвигами, в своей внутренней, «имманентной» составляющей определяется, в свою очередь, двумя взаимодействующими факторами. Одним из них, базовых, является национальная культурная традиция, художественная реализация которой дополняется, обогащается воздействием инациональной культуры. Художественное произведение всегда существует в мощной сфере литературных и культурных контекстов. Литературный контекст 1920-х годов представлял собой сложное взаимодействие политики и искусства. Это было одинаково характерно и для внутрироссийской литературы, и для эмигрантской. Слишком высокой была «политическая зарядка» эмигрантской массы в первое десятилетие эмиграции. Поэтому литературный процесс 1920-х годов был сложным, противоречивым и разнонаправленным. В 1920-е годы поступательный ход отечественной литературы шел по двум направлениям. Первое нашло свое выражение в развитии очеркистики и публицистики, так называемом «газетном буме». Второе направление литературного развития характеризовалось нарастанием условий, созданием почвы для рождения эпических жанров (поэма, рассказ, повесть, роман). Рождение эпических жанров сопровождалось необыкновенным всплеском поэтического творчества, вобравшего в себя во всей полноте глубину новых чувств и переживаний человека, разлученного с Родиной.

Историко-литературный процесс 1920-х годов в русском зарубежье Дальнего Востока развивался в русле традиций русской классики и Серебряного века, которые стали духовно-нравственной основой творчества эмигрантов на Востоке. Традиции русской классики нашли свое художественное воплощение и развитие в наследии ярчайших представителей Серебряного века. Подлинно вершинными фигурами для эмигрантов стали знаковые явления русской литературы начала XX века – Александр

Блок и Николай Гумилев. В этом проявилась высота творческих, художественных устремлений писателей русского зарубежья Дальнего Востока.

Вместе с тем эмиграция в большой мере способствовала раскрытию и выявлению глубинных содержательных пластов творческого наследия великих русских поэтов, чья жизнь трагически оборвалась революцией. Жизнь в изгнании потребовала от эмигрантов огромной духовно-нравственной стойкости, выдержки и мужества в своем служении России. Творчество Блока и Гумилева стало основой и опорой, тем мощным духовно-нравственным фундаментом, который сформировал главные линии и направления в развитии творчества поэтов-эмигрантов. Жанрово-тематическое богатство наследия А. Блока и Н. Гумилева в контексте новой, восточной, культуры стало уникальным, мощным средством межкультурной коммуникации. Особое отношение этих писателей к Востоку, темы и мотивы Востока и восточной культуры, занявшие большое художественное пространство в их творчестве, только усиливали интерес эмигрантов к ним. Тема России, ее исторической судьбы в контексте истории мировой культуры и культуры Востока стали главными направляющими линиями в развитии русской литературы дальневосточной эмиграции.

В 1921 году, ставшем годом трагических утрат русской литературы, в Петрограде большевиками был расстрелян поэт Николай Гумилев, умер поэт Александр Блок. Трагедия необыкновенным образом сблизила этих разных поэтов, которые стали вершинными фигурами, высокими ориентирами для поэтов-эмигрантов.

Николай Гумилев занял особое место в литературной жизни русского зарубежья на Востоке. Один из известных поэтов русского зарубежья Дальнего Востока Арсений Несмелов написал стихотворение, навеянное трагическими событиями гибели Н. Гумилева, где поставил поэта в тот ряд русской классической поэзии, что обладала необыкновенным даром предвидения (*«Ты грозно умер, смерть предугадав, —// О, это Лермонтовское прозреньё!...»*) [Гумилевский сборник, 1937, с. 5]. Впервые это стихотворение было опубликовано в сборнике А. Несмелова «Уступы» (Владивосток, 1924) без названия, возможно, из политических опасений, и только в «Гумилевском сборнике» (Харбин, 1937) стихотворение получило название по имени своего адресата («Гумилеву»). Автор уподобляет поэтическое творчество Н. Гумилева плодоносному дереву жизни (*«Ты – древо, опустившее над нами // Шатер ветвей <...> И сень его шумит, // Уже тягостенная плодами»*) [Гумилевский сборник, 1937, с. 5]. В этом стихотворении Гумилев предстает поэтом-героем, олицетворяющим вечное движение бытия. В творчестве Гумилева автор видит залог жизни, неиссякаемый творческий импульс и источник вдохновения. Безмерная благо-

дарность побуждает автора стихотворения вознести поэта к небожителям, обожествить и его провидческий дар (*«Поэт, герой! У гроба твоего // Грядущее, обняв былое, грезит, // И ты не человек, а божество // С могилой, превращающейся в гейзер!»*) [Гумилевский сборник, 1937, с. 5]. Сам факт выхода в свет в эмигрантском Харбине «Гумилевского сборника», являющегося уникальной библиографической редкостью, подтверждает приверженность русской эмиграции имени и творчеству Гумилева, пережившего свое полузабвение в России. Своей беспрецедентной судьбой и творчеством Николай Гумилев стал связующей нитью между русской классикой и литературой русского зарубежья, которая своим духовным подвижничеством на благо России жила созвучно Гумилеву, черпала в его творчестве деятельное, героическое начало. Призыв из стихотворения Алексея Ачаира «Защита» (*«Бей молотом, пока ты в силах, // и в отдых сладостный – не верь!»*), опубликованного в этом же сборнике, отражает общий патриотический пафос эмигрантского творчества, пафос служения России [Гумилевский сборник, 1937, с. 13–14].

Трагическая смерть Н. Гумилева вызвала к жизни полемику с теми, кто был повинен в этой трагедии. Особой остроты полемика приобрела там, куда советская власть в те годы в полной мере еще не пришла. Так было во Владивостоке, где в это время жил журналист и писатель Всеволод Иванов, перу которого принадлежит статья в литературно-художественном приложении к воскресному номеру владивостокской газеты «Русский край» с громким подзаголовком *«В Петрограде большевиками расстрелян поэт Николай Гумилев»*. Три страницы из четырех данного приложения посвящены трагической дате и открываются глубокими стихами самого Н. Гумилева *«Измучен огненной жарой...»*. Статья Вс. Иванова пронизана горечью утраты великого российского поэта, непримиримостью в адрес виновников трагедии, переходящей в сарказм: *«Советскую власть можно поздравить с новым серьезным завоеванием. Еще меньше одним пленительным человеком на русской земле. Еще больше простора осталось для творцов новой жизни, хамов с низкими лбами. Конечно, он должен был умереть. Он не был творцом новой жизни. Он был певцом жизни вечной, прекрасной, такой, какая она есть на самом деле»* [Иванов, 1921а, с. 2]. Отображенный в очерке Вс. Иванова трагедийный конфликт поэта-пророка с обществом в XX столетии рождает литературные реминисценции с художественно воссозданным М.Ю. Лермонтовым в стихотворении *«Смерть поэта»*. Созвучие двух эпох, Пушкина и Гумилева, Золотого и Серебряного веков, усиливает трагедийное звучание в восприятии Ивановым своего времени, делает этот конфликт трагедийно типическим для истории русской

культуры в целом. Поэтическим голосом Гумилева Иванов раскрывает глубинную сущность конфликта поэта и новой эпохи:

*Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда:
Все, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада...* [Иванов, 1921а, с. 2].

Уходя от надменной жизни в созерцание экзотики, Гумилев не уходил от реальности, в этой «экзотике», подчеркивает Иванов, – *ищет он только усугубления этого мира, который, таким образом, мог бы соответствовать его грезам* [Иванов, 1921, с. 2]. Поэт грезит о высоком и героическом: *«Победа, слава, подвиг – бледные // Слова, затерянные ныне, // Гремят в душе, как громы медные, // Как голос Господа в пустыне...»* [Иванов, 1921, с. 2]. Вс. Иванов воспринимает поиски Гумилевым экзотики как поэтическое стремление к жизни в ее концентрации: *«...жизнь, сплошная и одинаковая, имеет в себе экзотику АКМЕ, имеет полдень, сладкий и нежащий, концентрирующий ее. Гумилеву надобен был этот полдень ...»* [Иванов, 1921а, с. 2].

Гумилевское стремление к подлинности, сущности жизни, а не к ее внешним проявлениям, было необыкновенно близким ощущению жизни русских эмигрантов: *«Гумилев гнался за этой подлинностью. И точно так же, как он охотился в Абиссинии на львов, он отправился на Русско-Германскую войну. Георгиевский кавалер-солдат, георгиевский кавалер-офицер, – он следил смерть с холодной любопытной улыбкой, скандируя из Т. Готье запечатленные радости жизни...»* [Иванов, 1921, с. 3]. Стремление к жизни и постоянная готовность умереть за нее, за жизнь, что неотрывна от России, роднят чувства поэта-патриота Гумилева и поэтов-эмигрантов, утративших связи с Родиной и терявших надежду вернуться к ней. Именно поэтому гумилевские строки (*«Словно молоты громовые // Или воды гневных морей, // Золотое сердце России // Мерно бьется в груди моей»*) станут лейтмотивом патриотической лирики русского зарубежья Дальнего Востока в первой половине XX столетия, а позднее уйдут вместе с русскими беженцами в дальние страны, включая Австралию [Фестиваль..., 1971, с. 9].

Своей статье Вс.Иванов предпослал эпиграф из поэмы Г. Маслова «Кольцо» (*«Одно понятие – права лишь сила – // Так не права в кольце стальном // Хихикающая горилла // За председательским столом ...»*), прямо и открыто обвинив большевиков в убийстве поэта, ставшего знаменем своей эпохи [Иванов, 1921 а, с. 2].

В ряду ярких представителей Серебряного века (А. Белый, А. Блок, Н. Гумилев, В. Маяковский, С. Есенин) совершенно особое место 206

занимает Александр Блок. Феноменальность личности Блока, его творческий гений, созданная им философско-эстетическая система поэтических образов и мотивов послужили источником вдохновения для многих писателей и поэтов, современников А. Блока, оказавшихся в эмиграции. Блок стал концептуальной фигурой отечественного искусства, воплотившей в своем творчестве актуальную для XX–XXI веков проблему межкультурной коммуникации (Запад – Россия – Восток). А космический масштаб раздумий и переживаний его лирического героя, воплощенных в его наследии, оказался в высшей степени созвучным мироощущению универсальной по размаху аудитории: и для строителей новой культуры, и для представителей «духовной» эмиграции, и для вынужденных уехать в эмиграцию россиян.

Трагический уход из жизни Блока-поэта и Блока-человека в буквальном смысле потряс Россию, но в официальной советской литературе никто не мог и подумать публично обсуждать глубинные причины этого ухода. Одной из немногих на трагический уход из жизни А. Блока пронзительно откликнулась упомянутая выше владивостокская «Вечерняя газета» статьей Вс. Иванова, озаглавленной поэтическими строками Блока («Причастный тайнам») [Иванов, 1921б, с. 2]. В этой статье Вс. Иванов одним из первых отметил *«безумно-сложное»* содержание «Двенадцати» А. Блока, которое вбирает многогранность самой жизни, являясь в то же время *«полным выражением мировоззрения поэта»*. Блок *«с его мистическим ясновидением, с его напряженным, пронизывающим, созерцательным взором, направленным <...> в будничную жизнь»*, открывает там иные, *«подлинные аспекты жизни»* [Иванов, 1921б, с. 2]. Иванов указывает на пушкинский источник мотива тоски, что пронизывает поэму Блока. Через мистическое содержание иной подлинности, *«тоскующей реальности»*, Иванов открывает в поэме А. Блока другое содержание, тоску мировой души, исполненной философской мыслью о безнадежности бытия всех, приходящих в этот мир. Иванов называет Блока *«рыцарем смерти»*, который не обещает никому никакой *«нечаянной радости»*. Этим проникновением в глубинный смысл происходящего Блок был близок обеим противоборствующим сторонам революции, хотя и не был понят ими до конца. Только поэту, Причастному особым Тайнам, доступно это проникновение. Это сродни духовному подвигу. Патриотизм, духовное подвижничество, пронизывающие творчество А. Блока, были примером для поэтов эмиграции в их духовно-нравственном служении России.

В начале 1920-х годов культурная жизнь Владивостока бурлила вокруг огромного числа периодических изданий. Различные по своей

идейной и политической направленности периодические издания Дальнего Востока России на рубеже 1920-х годов, в преддверии эмиграции, своим содержанием отражая глубинную устойчивость духовно-нравственных основ русской национальной культуры и государственности, стали залогом последующей духовной, национально-культурной миссии русской эмиграции. Среди них большой популярностью пользовались издаваемая Вс. Ивановым «Вечерняя газета», газета «Русский край» со своими уникальными литературно-художественными приложениями.

Журналистика Дальнего Востока России стала в этот исторический момент предтечей, «собираением сил» будущей русской эмиграции в Китае. Здесь формировались духовные ценности и приоритеты той части российской интеллигенции, которая чуть позже сделает свой трудный выбор и покинет Россию. Русские писатели и журналисты на отдаленном «пяточке» России, ощущая свою оторванность от центра, вели активную творческую жизнь. Свою причастность общей жизни страны они выражали через творчество, напрямую связанное с журналистикой. Статьи Вс. Иванова «Причастный тайнам (Памяти А. Блока)» и «Н.С. Гумилев (расстрелян Н.С. Гумилев)» открыли новый этап в осмыслении творческого наследия поэтов, прозревавших за трагедией настоящего светлые дали. Вс. Иванов одним из первых ощутил в поэме «Двенадцать» А. Блока не романтику революции, а *«стихийное бушевание этой подлинной, мировой тоски, которая в русском народе»* [Иванов, 1921б, с. 2]. Иванов открывает истинную художественность и глубинность поэмы А. Блока: *«И надо знать Блока, с его мистическим ясновидением, с его напряженным пронизывающим созерцательным взором, направленным именно в будничную жизнь, чтобы там открыть иные, подлинные аспекты жизни, чтобы понять, что поэма эта – не только фотографический снимок, а полное выражение мировоззрения поэта»* [Иванов, 1921б, с. 2]. По мнению писателя и критика Вс. Иванова, *«мистическое содержание этой иной подлинности тоскующей реальности и составляет другое содержание «Двенадцати»* [Иванов, 1921б, с. 2]. Очевидной становится и причина полярных трактовок поэмы разными политическими силами. Она – в неразгаданности, в недостаточности проникновения в ее глубинный смысл, *«потому что проникновение – это дело самого поэта, дело Причастного Тайнам, особым тайнам поэта»* [Иванов, 1921б, с. 2].

С именем и творчеством А. Блока русские эмигранты на Востоке связывали свои мысли о России и надежды на возвращение. Через десять лет, уже в эмиграции, Вс. Иванов в статье «А. Блок (к 10-летию со дня

смерти)» вновь задастся вопросом: «*Неужели вы позабыли, // Что поэзии имя – Блок?*» [Иванов, 1931, с. 2]. Обратившись к поэтическому наследию А. Блока, Иванов открывает в нем актуальные для эмиграции ценностные ориентиры. Трагизм настоящего сменяется верой и надеждой: «*Едва ли у кого из русских писателей столь явственно видна вся эволюция духовной жизни России перед революцией. Блок не просто прожил, не просто просмотрел два страшных десятилетия XX века, – нет, он пережил, перечувствовал их... Революция задавила его годами, кровью, глухотой, но он провидел за ней какие-то новые, светлые, примиренные дали. <...>*

– *Все будет хорошо, – записывал Блок в 1918 г. в своей 49-й книжке. – Россия будет великой!.. Но как трудно ждать и как трудно дождаться!*

И великий поэт умер, не дождавшись, в темном Петербурге, умер со старым, светлым именем Пушкина на последнем своем стихе» [Иванов, 1931, с. 4]. Скорбь и надежда здесь неразлучны, как были они неразрывны в чувствах и переживаниях российских эмигрантов. Поиски духовной опоры продолжались в русле исканий поэтов Серебряного века в направлении к русской классике.

В созданной Вс. Ивановым в первые годы эмиграции «Беженской поэме» одна из главных тем, тема Востока, неизменно восходит к Пушкину и Блоку. Именно их поэтическими строками в качестве эпиграфов («*От потрясенного Кремля // До стен недвижного Китая ...*», Пушкин; «*Закат в крови. Из сердца кровь струится. // Плачь, сердце, плачь! // Покая нет ... Степная кобылица // Несется вскачь ...*», Блок) Иванов задает художественную траекторию чаяний и раздумий своего лирического героя [Иванов, 1992, с. 514]. Драматический текст поэмы Иванова скрепляет пушкинская жизнеутверждающая мысль об общем для всех объединяющем начале жизни («*Не потому ль прозренья ясны, // Мила китайская земля, // Что так же как и эти красны // И стены древнего Кремля?*» [Иванов, 1992, с. 525–526].

Традиции Серебряного века, сформировавшиеся на прочном фундаменте гуманистической традиции русской классики, способствовали творческому созиданию в эмиграции, вдохновляли на новые открытия, направляли на продуктивное изучение Востока, определяли философско-эстетические, духовно-нравственные направления творческих поисков в изгнании. Поэтический диалог стал формой художественной переключки времен, залогом преемственности в развитии гуманистических традиций отечественной классики для россиян на все времена, куда бы ни забрасывала их судьба. Литература и журналистика российского и эмигрантского Дальнего Востока в этот период времени становились универсальным

средством межкультурной коммуникации, вобравшим в себя полифонию социокультурной жизни большого региона Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, обретая свою новую реальность в контексте культуры Востока.

Литература

- Ачаир А. Тургенев // Рубеж. 1939. № 4.
Волин М. Разговор с Тютчевым // Русская поэзия в Китае. М., 2001.
Гумилевский сборник (1921–1936): Поэты Харбина в память кровавой даты умерщвления большевиками Николая Степановича Гумилева. Харбин, 1937.
Иванов Вс. А. Блок // Рубеж. 1931. № 35.
Иванов Вс. Н. Императрица Фике; Дочь маршала. М., 1992.
Иванов Вс. Н. Литературная любовь // Русский край. 1922. № 186.
Иванов Вс. Н. С. Гумилев (Расстрелян Н. С. Гумилев). Русский край. 1921а. № 144.
Иванов Вс. Причастный тайнам (памяти А. Блока) // Вечерняя газета. 1921б. № 75.
Несмелов А. «Свою страну, страну судьбы лихой...» // Несмелов А. Без Москвы, без России. М., 1990.
Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
Рачинская Е. Пушкин // У родных рубежей. Харбин. 1942.
Шилов Н. Пророк // Рубеж. 1929. № 14.
Фестиваль русских поэтов Австралии. Мельбурн, 1971.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Примерная программа учебной дисциплины

(Для профиля «Прикладная филология»)²

1. Цели освоения дисциплины «Теория коммуникации»

Целью освоения дисциплины является получение целостного представления о феномене социальной коммуникации в широком научном контексте и общие сведения о концепциях и моделях коммуникации; на основе знаний о функциях, уровнях, сферах коммуникации овладеть важнейшими методами исследования в области коммуникативистики; уметь применять полученные знания и умения в теоретической и практической деятельности в области прикладной филологии.

2. Место дисциплины в структуре ПООП бакалавриат

Теория коммуникации входит в раздел «Б.2. Общепрофессиональный цикл. Вариативная часть» ФГОС-3 по направлению подготовки ВПО 032700 – Филология (квалификация (степень) «бакалавр») (профиль «Прикладная филология»).

Для изучения данной дисциплины необходимы компетенции, сформированные у студентов в результате обучения в средней общеобразовательной школе, в процессе освоения основ филологии, введения в теорию коммуникации, а также введения в прикладную филологию и иных дисциплин профильной подготовки («Прикладная филология»), философии.

---

¹ Редакция продолжает публикацию примерных программ учебных дисциплин, вводимых в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 032700 – Филология (бакалавриат). См.: «Филология и человек». 2011. № 2; 2011. № 3; 2012. № 1. Программы разработаны на кафедре современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета и в лаборатории коммуникативистики и риторики университета по заданию Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию, одобрены Советом по филологии и размещены на его сайте: <http://www.philol.msu.ru/~umo/>

² Авторы-составители: Т.В. Чернышова, д.ф.н., проф., А.А. Чувакин, д.ф.н., проф., И.Ю. Качесова, к.ф.н., доц., Л.А. Кошей, к. филос.н., доц., Н.В. Панченко, к.ф.н., доц. / под ред. проф. А.А. Чувакина (Алтайский государственный университет).

Место учебной дисциплины – в системе дисциплин профильной подготовки «Прикладная филология».

Данная дисциплина завершает систему теоретических и практических дисциплин по профилю, опирается на опыт, приобретенный студентами в ходе учебной практики и производственной практики по профилю и выполнения курсовых работ, ориентирует студентов на написание выпускной квалификационной работы, связанной с исследованием коммуникации и текста как объектов профессионально-прикладной деятельности филолога.

Данная дисциплина связана с дисциплинами гуманитарного цикла, изучающими человека в разных аспектах.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Данная дисциплина способствует формированию следующих компетенций, предусмотренных ФГОС-3 по направлению подготовки ВПО 032700 – Филология (квалификация (степень) «бакалавр»):

а) общекультурные (ОК):

- осознание социальной значимости своей профессии, высокая мотивация к профессиональной деятельности (ОК-8);
- умение использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук в профессиональной деятельности; способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы (ОК-9);

б) профессиональные (ПК):

- способность демонстрировать знание основных положений теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста (ПК-1);
- владение базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий (ПК-2);
- владение основными методами и приемами создания различных типов устной и письменной коммуникации на основном изучаемом языке (ПК-4);
- способность применять полученные знания в области теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности (ПК-5).

В результате освоения дисциплины студент должен:

Знать: основные положения и концепции в области теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста.

Уметь: применять полученные знания в научно-исследовательской и других видах деятельности для решения практических задач в области филологии.

Владеть: основными методами и приемами анализа различных типов устной и письменной коммуникации на основном изучаемом языке; базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий; навыками участия в научных дискуссиях, выступления с сообщениями и докладами, устного, письменного и виртуального (размещение в

информационных сетях) представления материалов собственных исследований.

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 4 зачетные единицы, или 144 час. Ее изучение завершается экзаменом.

Введение (лекции – 2 час.; практические занятия – 4 час.; самостоятельная работа – 10 час.). Проблема коммуникации в современных гуманитарных исследованиях. Коммуникативная парадигма в современном гуманитарном знании. Теория коммуникации как наука. Коммуникация как объект изучения теории коммуникации.

Коммуникация в разных сферах деятельности (лекции – 10 час.; практические занятия – 12 час.; самостоятельная работа – 30 час.). Сфера деятельности, критерии ограничения и классификации сфер деятельности. Виды коммуникации по сферам деятельности, их особенности. Политическая коммуникация, ее значимость для человека. Деловая коммуникация как статусно-имиджевая коммуникация, ее виды. Научная коммуникация как аргументативная коммуникация. Рекламная коммуникация как вид манипулятивно-имиджевой коммуникации. Художественная коммуникация.

Типология коммуникации по составу коммуникантов и ее значимость для изучения речевой коммуникации (лекции – 6 час.; практические занятия – 6 час.; самостоятельная работа – 18 час.). Основания уровневой типологии коммуникации. Культурные сферы коммуникации как основания дифференциации состава коммуникантов. Каналы культурной коммуникации как основание типологии. Уровни коммуникации сквозь призму типологических оппозиций.

Речевая коммуникация как объект изучения теории коммуникации (лекции – 10 час.; практические занятия – 12 час.; самостоятельная работа – 26 час.). Вербальная коммуникация. Человек в коммуникации. Параметры характеристики человека в коммуникации (мотивационный, когнитивный, функциональный). Воздействие как проблема речевой коммуникации. Человек в коммуникации и текст. Важнейшие методы исследования речевой коммуникации (прикладной аспект).

5. Образовательные технологии

Рекомендуемые образовательные технологии: лекции, практические и лабораторные занятия, самостоятельная работа студентов.

При проведении занятий рекомендуется использование активных и интерактивных форм занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, проектных методик, мозгового штурма, разбора конкретных ситуаций, коммуникативного эксперимента, коммуникативного тренинга, иных форм) в сочетании с внеаудиторной работой. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, должен составлять не менее 20% аудиторных занятий.

В рамках учебного курса предусматриваются встречи с представителями российских и/или зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов в области коммуникативистики (одна – две встречи в семестр).

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

При изучении учебной дисциплины рекомендуются следующие виды самостоятельной работы студентов: подготовка к аудиторным занятиям (в соответствии с планами занятий); выполнение отдельных видов самостоятельной работы, предусмотренных рабочей программой учебной дисциплины, в том числе: написание эссе и иных письменных работ, выполнение практических заданий, связанных со сбором и анализом фактического и теоретического материала, решение задач, разбор конкретных ситуаций (метод кейса), подготовка к выполнению тестовых и творческих заданий и др. Выполнение самостоятельной работы студентами контролируется в ходе практических и лабораторных занятий, на консультациях, при проверке выполненных заданий, в процессе самоконтроля.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины.

а) основная литература:

Гойхман О. Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. М., 2008.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

Основы теории коммуникации / под ред. М.А. Василика. М., 2003.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001.

Тичер С., Мейер М., Водак Р. Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009.

б) дополнительная литература:

Аругюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

Бульгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.

Григорьева В.С., Любимова М.К. Элементы теории и практики делового дискурса. Тамбов, 2006.

ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.

Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М., 2002.

Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М., 2004.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М., 2004.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2011.

Речевая коммуникация в современном обществе / под общ. ред. Л.В. Минаевой. М., 2002.

Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М., 2007.

Речевая коммуникация в политике / под общ. ред. Л.В. Минаевой. М., 2007.

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009.

Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник /отв. ред. М.И. Панов. М., 2005.

Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2012.

в) программное и коммуникационное обеспечение:

Учебная дисциплина должна быть обеспечена учебно-методической документацией и материалами. Ее содержание должно быть представлено в сети Интернет или локальной сети вуза (факультета). Для обучающихся должна быть обеспечена возможность оперативного обмена информацией с отечественными и зарубежными вузами, предприятиями и организациями, обеспечен доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины.

Компьютерный класс, оргтехника, теле- и аудиоаппаратура (все – в стандартной комплектации для лекций, практических занятий и самостоятельной работы); учебно-методический кабинет с фондами научной, научно-методической литературы и источников; доступ к сети Интернет (во время самостоятельной подготовки и на практических занятиях).

А.А. Чувакин

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ИДЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ВОРОБЬЕВОЙ – УЧИТЕЛЮ, КОЛЛЕГЕ, НАСТАВНИКУ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

Памяти учителя

С именем Иды Александровны для меня неразрывно связан Барнаул, университет, начало взрослой, самостоятельной жизни. Девочка-отличница из Рубцовска, узнав, что в Барнауле открывается университет, без раздумий отправилась покорять столицу края (сначала-то мыслилась Москва или Владивосток...). И ни разу об этом не пожалела. Нас учили люди достаточно молодые, умные, увлеченные. А Ида Александровна была в числе тех, с кого университет начинался.

Почему-то она меня выбрала и тем определила мой дальнейший жизненный путь. Только курсу к пятому я поняла, что не литератором родилась, а лингвистом. А Ида Александровна это увидела еще в начале первого курса. Уже летом мы с подругой поехали в топонимическую экспедицию, а не в фольклорную, как все. И с тех пор топонимика на много лет стала моей профессией и призванием. К сожалению (я виновата перед Идой Александровной), диссертация так и не была защищена, но это уже другая история.

Сначала вместе с Идой Александровной нас учили только три человека – Людмила Ивановна Журова, Павел Федорович Маркин и Любовь Алексеевна Музюкина. И появление новых ярких личностей на кафедрах (Морозов Владимир Дмитриевич, Голев Николай Данилович, Козлова Светлана Михайловна, Чувакин Алексей Андреевич, Пицальникова Вера Анатольевна, Шелепова Людмила Ивановна) – это целиком и полностью заслуга Иды Александровны. Она создавала факультет, по крупницам собирая все самое ценное.

Нам было комфортно учиться, комфортно общаться с этим светлым и добрым человеком. Мы приходили на кафедру, ничуть не комплексуя. Чувствовали себя там свободно и легко, как дома. Ида Александровна учила нас многому. Учила больше личным примером. Я на всю жизнь запомнила, что плагиат – это воровство. И цитируя чью-то мысль, до сих пор ссылаюсь на источник. Мы подражали учителю во всем: в течение двадцати с лиш-

ним лет работая преподавателем, я ни разу не позволила себе оскорбить ученика. Всегда старалась донести материал предельно ясно и четко, как это делала Ида Александровна.

Поскольку университет был открыт на голом энтузиазме – ни библиотеки, ни научной базы – успешность его становления зависела от профессионализма, работоспособности и личного обаяния таких людей, как Ида Александровна. Не было Интернета, практически не было учебников. Осваивать науки приходилось в основном по лекциям. И их уровень был таков, что наши знания не уступают, а может, даже превосходят знания тех, кто сейчас имеет возможность пользоваться всеми благами цивилизации.

Язык, в том числе и родной, это инструмент, который требует постоянной работы. Этому нас тоже учила Ида Александровна. И ее уроки мы помним на протяжении уже почти сорока лет. Помним и следуем им. А еще мы пытаемся передавать полученные от учителя знания другим людям, и Ида Александровна продолжает жить не только в нашей памяти, но и в памяти наших учеников, в том вкладе в русскую культуру, который они сделают и который невозможен без виртуозного владения родным языком.

Наталья Андрюкова, год набора – 1973, год выпуска – 1978.

Ида Александровна Воробьева : воспоминания и размышления

С Идой Александровной я познакомился, когда работал в Бийском педагогическом институте (ныне: Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина). Зимой 1975-го года, кажется, в феврале, институт проверяла краевая комиссия. С работой филологического факультета знакомилась Ида Александровна Воробьева. И вот, вместо разбора моей лекции по синтаксису современного русского языка, И.А. пригласила меня работать в университете: студенты второго курса осенью становились третькурсниками, им должен читаться курс синтаксиса. Так с 1 сентября 1975 года я начал работать на кафедре русского языка АлтГУ.

«Кафедре нужен специалист по синтаксису». Сюжет, с которого начаты эти заметки, не только обо мне. Как я убедился, более 20 лет проработав под руководством И.А., на кафедре И.А. приглашала, под учебную дисциплину. Может быть, было не очень важно, какой вуз окончил «президент», сколько лет он успел проработать в вузе или не в вузе. Но если нужно учить студентов современному славянскому языку, отыскивался славист; если требуется преподаватель лексикологии, то находился специалист по лексике и фразеологии русского языка. Причем, повторю: новые коллеги приходили по приглашению самой И.А. И так было всегда. Пожалуй, только один раз И.А. изменила оправдавшему себя принципу, когда уступила настойчивым просьбам, может быть, даже упрашиваниям коллеги «со стороны» (об этом как-то с горечью говорила сама И.А.). Ничего хоро-

шего из этого не получилось – и для кафедры, и для студентов, и для самой И.А. Пришлось избавляться от коллеги, по своим профессиональным и человеческим качествам не вписавшегося в коллектив (по вполне понятным причинам, не называю имени этого человека и даже использую в рассказе «нейтральную» форму – мужского рода).

Наши профессиональные интересы и профессиональные возможности учитывались и в процессе работы на кафедре. Будучи синтаксистом по своему образованию и, как мне казалось, с точки зрения своих перспектив, я, честно говоря, побаивался того, что буду «превращен» в топонимиста: на кафедре шел процесс складывания научного направления, ядром которого, естественно, была топонимическая проблематика. Долгий разговор на эту тему, обсуждение синтаксического уровня топонимической системы И.А. закончила той же фразой: «Кафедре нужен специалист по синтаксису».

Впоследствии я понял и, став уже в середине 1990-х годов заведующим кафедрой русского языка и стилистики, убедился на своем опыте, как это трудно было создать кафедральный коллектив, если во главу угла поставить не личную преданность, а профессиональные качества, умноженные на качества человеческие!

Основы научного исследования по филологии. В конце 1970-х годов на одном из заседаний кафедры обсуждался вопрос о том, как лучше вести со студентами научно-исследовательскую работу – в специальном семинаре, при написании ими курсовых, а затем и дипломных работ. На кафедре (и на факультете в целом) существовала т.н. томская система специализации: просеминар (группы формировались по усмотрению кафедры) – специальный семинар (студенты записывались к тому или иному руководителю по собственному выбору). Если учесть, что в конце каждого учебного года студент, получив зачет в семинаре и выполнив курсовую работу, имел право на «юрьев день» (мог перейти из одного семинара в другой), то оказывалось, что иногда он отставал в приобретении умений в научно-исследовательской работе. Что делать: запретить студенту выбор руководителя? запретить «юрьев день»? Именно так поступали некоторые университеты и институты, где все было подчинено цели жесткой организации, тотальному контролю, где в паре «творчество : организация» господствовало последнее. На том заседании кафедры, И.А. предложила создать отдельную учебную дисциплину, которая бы вводила студентов в теорию и практику научного исследования. Эта дисциплина была названа основы научного исследования по филологии (она существовала на факультете вплоть до 2011 года). Курс был поручен мне. Не знаю (или не помню), почему именно так решила И.А. Но я был в более выигрышном положении, чем коллеги по кафедре. К разработке курса я смог привлечь двух человек: заведующего кафедрой русской и советской литературы Владимира Дмитриевича Морозова, который взял на себя литературоведческую часть курса, и доцента кафедры философии Любовь Алексеевну Кошей, мою жену, которая помогла в разработке науковедческой проблематики курса. В 1990 году мы втроем написали учебное пособие по дисциплине: оно было едва

ли не единственной учебной книгой по этой дисциплине, хотя постепенно, быть может, по примеру нашего университета, она вводилась и в других вузах. В моей профессиональной работе это поручение И.А. стало судьбоносным. Идея развития филологических начал в подготовке студентов была мною предложена при составлении Федерального государственного образовательного стандарта по направлению подготовки 032700 Филология (бакалавриат). В базовую часть стандарта введена учебная дисциплина «Основы филологии». Ее составной частью является проблематика научного исследования в области филологических наук. Изложение этой проблематики вошло и в учебное пособие по основам филологии, подготовленное мною и изданное в изд. «Флинта». На с. 207 пособия при рассмотрении противоречия как основы научной проблемы в качестве иллюстративного материала использованы положения топонимических школ проф. А.П. Дульзона и проф. И.А. Воробьевой.

Рассуждая в общем виде, скажу, что И.А. очень разборчиво подходила к выбору дисциплин специализации, состава лекторов и руководителей семинаров: студентам должны предлагаться темы из теоретической и прикладной областей филологии, из современного русского языка и из истории языка, из диалектолого-топонимической проблематики и общего языкознания. У студентов есть право выбора!

Профессор И.А. Воробьева и творчество Василия Шукшина. И.А., топонимист европейского масштаба, в конце 1980-х годов обратилась к исследованию языка прозы В.М. Шукшина. Дело в том, что в это время в крае было принято решение провести празднование 60-летия со дня рождения В.М. Шукшина. Возглавить научную составляющую праздника поручили филологическому факультету АлтГУ. Творчество писателя не было в центре наших научных интересов. Но и отказаться от поручения мы не могли. Не могли и ограничиться формальной стороной дела. Выход был найден: руководство научными проектами взяла на себя И.А. – в то время единственный доктор филологических наук на факультете. Именно ее имя значилось в научных проектах, заявках в программы «Народы России», «Университеты России». Ответственными исполнителями в проектах стали С.М. Козлова и автор этих строк. Некоторые коллеги в подобной ситуации дают возможность использовать свое имя... Некоторые, но не И.А.! Не могла И.А. и ограничиться «общим руководством». Так Шукшин до конца жизни ученого вошел в круг научных интересов. О вкладе И.А. в исследование творчества Шукшина уже неоднократно писали коллеги по кафедре общего и исторического языкознания. Повторю здесь свою оценку, высказанную в 1998 году в выступлении на научно-практической конференции, посвященной памяти И.А. Воробьевой: «И.А. Воробьева является одним из тех филологов, чьи теоретические работы и организаторские усилия положили начало этапу в филологическом шукшиноведении». Сегодня уже можно попытаться ответить на вопрос, почему так случилось. Думаю, что свою роль здесь сыграл тот факт, что жизненным истоком творчества писателя послужила алтайская деревня, язык которой был близок И.А. как ис-

следователю. Но нельзя не учесть еще одно обстоятельство: топонимические исследования И.А. значимы как инструмент лингвистического исследования независимо от языкового материала, будь то материал топонимический или иной, например, такой далекий от топонимики, как текстовые совокупности (см.: Чувакин А.А. Функциональная классификация топонимов профессора И.А. Воробьевой как инструмент лингвистических исследований // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 1999. С. 35–36). В этом контексте хочу высказать сожаление, что в современной исследовательской литературе о топонимах в прозе Шукшина иногда проходят мимо трудов И.А.

Мелочи жизни, или трудовые будни. В этом разделе приведу несколько сюжетов, в центре которых или участником которых была И.А.

- Членам кафедры приходилось выполнять множество разнообразных «неуставных» поручений, например: в праздничные дни и ночи (!) дежурить в учебном корпусе; при приезде в университет «высоких» гостей стоять рядом с вахтером (своего рода фейс-контроль); сочинять проекты докладов для районного торжественного заседания; выходить со студентами на уборку территорий Центрального района, разбор завалов и др. Кто будет это делать? Ассистенты? Молодые преподаватели? Позиция И.А.: все члены кафедры – в порядке очередности. (Часто в число выполнявших такую работу входила и И.А.).

- Может ли дочь секретаря партийного комитета университета на вступительных экзаменах в тот же университет получить «тройку»? Два ответа: секретаря парткома: «Председателя предметной комиссии по русскому языку и литературе – лишить отпуска!»; второй ответ – И.А.: «Что заработала, то и получила».

- В начале 1980-х годов по решению краевых властей всем преподавателям и сотрудникам университета (возможно, и других вузов) был устроен разрыв в отпуске, чтобы в течение трех летних дней все были вывезены на покос (!). Я и коллега превратились в косарей (я впервые в жизни), кто-то вершил стог, женщины работали граблями. Наверное, И.А., заведующий кафедрой, один из немногих докторов наук в университете, могла бы получить освобождение (хотя бы от медиков), но – нет: И.А. была на покосе, работала наравне со всеми.

- Первый председатель Государственной экзаменационной комиссии по специальности «русский язык и литература» (1978) – Вера Владимировна Палагина, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Томского университета. Ее пригласила И.А. Почему? Две причины: первая – уровень первого выпуска пусть оценит один из наиболее авторитетных, компетентных и беспристрастных филологов Сибири; вторая – эта оценка должна работать на имидж (опять слово из нашего времени!). Заметьте: первая причина связана с делом, и только вторая – с имиджем!

А.А. Чувакин, профессор кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета

Слово об Учителе

*«Чтобы быть хорошим преподавателем,
нужно любить то, что преподаешь,
и любить тех, кому преподаешь».*

В.О. Ключевский

Жаркое лето 73... Только что закончились утомительные экзамены в школе и началась подготовка к штурму новой вершины. Для меня, как и для многих выпускников этого года, такой вершиной оказался только что открытый, новенький Алтайский государственный университет. Сомнений, куда поступать, не было. Только в университет, только на историко-филологический факультет и только на отделение русского языка и литературы! Филологию любила всегда, тайна звучащего и проходящего через века слова привлекала, волновала, будоражила мысль...

Мне очень повезло стать студенткой именно этого университета в самый первый год его открытия: после зачисления скоблить и отмывать от краски и извести учебные аудитории на проспекте Социалистическом и в общежитии на Полярной, заготавливать на зиму сахарную свеклу в Алейском районе, а потом учиться у самых талантливых преподавателей, среди которых особое место принадлежит Иде Александровне Воробьевой, моему первому научному руководителю, открывшему передо мной многообразие возможностей изучения русского языка.

Сначала был просеминар под руководством Иды Александровны, где я впервые узнала о существовании цикла наук, занимающихся изучением имен собственных – об ономастике, топонимике, антропонимике. Матрица географических объектов как по мановению волшебной палочки окрасилась разноцветными именами, столь необычными для уха вчерашнего школьника: ойконимы, гидронимы, дробонимы, оронимы, микро и макро-топонимы...

С именем Иды Александровны в моей жизни связано много «первого». Первая тема курсовой работы «Названия улиц г. Барнаула». Благодаря авторитету Иды Александровны – уже в 70-е годы прошлого века ученого с мировым именем в области ономастики – смогла поработать с архивными материалами, а потом выступить с результатами исследования на первой в своей жизни научной студенческой конференции. Удивительно, но в качестве подарка за призовое место я получила книгу М.Н. Кожиной «Стилистика русского языка» – именно с этой учебной и научной дисциплиной в дальнейшем оказалась связана моя научная и преподавательская деятельность в Алтайском государственном университете, а в дальнейшем – и тема докторской диссертации. Первая серьезная научная тема – «Русская оронимия Алтая: история и современное состояние», воплотившаяся под руко-

водством профессора Иды Александровны Воробьевой сначала в дипломную работу, а затем и в кандидатскую диссертацию. Первое выступление на научных конференциях в Томске, Екатеринбурге, куда нас, студентов, отправляла Ида Александровна и где нас очень тепло принимали как ее учеников... Первая топонимическая экспедиция за языковым материалом в районы Алтайского края и Горного Алтая (за время работы в университете их было более десяти). Все они предварялись тщательным инструктажем Иды Александровны, потому что она душой болела за каждого студента и, думаю, успокаивалась только тогда, когда мы возвращались домой – живые и невредимые, переполненные впечатлениями, с исписанными тетрадками, составившими впоследствии содержание одной из уникальных картотек топонимов Западной Сибири... Первая моя «взрослая» одежда: по совету Иды Александровны купила строгий, но элегантный костюм для защиты кандидатской диссертации. Я была горда, что костюм ей понравился! Первая коллективная монография – «Русская топонимия Алтая (Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983), где мы, аспиранты, смогли опубликовать наши научные изыскания рядом с трудами нашего учителя.

Я многому научилась у своего научного руководителя: за каждой произнесенной и написанной фразой видеть человека во всем многообразии его проявлений; тщательно собирать и обрабатывать материал для исследований, учитывать не только закономерности, но и исключения из правил; бережно относиться к научному наследию и искать истоки современного состояния языковых и речевых процессов в прошлом; как можно больше читать – и не только литературу по теме исследования, но и по смежным проблемам; стремиться к объективности и всесторонности описания изучаемого объекта и обращать внимание даже, казалось бы, на малосущественные детали.

Ида Александровна не только научила меня работать – я училась у нее жизни: общению с коллегами, со студентами, терпимости, выносливости, честности, порядочности, преданности делу, которое избрала, и верности идеалам; умению отделить зерна от плевел и совершать решительные шаги, несмотря на возможные последствия; любви и уважению к ближним – она никогда ни на что не жаловалась, все трудности принимала как должное. У нее я училась понимать и прощать.

Учитель! Спасибо за то, что наши пути пересеклись, за тот немеркнущий свет, который Вы оставили в моей душе!

Т.В. Чернышова, абитуриент 1973 года, ныне профессор кафедры современного русского языка и речевой коммуникации
Алтайского государственного университета

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО, УЧИТЕЛЯ И УНИКАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

27 июня 2013 года исполняется 90 лет со дня рождения Ольги Борисовны Сиротининой, доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского научно-исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, академика МАН ВШ и РАЕН.

О.Б. Сиротинина – создатель и руководитель Саратовской лингвистической школы изучения функционирования русского языка в современном обществе, признанной не только в России, но и за рубежом, о чем свидетельствуют обзоры работ этой школы в академическом журнале «Вопросы языкознания», ссылки, рецензии и обзоры в зарубежных изданиях. За заслуги в изучении и распространении русского языка и литературы О.Б. Сиротинина награждена Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы медалью А.С. Пушкина.

Круг ее научных интересов широк: функциональная стилистика, разговорная речь, порядок слов, речеведение, культура речи, медиалингвистика, синтаксис русского языка. Сейчас Ольга Борисовна Сиротинина изучает важнейшие изменения, которые произошли в русском языке последних трех десятилетий, в частности, проблемы синкретизма, многозначности и диффузности. Благодаря ее умению быть организатором научной работы, возглавляемый ею научный коллектив выпустил ряд монографий и учебных пособий: «Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского языка» в 2-х томах, «Функциональные стили и формы речи», «Хорошая речь», «Чтобы вас понимали», «Культура речи: настольная книга для государственных служащих», которые издаются и переиздаются в московских издательствах.

О.Б. Сиротинина – автор более 400 научных работ. Они отражают многообразие научных интересов ученого, демонстрируют уважение к научным традициям, отличаются оригинальностью мысли, четкостью и точностью изложения. В течение многих лет О.Б. Сиротинина была редактором межвузовских сборников научных статей «Вопросы стилистики»: вышло в свет 28 выпусков. Ольга Борисовна обладает талантом ученого-генератора научных идей. Энциклопедичность ее знаний восхищает.

О.Б. Сиротинина не только уникальный ученый, но и талантливый Учитель, щедро отдающий весь свой интеллект и всю свою душу многочисленным ученикам. Под ее руководством защищено 15 докторских и 54 кандидатских диссертаций. Многие преподаватели вузов Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Астрахани, Самары, Иркутска, Якутска, Элисты и других городов России считают себя ее учениками. Современные студенты

ценят Ольгу Борисовну за умение так организовать учебный процесс, что он из тяжелой обязанности превращается в удовольствие. Логическая ясность, прозрачность, необычайная глубина и в то же время простота формы характеризуют ее лекции. Недаром огромным спросом в библиотеках пользуются написанные ею учебники и учебные пособия: «Лекции по синтаксису русского языка»; созданный в соавторстве с В.Е. Гольдиным и М.А. Ягубовой учебник «Русский язык и культура речи»; подготовленное в соавторстве с М.А. Кормилицыной учебное пособие для бакалавров-журналистов «Язык СМИ», которому присвоен гриф УМО.

О.Б. Сиротинина не только настоящий ученый и талантливый педагог. Она уникальный Человек, настоящий русский интеллигент, мудрый, щедрый, благородный, справедливый, отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь каждому, кто в этой помощи нуждается. Она поражает всех своей трудоспособностью, неутомимостью, ярко выраженным чувством ответственности, долга, нестигаемой силой духа, которая позволяет никогда не сдаваться. «Я прожила долгую жизнь, и в общем и целом мне за нее не стыдно, - пишет О. Б.Сиротинина в книге своих воспоминаний «Жизнь вопреки, или я счастливый человек», - потому что я ощущала и ощущаю свою нужность людям. В этом считаю - мое счастье».

М.А. Кормилицына, зав. кафедрой русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Киндикова Нина Михайловна (18.04.1953) – литературовед, автор ряда научных монографий и сборников статей по литературоведению и критике, тюркологии и монголистике, методике преподавания алтайской литературы в вузе и школе. Кандидатскую диссертацию защитила в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, 1987), аттестат доцента получила в 1997 году, доктор филологических наук (2002), профессор (2005), Почетный работник Высшего профессионального образования Российской Федерации (2006), Ветеран труда (2007), Заслуженный деятель науки Республики Алтай (2008).

После окончания ГАГПИ (1977) участвовала во Всероссийском семинаре молодых критиков (Малеевка, 1978). В 1979 году она приглашена на работу в сектор литературы ГАНИИИЯЛ (ныне – научно-исследовательский Институт алтаистики им. С.С. Суразакова). В 1983-86 годы была аспиранткой ИМЛИ им. А. Горького РАН, по окончании которого работала в ГАНИИИЯЛ-е.

С 1990 по 1993 годы работала заведующей Горно-Алтайского филиала московского НИИ национальных школ Министерства образования РСФСР (ныне – Институт национальных проблем образования). С 1993 года по совме-

стителству, а с 1997 года постоянно работает на кафедре алтайского языка и литературы в ГАГУ, ныне на кафедре литературы и культуры факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета, заведует лабораторией «Алтайская филология», сотрудничает в Центре изучения истории и культуры тюркских народов России.

Киндикова Н.М. внесла существенный вклад в развитие алтайского литературоведения: разработала научную периодизацию алтайской литературы, рассмотрела историю алтайской литературы в контексте тюркских литератур Сибири, изучила жизнь и творчество отдельных алтайских писателей, продолжила традиции исследования своих предшественников. Она является одним из авторов энциклопедического словаря «Литературы народов России. XX век» (М.: Наука, 2005), «Истории алтайской литературы в 2-х книгах» (Горно-Алтайск, 2006), а также краткой энциклопедии «Республика Алтай» (Новосибирск, 2009).

Н.М. Киндикова обеспечила школы Республики Алтай учебно-методической литературой. Ею разработан стандарт литературного образования в школе, обновлены содержание и структура школьных учебников нового поколения. Киндиковой Н.М. составлены программы и хрестоматии, учебники по алтайской литературе на родном и русском языках, написаны учебно-методические пособия для учителей-алтаеведов Республики Алтай. Ею впервые создан учебно-методический комплект по алтайской литературе для 8 и 11 классов. Она является одним из авторов «Концепции национальных школ Республики Алтай» (1993). За создание комплектов учебников, учебно-методических пособий, оригинальных авторских образовательных программ и практическое использование их в учебном процессе Н.М. Киндикова получила Благодарственное письмо Министерства образования Российской Федерации (2003).

На кафедре алтайского языка и литературы ею разработаны курсы лекций по истории алтайской литературы, методике преподавания алтайской литературы, спецкурсы по проблемам художественного перевода: теория и практика и изданы учебно-методические пособия для студентов: «Литературы тюркских народов России» (2005), «История алтайской литературы» в двух частях (2008) в соавторстве и «Проблемы художественного перевода в алтайской литературе» (2010), учебное пособие для магистров «Художественный перевод» (2013). По данным специальностям составлены также программы и учебные пособия на алтайском языке, словарь литературоведческих терминов, имеется их электронный вариант. Для студентов подготовлены также учебно-методические комплексы по «Методике обучения алтайской литературе», «Проблемам художественного перевода», «Проблемам поэтики алтайской лирики». К созданию школьных и вузовских учебников Н.М. Киндиковой привлечены новые авторы, которые защитили кандидатские диссертации по педагогическим и филологическим наукам.

В научной среде Нина Михайловна пользуется большим авторитетом, в 1988 году была участницей 31 сессии ПИАК (Веймар, Германия). По гранту РГНФ ею проведены региональный научный семинар по теме: «Тюркоязычные

литературы Сибири: проблемы художественного перевода» (2004) и Всероссийская научно-практическая конференция «Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI века» (2010). Ее монография «Типологическое исследование тюркских литератур» (2013) издана в Германии.

Н.М. Киндикова участвует во многих республиканских, региональных, общероссийских и международных конференциях. За активное участие в Международном семинаре по сохранению традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации она получила Благодарственное письмо национального комитета Республики Саха (Якутия) по делам ЮНЕСКО (2001), Благодарственное письмо и Диплом участника международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию обретения независимости Республики Казахстан (2010). Научные статьи опубликованы в различных сборниках статей и журналах. По республиканской программе «Сохранение и развитие алтайского языка» ею написан ряд учебно-методических пособий. Во внутривузовских конкурсах преподавателей она неоднократно занимает первое место на факультете и награждена дипломами «За высокие научные достижения» (2002, 2006–2013).

Н.М. Киндикова принимает активное участие в проведении Всероссийской олимпиады студентов «Языки и литературы России» (тюркская группа), в юбилейных мероприятиях ученых и писателей Республики Алтай, редактировала сборники статей, посвященные Ч.А. Чунижекову (2001), Д. Каинчину (2002), М. Мундус-Эдокову (2006), С. Суразакову (2007), Л. Кокышеву (2010), А. Адарову (2012) и др. В серии «Читаем произведения алтайских писателей» ею написано предисловие о творчестве Л. Кокышева (2002), Д. Каинчина (2005), Б. Укачина (2006), Б. Бурмалова (2008) и др.

Н.М. Киндикова – член экспертного совета Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Алтай, член терминкома при Правительстве Республики Алтай, член УМС при МПГУ (Москва), член редколлегии журналов «Филология и человек» (Барнаул), «Центр Евразии» (Семипалатинск, Казахстан), член Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций в Абакане (Хакасия) и Улан-Удэ (Бурятия). Ее имя вошло в книги «Сибирь в лицах» (Новосибирск, 2001), Люди XX века (Горно-Алтайск, 2002), «Республика Алтай». Краткая энциклопедия (Новосибирск, 2009).

С.Б. Сарбашева,

декан факультета алтаистики и тюркологии
Горно-Алтайского государственного университета.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Сибири и Дальнего Востока: библиографический справочник / Т.А. Острикова, С.Н. Карамышева, Н.С. Болотнова, В.Я. Булохов, Л.В. Черепанова, А.А. Чувакин и др.; сост. и ред. Т.А. Острикова; зав. каф. Т.В. Викторина. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2013. 200 с.

Рецензируемая книга дает федерально-региональный срез развития двух разных, но дидактически связанных наук: методики преподавания русского языка (научная область – педагогические науки); русского языкознания (научная область – филологические науки). Издание не имеет аналогов в библиографической литературе.

Структура справочника традиционна для библиографических изданий и содержит наряду с основными разделами, в которых представлены сведения о персоналиях (с. 9–194), следующие: *Алфавитный указатель персоналий* (с. 4–5), *Предисловие* (с. 6–8), *Источники информации* (с. 195), *Список основных сокращений* (с. 196–197), *Информационное письмо* (с. 198–199).

В *Предисловии* сформулирована актуальность издания и очерчены его основные характеристики: принципы отбора и группировки материала, главные источники информации, а также дана краткая историческая справка о названиях научных специальностей и др.

Основное содержание справочника составляют библиографические описания 162 персоналий. Описания представлены в форме библиографического очерка или библиографического сообщения и располагаются в трех разделах.

В первом разделе «Библиографические очерки», состоящем из двух подразделов, представлены авторские очерки о 43 специалистах. Подраздел *Педагогические науки* (с. 9–87) содержит очерки о 8-ми докторах педагогических наук (В.Я. Булохов, Г.Б. Вершинина, Н.И. Колесникова, Т.А. Новикова, Т.А. Острикова, С.М. Петрова, Л.М. Федоряк, Л.В. Черепанова) и 23 кандидата педагогических наук.

Подраздел *Филологические науки* (с. 87–157) включает очерки о 14 докторах филологических наук (Л.А. Араева, А.Г. Антипов, Н.С. Болотнова, М.С. Выхрыстюк, Т.А. Демешкина, П.А. Катышев, Г.А. Копнина, Г.В. Кукуева,

Н.А. Лукьянова, Н.В. Мельник, Г.И. Панова, Л.Б. Парубченко, А.П. Сковородников, А.А. Чувакин). Данные о кандидатах филологических наук в первый раздел не включены.

Биобиблиографические очерки в целом имеют однотипную структуру: *Фамилия, имя, отчество (ФИО). Год и место рождения. Общее и профессиональное образование. Основные места работы, включая последнее. Должность (должности). Работа по совместительству. Поощрения, знаки отличия, награды. Послевузовское образование. Ученая степень (степени). Ученое звание (звания). Повышение квалификации. Общественная работа. Обеспечение вузовской и послевузовской подготовки специалистов. Тема кандидатской и докторской диссертаций. Научная школа, ее краткая характеристика. Наличие аспирантуры и докторантуры. ФИО аспирантов, докторантов, соискателей, защитивших диссертации и продолжающих обучение. Научное руководство и консультирование соискателей. Научная лаборатория (руководство, участие, деятельность). Участие в работе диссертационных советов. Экспертная деятельность. По желанию – хобби, художественное творчество* и др. Однако фактически между отдельными очерками имеются различия в структуре, объеме и содержании. Это объясняется тем, что очерки являются авторскими и каждый автор сам выбирал те факты и события, которые лучше представляют его профессиональную личность.

Второй раздел «Они были первыми» (с. 157–174) содержит 7 очерков и 3 сообщения об ученых, ушедших из жизни. Очерки, написанные С. Н. Карамышевой (В.А. Малаховский, В.Д. Кудрявцев, М.М. Власенко, А.И. Исакова, Е.С. Клебанов, В.Ф. Мейеров) и Т.А. Стеганцевой (А.Г. Григорьев) по материалам государственных и семейных архивов, имеют научную значимость. Сообщения о В.В. Осокине, Е.И. Коптевой и Р.Т. Гриб подготовлены составителем издания.

Важным компонентом описания являются перечни основных публикаций специалистов. Публикации сгруппированы по рубрикам, в т.ч.: 1) *Книжные издания и брошюры* (указаны также имеющиеся рецензии и отзывы). 2) *Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК*. 3) *Иные статьи и сообщения*. 4) *Составленные и отредактированные издания*. В рубриках 1–3 литература дана в обратнотронологическом порядке.

Третий раздел «Библиографические сообщения» (с. 175–194) написан Т.А. Остриковой. В нем представлены короткие библиографические справки о 109 персоналиях: вначале дана информация о 54 докторов филологических наук по русистике, их диссертациях и важнейших публикациях, а также о двух кандидатах филологических наук – профессорах; затем помещены основные сведения о 53 кандидатах педагогических наук – специалистах по методике преподавания русского языка.

Рецензируемое издание считаем важным и перспективным с точки зрения жанра и концептуально обусловленного содержания. Можно пожелать, чтобы издание стало продолжающимся: в нем помещались бы сведения о новых докторов и кандидатах наук по методике преподавания русского языка и

русистике, а биобиблиографические сообщения, имеющиеся в рецензируемой книге, постепенно заменялись бы очерками.

Биобиблиографический справочник необходим студентам-филологам, аспирантам, докторантам (лингвистам и методистам), учителям-словесникам, методистам ИПК / ИУУ, вузовским преподавателям русского языка и его методики. Книга будет нужна также исследователям, приступающим к изучению вклада ученых Сибири и Дальнего Востока в русистику и русскую лингводидактику, и – шире – историкам науки, образования и культуры. Издание начало большой и сложный процесс ликвидации белого пятна в коллективном портрете научного сообщества Сибири и Дальнего Востока.

Книга выполнена качественно и по содержанию, и полиграфически, хотя встречаются отдельные опечатки (например, на с. 167, в 1-ой строке сверху, вместо слова *говоров* напечатано *городов*).

В заключение отметим, что трудно переоценить значимость рецензируемого труда, и выскажем слова глубокой благодарности редактору-составителю справочника, разработавшему и реализовавшему его концепцию.

Обращаемся к специалистам, работающим в вузах и научно-исследовательских учреждениях Сибири и Дальнего Востока, с предложением принять участие в издании: присылать составителю авторские биобиблиографические очерки, информацию о первых в Сибири и на Дальнем Востоке дипломированных специалистах по методике преподавания русского языка и русистике.

А.Е. Иванова, доцент кафедры русского языка
и методики преподавания Хакасского государственного
университета им. Н.Ф. Катанова.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Г.В. Кукуева. Жанрово-стилевая матрица рассказа-сценки (на материале текстов малой прозы В.М. Шукшина). В статье рассматривается проблема реконструкции жанрово-стилевой матрицы синкретичных текстов малой прозы. Выстраивание данной матрицы осуществляется с учетом типа повествования, характера жанра-прототипа, художественно-речевых и языковых свойств текста. В жанрово-стилевой матрице рассказа-сценки главенствующую роль играют признаки жанра-прототипа, раскрывающиеся в механизме взаимодействия эпики и драмы.

G.V. Kukuyeva. Genre and stylistic matrix of story-sketch (a case study of V.M. Shukshin's minor prose). The paper deals with the problem of the genre-stylistic matrix's reconstruction of the syncretic texts of minor prose. Forming of such matrix is realized with taking into account of the narration's types, character of genre-prototype, literary, speech and linguistic qualities of the text. The leading role in the genre and stylistic matrix of story-sketch plays signs of the genre-prototype, which appear in procedure of the interaction of epics and drama.

Л.В. Роббек. К вопросу о лексико-семантической диффузности (лингвофольклористический аспект). В статье ставится вопрос о расширении и уточнении содержания термина «диффузность» в отношении семасиологических исследований. В связи с этим проводится проблемное описание явления лексико-семантической диффузности в языке якутского героического эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина.

L.V. Robbek. On the lexico-semantic diffusion (lingvofolkloristical aspect). The article raises the question about extending and clarifying the content of the term “diffusiveness” in reference to semasiological research. In this connection, the article provides the problem description on lexical-semantic diffusiveness in the language of the Sakha heroic epos – olonkho “Nyurgun Bootur the Swift” performed by K.G. Orosin.

Р.В. Белютин. Концептуальная оппозиция «Свой – Чужой» в немецком спортивном дискурсе (на примере субдискурса футбольных фанатов). В статье рассматриваются некоторые языковые средства экс-

230

пликации социальной бинарной категории «Свой – Чужой» в немецком спортивном дискурсе. На основе анализа текстов песен футбольных фанатов выделяются концентрические круги, в которые помещаются концепты «Свой» и «Чужой». Смысловое наполнение данных концептов происходит как по обычным конвенциональным правилам, так и с использованием специальных внутридискурсивных способов.

R.V. Belyutin. Conceptual Opposition “Us – Them” in the German Sports Discourse (by the example of football fans’ subdiscourse). The article reviews some linguistic means for social binary category “Us – Them” explication in the German sports discourse. Based on the football fans songs texts analysis concentric circles are distinguished, where concepts “Us” and “Them” are placed. The given concepts acquire new meanings both according to conventional rules and using specific intradiscourse methods.

Н.В. Трубавина. Бессоюзное сложноподчиненное предложение в синтаксисе островных немецких говоров Алтай. В статье рассматривается специфика функционирования асиндетона в устной речи носителей островных верхне- и нижненемецких говоров Алтайского края. Материал для настоящей статьи был собран в ходе исследовательских экспедиций в немецкие села Алтайского края в 2003–2011 годах.

N.V. Trubavina. Asyndetic Complex Sentence In The Syntax Of The Upper And Low Insular Altai German Dialects. The article describes the functioning-specificity of asyndeton in the oral speech of upper and low-insular Altai German dialects. Practical material was gathered during dialectological expeditions to German villages of the Altai Krai in 2003–2011.

Г.А. Сосунова. Классификация таможенной терминологии на французском языке и ее использование в профессиональной коммуникации. Статья посвящена современной таможенной терминологии на французском языке, ее классификации по различным направлениям. Анализируются печатные издания по таможенной тематике, в том числе словари на французском языке, тематика профессиональных коммуникаций, представленных в журналах «OMD Actualités».

G.A. Sosunova. Classification of terminology in French and its use in professional communication customs. The article is devoted to modern customs terminology in French, its classification into different categories. The printed press sources on customs issues including French dictionaries, different aspects of professional communication presented in “WCO News” have been analyzed.

Н.С. Тишевская. «Сибирские рассказы и очерки»
В.Г. Короленко : контрапункт национальной и региональной иден-

тичности. «Сибирские рассказы и очерки» В.Г. Короленко рассматриваются как единая художественная структура, а на примере рассказа «Сон Макара» анализируется популярный в словесности XIX–XX веков гибридный с этнографической точки зрения образ сибиряка – этнографический феномен, репрезентирующий колониальный опыт России в Сибири.

N.S. Tishevskaya. «Siberian Tales and Sketches» by V.G. Korolenko : the Collision of Regional and National Identities. In the article “Siberian Tales and Sketches” by Vladimir Korolenko are studied as an integral literary structure. The article contains the analysis of Korolenko’s short story “Makar’s Dream” in the perspective of cross-cultural and ethnic hybridization – a widespread phenomenon which was often described in the Russian letters of the 19–20 centuries.

О.А. Ковалев, А.Д. Негреева. Сюжет и ритм в лирике И. Бродского : к вопросу о соотношении семантики и ритмической структуры лирического текста. На основе проведенного сопоставительного анализа организации ритма трех стихотворений И. Бродского и принципов репетитивной техники, используемых в музыке американского минимализма, и их сопоставления с особенностями лирического сюжета авторы статьи существенно корректируют представление об особенностях соотношения ритма и семантики в поэтических текстах И. Бродского.

O.A. Kovalev, A.D. Negreyeva. Subject and rhythm in J. Brodsky’s lyric poetry : on the correlation between semantics and the rhythmical structure of the lyric text. This article covers the issue of the correlation between the lyrical subject and the rhythmical structure of the text. The authors of the article compare the principle of the rhythmical organization in three poems by J. Brodsky with the principles of the repetitive technique embodied in American minimal music and correlate this with the features of a lyrical subject. The results of the comparison significantly adjust the representation about the issue of the correlation of rhythm and semantics in poetic texts by J. Brodsky.

Е.А. Куликова «Вервольфы» В. Пелевина : генезис образа человека-волка. Цель данной статьи – исследовать развитие образа человека-волка в творчестве Виктора Пелевина. Анализ проводится на основе трех произведений автора. Образ волка (оборотня) на уровне героев связан с мотивами двойственности, прогресса-регресса (физического и нравственного). Подчеркивается также значимость образа оборотня в построении постмодернистского текста.

E.A. Kulikova “Werewolves” of V. Pelevin : the genesis of wolf man’s image. The aim of the article is to research the development of werewolf’s image in creative works by V. Pelevin. The analysis is conducted on basis of

three texts. At the level of characters the image of wolf (werewolf) is connected with the motives of duality, progress-regress (physical and moral). The importance of werewolf in the building of post-modernist text is also emphasized.

П.Ф. Иванов. Система идиоконцептов в автобиографической прозе Гюнтера Грасса. В статье рассматриваются вопросы организации субъектных планов повествования, присущих литературному жанру автобиографии, проблемы реализации системы авторских идиоконцептов и адекватной передачи этой системы в переводе.

P.F. Ivanov. System of ideconcepts in autobiographical prose by Gunter Grass. The article is focused on the subjective narration plans, typical for autobiographical genre of literature, problems of author's system of ideconcepts and appropriate translation of this system.

В.А. Цыбикова. К вопросу о субъектно-объектных отношениях у глаголов с семантикой распоряжения (на материале забайкальской деловой письменности XVIII века). В статье рассматриваются особенности субъектно-объектных отношениях у глаголов с семантикой распоряжения в деловой письменности XVIII века.

V.A. Tsybikova. About the subject vs object's relations of the order semantics verbs (based on the transbaikalean documentation of the 18-th century). The article considers peculiarities the subject vs object's relations of the order semantics verbs on the business documentation of the 18-th century.

Е.И. Клинок. Методика коммуникативного моделирования жанра имиджевой статьи. В статье представлена методика коммуникативного моделирования жанра имиджевой статьи. Основанием методики является рассмотрение жанра в коммуникативно-дискурсивном аспекте.

E.I. Klink. Methods of communicative modeling of image article. The article presents the methods of communicative modeling of image article. Base of the methods is consideration of genre in communicative and discursive aspects.

Н.В. Бугорская. Научный «подтекст» в литературном тексте : философия науки и жанр детектива. В статье предпринята попытка рассмотреть порождение тех или иных типов текста (жанров) не как продукт исключительного литературного процесса, но в более широком культурном контексте. Проводится аналогия между жанровыми признаками классического детектива и типологическими характеристиками научного мышления.

N.V. Bugorskaya. Scientific “implication” in literary texts: philosophy of science and detective genre. The paper attempts to examine a product of certain types of text (genres), not as a product of exceptional literary process, but in a broader cultural context. An analogy is drawn between the features of the classic detective genre and typological characteristics of scientific thinking.

В.В. Десятов. «Гомерический бой»: Николай Гумилев и Осип Мандельштам. В статье сопоставляются, верифицируются и систематизируются сведения из ряда мемуарных источников, что позволяет уточнить и конкретизировать интерпретации нескольких поэтических текстов Осипа Мандельштама, Николая Гумилева и Георгия Иванова.

V.V. Desyatov. “Homeric Fight”: Nikolai Gumilyov and Osip Mandelstam. The article puts together, verifies and systematizes the facts from some memoir sources, that lets the author clarify in details the interpretations of poetic texts by Osip Mandelstam, Nikolai Gumilyov and Georgiy Ivanov.

Н.В. Мельник. Деривационное функционирование русского текста в персонологическом пространстве. В статье представлено лингвоперсонологическое описание созданных на основе одного источника вторичных текстов и показано, что их разнообразие обусловлено существованием разных типов языковых личностей.

N.V. Melnik. Derivational functioning of the Russian discourse in the personological area. The article dwells on the linguapersonological description of secondary texts constructed on the basis of a single source. Besides, it is shown that their variety is caused by the existence of different language personality types.

Н.В. Панченко. «Энциклопедическая компетенция» читателя как фактор управления композиционным построением текста. В статье рассмотрена реализация метатекстовой стратегии композиционного построения текста на материале текстов современной художественной литературы. Метатекстовая стратегия реализуется в современной художественной прозе в двух разновидностях: 1) организация текста как диалога с одним прецедентным феноменом – с реальным культурным текстом или с ситуативным обобщенным текстом; 2) текст организуется как диалог текстов, прецедентных ситуаций, прецедентных высказываний и прецедентных имен.

N.V. Panchenko. Reader’s “encyclopedic competence” as a factor of controlling the compositional construction of a text. The article deals with the application of the meta-textual strategy of the compositional construction of a text on the material of contemporary fiction texts. In contemporary fiction

there are two types of the meta-textual strategy: 1) text organization as the one-precedent phenomenon dialogue with a real cultural text or a situational hypertext; 2) text is organized as a dialogue of texts, precedent situations, precedent utterances and precedent nouns.

Л.А. Петрова. Смысловая диффузность идиоглоссы в концептуальном пространстве художественного текста. В статье рассматриваются особенности формирования актуального смысла идиоглоссы в концептуальном пространстве художественного текста. На основе анализа контекстуальных фрагментов сделан вывод о смысловой диффузности идиоглоссы, возникающей в результате эстетической категоризации реалий окружающего мира.

L.A. Petrova. Semantic diffuseness of idiogloss in the conceptual space of a literary text. The article deals with the formation features of the current mean of idioglossy in the conceptual space of literary text. Conclusion of the semantic diffuseness of idiogloss, appearing as the result of an aesthetic objects categorization in environment, is based on the analysis of contextual fragments.

О.П. Сологуб. Официальное и деловое как организующие начала текста. В работе производится анализ текстоорганизующих начал в сфере официально-деловой письменной коммуникации, формирующих существенные, конститутивные качества официально-делового текста. Такими признаются официальное и деловое начала. В статье выявлены параметры дифференциации официальных и деловых текстов, описаны средства выражения официального и делового начал.

O.P. Sologub. Official and Business-Related as Organizing Principles of a Text. The paper analyzes text-organizing principles in the sphere of official business written communication composing essential, constitutive features of an official business text. Official and business-related principles are recognized as such. The paper reveals differentiation parameters of official and business texts, it describes means to express official and business-related principles.

Т.В. Чернышова. Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью. Статья посвящена изучению типологических признаков дискредитирующих текстов, основной стратегией которых является «игра на понижение». Типичные признаки текстов данного типа рассматриваются на пересечении нескольких составляющих и включают в себя содержательно-формальные, композиционные, языковые способы создания негативной оценочности в текстах дискредитирующего типа, описание базовых и вспомогательных речевых актов, за счет которых формируется изучаемая стратегия.

T.V. Chernyshova **The typological features of the media texts with the pseudo social value.** The paper studies typological features of texts defamatory, which is the basic strategy of “shorting”. Typical symptoms of this type of texts are considered at the intersection of several components, and include content-formal, compositional, linguistic ways to create a negative evaluation in the type of texts defamatory, descriptions of basic and auxiliary speech acts, which is formed at the expense of the studied strategy.

М.Г. Шкуропацкая. **Экспериментальное исследование именной акцентуации в современном русском языке.** Статья посвящена экспериментальному изучению акцентных вариантов имен существительных русского языка, выявлению активных процессов, касающихся данного разряда слов и их соотносительности с литературной акцентной нормой.

M.G. Shkuropatskaya. **Experimental research on behalf of accentuation in contemporary Russian language.** The article is devoted to the experimental study of accent options nouns of the Russian language, the identification of active processes on the discharge of the words and their correlation with the accent of the literary norm.

С.И. Якимова. **Поэтический диалог как форма философско-эстетических и духовно-нравственных исканий литературы русского зарубежья Дальнего Востока.** Поэтический диалог как форма философско-эстетических и духовно-нравственных исканий литературы русского зарубежья Дальнего Востока рассматривается в контексте социокультурной динамики, возникшей драматической полемики литературы метрополии и диаспоры, вызвавших к жизни поэтический диалог как одну из продуктивных и действенных форм реализации творческого потенциала национальной культурной традиции, открытой интеграционным процессам межкультурной коммуникации.

S.I. Yakimova. **Poetic dialogue as a form of philosophical-aesthetic and spiritually-moral quest in Russian emigre literature of the Far East.** Poetic dialogue as a form of philosophical-aesthetic and spiritually-moral quest in Russian emigre literature of the Far East is considered in the context of socio-cultural dynamics, the resulting dramatic polemic between literature of metropolis and diaspora, gave rise to a poetic dialogue as one of the most effective forms of realization of productive and creative potential of the national cultural tradition, open to integration processes of intercultural communication.

НАШИ АВТОРЫ

**АНДРЮКОВА,
Наталья**

– главный специалист КГБУ «Алтайский центр сельскохозяйственного консультирования» (Барнаул).
E-mail: naandryukova@yandex.ru

**БУГОРСКАЯ,
Надежда
Васильевна**

– кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: bugorskaya2005@yandex.ru

**БЕЛЮТИН,
Роман
Вячеславович**

– кандидат филологических наук, доцент Смоленского государственного университета.
E-mail: ryubelyutins@rambler.ru

**ДЕСЯТОВ,
Вячеслав
Владимирович**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: galton67@yandex.ru

**ИВАНОВ,
Павел
Филиппович**

– аспирант Сочинского государственного университета.
E-mail: pavel987-53@mail.ru

**ИВАНОВА,
Антонина
Евгеньевна**

– кандидат филологических наук, доцент Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.
E-mail: ivanova2979@mail.ru

- КЛИНК,**
Евгения
Игоревна – аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: eklink@yandex.ru
- КОВАЛЕВ,**
Олег
Александрович – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: kovalev_oa@mail.ru
- КОРМИЛИЦЫНА,**
Маргарита
Анатольевна – доктор филологических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: rusyazsgu@mail.ru
- КУКУЕВА,**
Галина
Васильевна – доктор филологических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: kupala@inbox.ru
- КУЛИКОВА,**
Екатерина Алексан-
дровна – аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: Era_86@list.ru
- МЕЛЬНИК,**
Наталья
Владимировна – доктор филологических наук, профессор Кемеровского государственного университета.
E-mail: saikova@mail.ru
- НЕГРЕЕВА,**
Анна Дмитриевна – студентка Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: anegreeva@gmail.com
- ПАНЧЕНКО,**
Наталья
Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: panchenko@list.ru

- ПЕТРОВА,**
Луиза
Александровна – доктор филологических наук, профессор
Одесского национального университета
им. И.И. Мечникова.
E-mail: nlla@mail.ru
- РОББЕК,**
Лия Витальевна – кандидат филологических наук, младший
научный сотрудник Института гуманитарных
исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения Российской акаде-
мии наук (Якутск).
E-mail: robbek@mail.ru
- САРБАШЕВА,**
Сурна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: surna@rambler.ru
- СОЛОГУБ,**
Ольга Павловна – доктор филологических наук, профессор
Новосибирского государственного технического
университета.
E-mail: olsolpa@mail.ru
- СОСУНОВА,**
Галина
Александровна – кандидат филологических наук, доцент
Российской таможенной Академии (Люберцы).
E-mail: galinaRTA@mail.ru
- ТИШЕВСКАЯ,**
Надежда Сергеевна – соискатель Сибирского федерального
университета (Красноярск).
E-mail: nadezhda-tishevskaya@yandex.ru
- ТРУБАВИНА,**
Нина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник Алтайской
государственной педагогической академии
(Барнаул).
E-mail: tschichni@mail.ru
- ЦЫБИКОВА,**
Вера Александровна – аспирант Бурятского государственного
университета (Улан-Удэ).
E-mail: tsybikova.vera@mail.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

**ШКУРОПАЦКАЯ,
Марина Геннадьевна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайской государственной академии образова-
ния им. В.М. Шукшина (Бийск).
E-mail: marina-shkuropac@mail.ru

**ЯКИМОВА,
Светлана
Ивановна**

– доктор филологических наук, доцент
Тихоокеанского государственного университета
(Хабаровск).
E-mail: SYakimova@mail.khstu.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 02.07.2013. Подписано в печать 04.07.2013. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 151.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2013

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Василенко Татьяне Николаевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 100 слов каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. **2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.